

Часть II

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ АБАЗИН

(XIX — первая половина XX в.)

Лист от ветки оторвался

И зачах...

Прошептал он,

Корчась в солнечных лучах:

«Ствол родимый, без тебя и без корней
даже солнышко — и то врага страшней».

Б. Тхайцухов. Лист

ВВЕДЕНИЕ

Народные промыслы как часть традиционной культуры и одна из форм декоративного искусства активно удовлетворяют потребности народа в художественных изделиях. Сохраняя прочную связь с жизнью, постоянно обогащаясь новым художественным содержанием, ныне они приобретают новые качества, органично входят в городской, сельский быт. Одновременно их красота и художественная содержательность составляют часть духовного мира человека, отражают его любовь к Родине, ее истории и традициям народной культуры, поэтому чрезмерно актуален вопрос об интенсивности развития народных промыслов.

Как теоретически, так и практически эта задача решается в русле общих тенденций развития художественной культуры, в соответствии с основными направлениями развития народного хозяйства на современном этапе. Усиление идейно-воспитательной роли изделий народных промыслов как произведений декоративно-прикладного искусства требует особого внимания к их художественному качеству. Будучи предметами материальной культуры, произведения народных промыслов являются выразителями духовной жизни народа. В настоящее время названное качество изделий народных промыслов становится особенно важным, так как некоторые бытовые функции в них отмирают или заменяются введением в наш быт чисто утилитарных предметов. Но та духовно-содержательная сторона произведений народного искусства, которая составляет их сущность, аккумулирует многовековой эстетический опыт народа, сохраняя свое непреходящее значение. Именно она — духовная содержательность — составляет своеобразие и художественное качество изделий народных промыслов. Многочисленные отзывы посетителей отечествен-

ных и зарубежных выставок, материалы изучения спроса на произведения специализированной продажи изделий народных промыслов подтверждают все возрастающий интерес к ним как к произведениям народного искусства.

Управление процессами развития культуры — одно из проявлений плано-организационной системы нашего общества. Оно определяет направления, масштабы, организационные формы развития того или иного вида искусства в зависимости от задач, которые этот вид искусства призван решать на данном историческом этапе.

Учитывая значение всех форм культуры как воспитывающего фактора и тесную связь конкретного художественного творчества с жизнью народа, сама действительность ставит вопрос о расширении производства изделий народных промыслов как одной из самых близких и понятных народу форм удовлетворения эстетических потребностей. Широкая программа «О национальных промыслах»¹ опирается на исходный тезис о социально-культурной ценности произведений народного искусства. Поэтому все вопросы современного состояния и развития народных художественных промыслов рассматриваются через призму художественного качества, современного понимания и развития художественных традиций каждого народа — многоэтничного Российского государства.

Как явление культуры народные промыслы характеризуют две особенности развития на современном этапе: существенная трансформация национальных признаков и активное становление профессионального отношения к искусству. Выделение этих особенностей — результат общих преобразований в культуре народов нашей страны.

Главным критерием в определении предметов искусства всегда являлась их национальная характеристика. Она складывалась на основе целого комплекса национальных признаков, вытекающих из социально-исторических, экономических, языковых, географических и других условий сложения культуры. В народных промыслах это характеризуется объединением национальных традиций с общими достижениями общечеловеческой культуры, обогащает творчество мастеров современных традиционных промыслов. Они откровенно ощутимы в подходе к современной теме, обновлении мотивов орнамента, появлении новых по назначению вещей. Не простое наименование, а планомерное и глубокое изучение опыта других народов, их межкультурного взаимодействия лежит в основе творческого развития художественных традиций каждого народа.

Проблема возрождения народных промыслов и создание новых предприятий должны рассматриваться прежде всего как проблема развития художе-

---

¹ О национальных промыслах // Правда. 1975. 27 февр.

ственных изделий на основе местной культуры. Даже при отсутствии ярко выраженных художественно-ремесленных традиций в каком-либо районе создания нового предприятия отечественного профессионального декоративно-прикладного искусства это позволит со временем выработать свой вариант художественно-стилистического направления.

Основой для правильного решения данного вопроса являются изучение местной культуры и условий организации нового производства, выявление исторических и современных факторов, игравших и играющих важную роль в жизни народа. Необходимо исследовать и проанализировать факторы, характеризующие процесс исторического развития промыслов и условия функционирования промыслов в прошлом и настоящем, культурное значение предметов народных промыслов, экономические предпосылки и сырьевые ресурсы, распространенность ремесла в прошлом, современное его состояние, наличие кадров для возрождения промысла и т. д.

Непосредственно связанное в своем историческом развитии с повседневным бытом человека, убранством жилища, одеждой, украшениями, предметами труда, хозяйственной утварью, искусство народных художественных промыслов абазин, пройдя очень длительный и сложный путь своего становления и развития, в последние десятилетия получило свое дальнейшее развитие. Оно достигло высокой степени совершенства и стало неотъемлемой составной частью национальной культуры — многообразной по своим национальным формам и интернационалистической по духу и характеру.

Возрожденное из глубин веков, оно продолжает и развивает лучшие национальные художественные традиции, выработанные многими поколениями мастеров прошлых лет.

В условиях Нового времени искусство народных промыслов абазин обогатилось новыми орнаментальными мотивами и изобразительными сюжетами, новыми современными формами изделий, отвечающими эстетическим вкусам людей, а также новыми декоративно-техническими приемами. Сегодня произведения искусства народных промыслов органически вошли в повседневный быт людей, в обстановку современного жилища, внося в него красоту и одухотворенность.

Искусство народных промыслов играет важную роль в формировании духовного облика современного человека, так как неповторимые изделия народных мастеров пользуются особым спросом в силу стандартизации архитектуры и убранства интерьеров. Оно и по сей день питает профессиональное творчество художников-профессионалов, скульпторов своим отточенным мастерством, высокими художественными достоинствами. В течение последующих десятилетий государство неоднократно указывало на всевозрастающую

роль многонациональной культуры в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании подрастающего поколения, формировании их художественных запросов.

Решая сложнейшие проблемы социально-экономического и политического развития страны, государство направляет все виды художественного творчества на участие в общенародном деле возрождения и развития традиционной культуры как малочисленных, так и многочисленных народов России. Оно стремится свою хозяйственную, политическую, культурную деятельность поставить на службу гуманнейшей цели — всестороннему совершенствованию человеческой личности, подъему материального и духовного уровня жизни народа.

Едва ли нужно особо доказывать, что изучение искусства народных промыслов имеет не только научно-теоретическое, познавательное, но и непосредственное практическое значение в деле дальнейшего развития и совершенствования этих промыслов. Понять те процессы и явления, которые протекают в современных народных промыслах, а также предвидеть их будущее невозможно, не исследовав, не изучив и не проанализировав эти промыслы в их историческом развитии. Совершенно прав Ю. С. Мелентьев, который отмечает, что «без решения ряда теоретических проблем, без понимания природы народного искусства, без знания законов его развития, без изучения форм современного народного творчества невозможна плодотворная практическая работа по развитию и восстановлению традиционных отраслей народного искусства и художественного ремесла»².

В век технического прогресса, в условиях ускоренного развития национальных культур, когда в художественном творчестве стираются рамки узконациональных различий на пути его развития в интернациональном русле, глубокий интерес к духовным ценностям прошлого, к вопросам национального культурного наследия чрезвычайно возрос. В творчестве же мастеров народных промыслов находят, как известно, наиболее яркие проявления самобытные традиционные формы национальной культуры, восходящие своими истоками к глубинным пластам народного искусства.

Все это настоятельно ставит перед учеными задачи дальнейшего развертывания научных исследований в области истории народных промыслов, значительного усиления и существенного улучшения исследовательской работы по изучению современного состояния и перспектив их дальнейшего развития и совершенствования.

Необходимость усиления такой работы диктует и сегодняшнее состояние народных промыслов. Не случайно в последние годы в центральной печати

---

² Мелентьев Ю. С. О некоторых творческих проблемах развития художественных промыслов // Творческие проблемы современных художественных промыслов. Л., 1981. С. 6.

стали часто появляться статьи искусствоведов, мастеров и художников народных промыслов, в которых ставятся проблемы сохранения коренных традиций искусства народных художественных промыслов, творческого осмысления и использования богатого художественного наследия мастеров прошлых лет в современной практике.

Приоритетной задачей становится организация предприятий народных промыслов как нового, современного этапа в возрождении искусства народов РФ. Это может свидетельствовать о значительности происходящих ныне процессов преобразования материальной и духовной культуры общества, подъеме на новую ступень общественного процесса. В этом движении важнейшими направлениями остаются ориентация на высокое художественное качество изделий народных художественных промыслов, развитие коллективного творчества и сохранение эстетической самобытности каждого центра народного искусства. Это является главной задачей в решении общей проблемы удовлетворения спроса на художественную продукцию, использование произведений народного творчества как одного из средств формирования национального менталитета, показателя роста художественной культуры современного общества.

Касаясь тех насущных проблем, которые стоят перед исследователями искусства народных промыслов, нужно прежде всего кратко охарактеризовать состояние его изученности, отметить то, что достигнуто в его исследовании и что предстоит сделать в теоретическом осмыслении богатейшего опыта абазинских мастеров прошлого и сегодняшних задач по его всестороннему изучению.

Памятники прикладного искусства народов Северного Кавказа, дошедшие до наших дней предметы домашнего быта (деревянная и керамическая утварь, изделия из кости, рога, металла, предметы домашнего производства, вышивка) свидетельствуют о значительном развитии народного ремесла населения Кавказа. Прикладное искусство абазин, отличающееся разнообразием форм, в силу натурального хозяйства горцев до начала XX в. сохраняло немало архаичных черт. В предметах прикладного искусства народа отразились его история, история культуры, межкультурная коммуникация абазин.

Вплоть до настоящего времени народные промыслы абазин не были предметом специального изучения. Однако в кавказоведческих трудах XIX — начала XX в. нередко содержались сведения о видах орнамента, технике его нанесения, которые в основном были характерны во многих технических приемах для всех народов. Е. М. Шиллинг, побывавший в Гудаутской Абхазии осенью 1925 г., не мог не восхищаться белыми льняными и хлопчатобумажными орнаментированными тканями, полотенцами, завесами, которыми были «увешаны

все стены абхазского дома снизу доверху, а также легкими шерстяными коврами на нарах и большими яркими коврами на некоторых стенах»³. В работе Е. М. Шиллинга художественным изделиям абхазов, в частности орнаментации тканей, посвящен специальный раздел. Автор впервые дал описание процесса обработки и выделки для хлопчатобумажных изделий, шерсти — для ковров и паласов, им дано также определение характера орнаментальных форм народного узора абхазов. Он писал: «Орнамент более самобытный и старый бывает проще, носит геометрический характер, по своей технике отличается тем, что дает на ткани небольшие сквозные отверстия»⁴.

В 1940 г. была напечатана небольшая статья Е. М. Шиллинга «Адыгейский узор»⁵, в которой автор давал, по существу, первый искусствоведческий анализ произведений народного искусства, утверждая художественную ценность изделий народных мастериц, в творчестве которых он уловил большой художественный такт и тонкое понимание красоты. Сами рисунки представляют интерес не только для художника, давая ему в руки первоклассные образцы орнаментальных узоров, но и для этнографа, археолога. Е. М. Шиллинг первым познакомил широкую общественность с художественной культурой адыгейского народа, положил начало ряду специальных работ, посвященных прикладному изобразительному искусству народов Северного Кавказа.

В 40–60-х годах появляются работы об отдельных видах народных промыслов Северного Кавказа. Так, Е. Н. Студенецкая, описывая золотошвейное искусство кабардинцев, показывает его специфику и традиционность, выявляет органическую связь этого искусства с бытом народа. Познакомить широкую общественность с лучшими образцами адыгского орнамента и тем самым привлечь внимание историков, этнографов, искусствоведов, архитекторов-строителей, а также работников современной художественной промышленности к глубокому изучению и широкому практическому применению орнаментального искусства этих народов — такова цель альбомов «Народное творчество адыго-кабардино-черкесов»⁶ и «Адыгейский народный орнамент»⁷.

Одно из центральных мест в альбомах занимают образцы золотого шитья на женской одежде и головных уборах. Золотошвейным искусством в прошлом, судя по данным письменных источников и археологическим материалам, занимались женщины у всех народов Северного Кавказа, и, что очень важно, оно сохранилось до недавнего времени. Золотой и серебряной нитью вышивали не только костюмы, головные уборы и обувь, но также предметы

---

³ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // Советская этнография. 1926. № 1–2. С. 21.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Шиллинг Е. М. Адыгейский узор // Искусство. 1940. № 3. С. 155–160.

⁶ Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Орнамент. Нальчик; М., 1957. Вып. 1.

⁷ Азаматова М.-К. З. Адыгейский народный орнамент: альбом. Майкоп, 1960.

быта, например кожаные сумки и конское снаряжение. В период позднего Средневековья «золотым шитьем украшали шелковую обивку гробов, колчаны и т. п. Для украшения кожаных вещей применялся и способ аппликации»⁸.

Своеобразие абазинских вышивок составляют сдержанность цветовой гаммы, преобладание геометрического орнамента и изображений животных над растительными мотивами. Сочетание легкого линейного орнамента с крупным пятном, наличие большого свободного поля вокруг узора, многослойность, при которой в одни орнаментальные формы, располагавшиеся на свободном поле, вписаны более мелкие элементы. Эти особенности наиболее наглядны в золотошвейном искусстве, где крупные золотые и серебряные узоры, выполненные в технике *хъапц тадзах* — «золотое шитье», создающей богатую фактурную поверхность на фоне черной, синей или красной тяжелой ткани, воспринимаются объемно, скульптурными декоративными пятнами. Е. Н. Студенецкая справедливо считает, что «сочетание крупных кусков вышивки с воздушностью и тонкостью соединяющих линий придает изделиям своеобразное изящество и легкость, что подчеркивается большим, обычно темным, полем фона»⁹.

Выполняя золотошвейные узоры на одежде, нарукавниках, поясных подвесках и головных уборах, составители узора ставили всегда на первый план главную, среднюю фигуру или же, где того требует сюжет, главный ряд фигур, а потом уже наполняли оставшиеся промежутки тщательно выбранными формами, имеющими второстепенное значение в художественном отношении, но близко относящиеся к главному сюжету и в техническом отношении мастерски соответствующие данному пространству.

Вышитых предметов быта с каждым годом становится меньше и меньше, их место занимают новые современные вещи, но при этом они утрачивают самобытную оригинальность и красоту. Пройдет немного времени и предметы старого быта окончательно исчезнут. Поэтому ясно, какое большое значение имеют вышеназванные альбомы для истории художественной культуры народов Северного Кавказа. Следует отметить, что материалы альбома «Адыгейский народный орнамент» и вторая статья неравноценны. Вводная статья не дает полной характеристики рисунков, не указывает времени и места их бытования и не лишена ряда других существенных ошибок.

Адыгейскому прикладному искусству посвящена также статья Л. А. Авербах¹⁰, основанная на полевых материалах. В ней уделено большое внимание

⁸ Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура XIII–XX вв. // Советская этнография. 1957. № 4. С. 22.

⁹ Студенецкая Е. Н. Украшение одежды у кабардинцев XIX–XX вв. // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1950. Т. 5. С. 172.

¹⁰ Авербах Л. А. Народное декоративно-прикладное искусство // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964.

мотивам народного орнамента, подчеркивается их художественная значимость и делается попытка найти связующее звено между современными композициями и их прототипами. Л. А. Авербах первой обратила внимание на художественную простежку адыгейских одеял.

Необходимо также упомянуть работу Л. Я. Кузнецовой¹¹, где автор затрагивает некоторые общие проблемы развития народного искусства. Л. Я. Кузнецова специально останавливается на развитии в декоративном искусстве национальных традиций, на связях этого искусства с бытом и деятельностью народных умельцев. С большой энергией ищет она пути использования традиций прошлого в художественном оформлении предметов современного быта.

В области исследования декоративно-прикладного искусства абхазов работал И. А. Аджинджал. Его работы содержат интересные наблюдения и тонкий искусствоведческий анализ¹². И. А. Аджинджал раскрыл богатство и разнообразие форм народной резьбы по дереву у абхазов. Однако познавательная ценность данной работы снижается тем, что в ней не даны иллюстрации. В начале 60-х годов вышла статья Л. Х. Акаба¹³, посвященная орнаментике деревянных изделий у абхазов.

Изучению народного изобразительного искусства абхазов посвящен ряд работ Е. М. Малия¹⁴, в которых большое внимание уделено выявлению характера и идейного содержания изображений на предметах быта. Автор характеризует в общем плане орнамент на деревянных изделиях, камне, металле, роге, кости, особо выделяя орнаментику тканых изделий.

Памятники народного искусства абазин, сохранившиеся до наших дней (многочисленные предметы домашнего быта, утварь, керамика, изделия из рога, металла, предметы домашнего производства), украшенные самобытным национальным орнаментом, свидетельствуют о существовании у абазин в прошлом развитого художественного ремесла.

---

11 *Кузнецова Л. Я.* О народном искусстве Кабардино-Балкарии // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1970. Вып. 3; *Она же.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.

12 *Аджинджал И. А.* Материалы к изучению резьбы по дереву, рогу, кости, камню и металлу в дореволюционной Абхазии // Труды Абхазского музея. Сухуми, 1957. Вып. 2; Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.

13 *Акаба Л. Х.* Об орнаменте резьбы по дереву у абхазов // Труды Абхазского научно-исследовательского института. Сухуми, 1963. Т. 33–34.

14 *Малия Е. М.* Об орнаменте льняных и хлопчатобумажных настенных ковров // Труды Абхазского научно-исследовательского института. Сухуми, 1963. Т. 33–34; *Она же.* К вопросу о народном изобразительном искусстве абхазов // Труды Педагогического института им. А. М. Горького. Сухуми, 1964. Т. 17; *Она же.* О народных художественных изделиях абхазов // Алашара. 1965; *Она же.* О народном узоре абхазов // Современное абхазское село. Тбилиси, 1967; *Она же.* Народное изобразительное искусство Абхазии. Тбилиси, 1970.

Следует сказать, что народный узор абазин до настоящего времени оставался почти неисследованным. Между тем всестороннее изучение этой отрасли народного искусства дало бы многое для понимания истории народа.

Большие изменения произошли в народном узоре абазин в XX столетии. В соответствии с новыми эстетическими идеалами и потребностями жизни изменились формы существования и производства предметов изобразительного искусства.

Если производство некоторых форм произведений народного искусства абазин и прекращено в настоящее время, то использование их все еще составляет неотъемлемую черту современного этнографического быта абазин, особенно у части сельских жителей. Народ бережно относится к ним, любит и хранит их.

Длительному сохранению изделий народного промысла в быту абазин содействовал кустарно-домашний характер производства, который имел большое распространение у абазин вплоть до начала XX в. Продукты домашней кустарной промышленности были рассчитаны на удовлетворение внутренних потребностей производителя. В связи с этим каждое крестьянское хозяйство должно было у себя изготавливать все предметы, необходимые для его личных нужд. Народные промыслы абазин исторически тесно связаны со скотоводством, земледелием. Географическая среда обитания абазин была богата природным сырьем для всевозможных отраслей бытового искусства: дерево, шерсть, кость, камень и т. д. были знакомы им с древнейших времен, что способствовало созданию определенных технических и художественных навыков их обработки. Из-под рук народных умельцев выходили прекрасные предметы, одновременно декоративные украшения жилища. Многие из этих предметов бережно хранятся и сейчас в народе, украшая интерьер сельского жителя.

Во второй половине XIX в. с развитием капиталистических отношений традиционные промыслы абазин начали терять свое значение, заметно снизилось художественное качество изделий. Особенно пришли в упадок народные промыслы к началу XX в.

В настоящее время в связи с развитием промышленности и достаточным обеспечением сельской местности промышленными товарами отпала необходимость во многих народных промыслах. Можно лишь сказать о частичном сохранении таких ремесел, как столярное, плотничье. В последнее время значительно возросло производство предметов домашнего обихода — изготовление кухонных наборов, хлебниц и т. д. В быту городского и сельского населения эти вещи служат главным образом удовлетворению эстетических потребностей. Они превратились в народные сувениры. Значительно видоиз-

менилась структура народного промысла в последние десятилетия в связи с преобразованием общества, бурным развитием мелких предприятий. Утилитарная роль многих народных промыслов заметно ослабла, в то же время в целом усилилась эстетическая функция народного искусства. Многие из его традиционных видов развиваются в наше время на новой основе. Для современного народного искусства характерны тенденция к усилению декоративности, тесная его связь с профессиональным искусством.

Анализируя положение народных художественных промыслов к концу 1960-х годов, искусствовед Е. Г. Яковлева писала: «Требование ежегодного увеличения объема продукции и повышение ее рентабельности вынуждают производство механизировать не только подсобное, но и основные процессы производства и, что самое пагубное, вводить кооперационное разделение творческого исполнительского труда и на этой основе стандартизировать ассортимент, увеличивать тираж образцов»¹⁵. Механизация максимально возможного количества технических приемов, позволяющая повторить одни и те же изделия и выпустить их огромными партиями, сказывается на художественном качестве продукции. Изделия теряют самобытность, оригинальность, теплоту и привлекательность для покупателя. Для плодотворной деятельности предприятий народных художественных промыслов необходимо сохранить их специфику, основанную на применении ручного творческого труда, наиболее полно воплощающую в себе духовные и практические возможности человека, составляющие непреходящую ценность для современной и будущей культуры человечества, следует активнее развивать художественные традиции, создавать изделия, имеющие прямое и ярко выраженное утилитарное назначение.

Коллективность в творчестве мастеров и традиционность художественно-технических приемов — основа развития каждого предприятия народных художественных промыслов, что особо проявляется в условиях Северного Кавказа, где каждая из республик обладает богатыми художественными традициями и значительным числом потомственных мастеров.

Немаловажную отрицательную роль как в конъюнктурном, так и в идейно-художественном отношении сыграла непродуманная политика дублирования традиционной стилистики народного искусства в машинных изделиях. Рассмотрим для примера возникновение в связи с этим проблемы в золотошвейных изделиях. Как известно, это один из наиболее древних видов народного искусства. Золотошвейные изделия были в каждом доме горца, они пользовались заслуженной славой и за пределами страны. Еще более важно, что в каждой семье от поколения к поколению переходило умение ткать га-

---

¹⁵ Яковлева Е. Г. Некоторые вопросы современного развития народного искусства // Сборник трудов Научно-исследовательского института художественных промыслов. М., 1967. Вып. 4. С. 7.

луны, позуметы, вышивать шелковыми, золотыми и серебряными нитками. Активная деятельность механизированных фабрик, копировавших образцы золотошвейных изделий, непродуманная политика использования окрашенных анилиновыми красителями хлопчатобумажных ниток вместо шелковых, а также многочисленное тиражирование народных образцов традиционных рисунков — все это послужило причиной неконкурентоспособности этих изделий. Для восстановления конкурентоспособности изделий народных мастериц необходимо вернуться к старым приемам крашения ниток естественными красителями, увеличить гамму цветов, вести планомерную ассортиментную политику в соответствии с запросами населения, с учетом сложившейся специфики возрождения и развития народных промыслов. Необходимо продолжить работу по восстановлению старинных золотошвейных образцов, которые могут внести в современное моделирование новые смысловые и образные нюансы. В поисках новых композиционных решений надо обращаться к глубинным слоям местных художественных традиций, могущих оказать наиболее плодотворное воздействие на определение стилистической направленности ассортимента золотошвейных изделий. Сегодня совершенно ясно, что развитие предприятий и детальное планирование производства основных видов искусства народных художественных промыслов должны происходить на основе тщательного изучения конъюнктуры спроса, корректировки выпускаемой продукции в соответствии с требованиями культуры и запросами рынка. Анализ показывает, что традиции народного искусства в прошлом были столь широки и разнообразны, что в них можно найти опору для самых разных современных художественных поисков. Богатые традиции, сложившиеся в народных промыслах в формировании ассортимента и спроса, нужно глубоко изучить и руководствоваться ими.

В современных условиях задачи развития промыслов не могут быть оторваны от решений социально-экономических и культурных проблем. Учитывая, что в настоящее время еще здравствуют многие потомственные мастера пожилого возраста, можно утверждать, что многие из них знают те или иные традиционные ремесла. Это относится, в частности, к таким видам ремесел, как обработка шерсти, резьба по дереву, тиснение по коже и т. д., широко распространенным почти во всех регионах Северного Кавказа. Возрождение этих замечательных видов народного искусства создаст предпосылки к возрождению в быту сельского и городского населения вещей, не столько изживших себя, сколько выпавших из нашего кругозора как культурные ценности народа. Важным аспектом возрождения народных промыслов абазин как культурного явления может стать внедрение в производство ассортимента бытовых художественных изделий, приспособленных к современным условиям жизни, что позволит решить значительные проблемы регионального обеспечения сель-

ского населения необходимыми товарами. Это поможет удовлетворить культурные и бытовые запросы сельского населения, что, в свою очередь, откроет перед промыслами широкие перспективы экономического и художественного развития и позволит привлечь в общественное производство большее количество людей. Источником оптимизма здесь может служить возросший спрос на рынке на изделия народных художественных промыслов.

Наиболее рациональной формой возрождения народных промыслов на современном этапе, на наш взгляд, кажется организация надомного производства. Опыт современных предприятий, например в Кабардино-Балкарской Республике — «Умелец», использующих труд надомников, дает примеры мобильного производства, оперативно меняющего продукцию в соответствии с требованиями рынка. В тесной связи с вышеуказанным находится проблема использования возможностей индивидуальной трудовой деятельности, которая в условиях Карачаево-Черкесии, где в каждой семье имеются потомственные мастера того или иного дела, может обрести социальную значимость. В вопросах освоения творческого наследия, переработки и переосмысления его в духе веяний времени они могут достичь многого. Оптимальным кажется также, на наш взгляд, использование кооперативных форм труда. Создание на базе предприятий народных художественных промыслов кооперативов может способствовать притоку новых мастеров и широкому распространению среди различных возрастов и профессий, традиционных ремесленно-художественных навыков. Не говоря об экономической и социальной значимости, кооперативную организацию труда у нас, в Карачаево-Черкесской Республике (КЧР), можно рассматривать как одну из наиболее органичных и плодотворных систем, позволяющих создать для широкого круга людей возможности проявления их природных способностей при условии сохранения верности избранной ранее профессии. Не менее существенную роль в сохранении традиций народных промыслов должны сыграть формирование фирменного ассортимента изделий новосоздаваемых предприятий и пересмотр выпускаемой продукции ныне существующих промыслов.

Высококачественный фирменный ассортимент должен стать лицом предприятия, определяющим художественную и творческую марку народного промысла. При восстановлении народных промыслов вопросы разработки ассортимента и приспособления к современным требованиям вновь создаваемых предприятий должны вестись более принципиально, научно обоснованно. Нужно тщательно изучать художественно-технологические приемы, органично внедрять их и развивать в работах современных мастеров, что является одним из важнейших объектов возрождения и развития искусства народных промыслов на современном этапе.

Разработка важнейших теоретических вопросов искусства народных промыслов предполагает всестороннее изучение различных видов традиционных промыслов в их историческом развитии, что вызывает необходимость их специального углубленного исследования по конкретным отраслям, отдельным видам. В этом аспекте нуждаются в обстоятельном изучении такие, еще слабо исследованные или вовсе не изученные отрасли народных промыслов, как золотошвейное дело, художественная обработка кости, орнаментальное творчество во всем многообразии его проявления, национальная одежда как вид прикладного искусства, истоки и становление тех или иных промыслов, особенности их функционирования в прошлые исторические эпохи.

Таковы наиболее важные и актуальные проблемы истории искусства народных промыслов абазин, глубокое и всестороннее исследование которых будет иметь не только научно-познавательное, но и определенное практическое значение в деле дальнейшего подъема и совершенствования современных промыслов, возрождения их отдельных угасающих или уже угасших отраслей — национальных вышивок и др. Научная разработка этих проблем позволит также наглядно показать тот вклад абазин, который они внесли в сокровищницу многонационального искусства нашей страны.

С изменением образа жизни народов возникла проблема сохранения традиций народного искусства. Веками семейное воспитание обеспечивало преемственность народных умений и навыков, когда деды и родители передавали свой опыт внукам и детям. Обучение традиционным занятиям начиналось с раннего детства и продолжалось в течение всей жизни.

Приобщение к современному образу жизни в городах и селениях, возможность приобрести в магазинах готовые вещи для дома, одежду современного типа вытесняют необходимость изготовления домашней утвари и национальной одежды традиционными способами. Поэтому задача сохранения и развития лучших традиций своего народа, в частности изобразительного искусства, приобретает особо важное значение.

В наше время изделия народных мастеров входят в жизнь не столько как предметы утилитарные, сколько как художественные произведения, отвечающие самому изысканному вкусу. Их эстетическая функция становится главной. В последнее десятилетие во всем мире значительно возрос интерес к народному изобразительному и прикладному искусству. У нас в стране на него обращено внимание и специалистов, и широкой общественности. Мастерицы заботились не только о прочности и добротности, но и о красоте вещи. Большое внимание уделялось праздничной одежде. В ее отделке, орнаментации отражались образные представления об окружающем мире, которые породили те или иные формы. Традиционно они геометризированы и условны. Тра-

диционные и цветовые решения орнаментов, чувство ритма, цвета, цветовых сочетаний, как и чувство меры, высокоразвитое у народных мастериц. Для того чтобы побороть равнодушие, чтобы работа пошла успешно, прежде всего необходимо организовать знакомство с музейными экспонатами. Цель — вызвать любованье, показать, что такое народное искусство, народное творчество, мастерство, фантазия, вызвать чувство гордости за свой народ, его искусство, показать красочно оформленные альбомы, где представлены образцы изделий народных мастеров. Кроме альбомов, необходимо просмотреть и натуральные изделия.

В изобразительном искусстве заложен не только профессиональный, но и нравственно-социальный, нравственно-эстетический опыт человечества. Большое внимание уделяется духовному воспитанию человека и гражданина. В частности, одна из задач — пробудить национальное самосознание, формировать уважение к культуре и истории народа.

Прикладное искусство — удивительно своеобразная область народного художественного творчества. Это искусство открывается нам не только в коллекциях многочисленных музеев, но и как живая деятельность десятков мастеров. Художественные изделия этих мастеров являются национальными, интернациональными, общечеловеческими ценностями.

Народное декоративно-прикладное искусство тесно связано с традиционным бытовым укладом. Оно выросло из быта с его установленными обычаями, обрядами. Внешняя декоративная оснастка этого быта продолжала существовать почти в неизменном виде вплоть до 30-х годов XX в.

С начала 1930-х быстро разворачивается процесс социально-экономических, политических и культурных перемен. Молодежь охотнее ориентируется на новое, старшее же поколение сохраняет приверженность традиционному образу жизни, одежде, бытовым изделиям, сработанным руками их отцов и дедов. Об этом свидетельствуют очевидцы и участники событий того времени.

С развитием государственной торговли традиционная национальная одежда уступала место европейской городской одежде, в основном фабричного производства. Примерно то же происходило и с другими предметами материальной культуры. К сожалению, в тот период подчас значительно недооценивались и не всегда понимались красота и самобытность сделанного руками народных мастеров, а к предметам быта традиционной материальной культуры не было отношения как к предметам искусства. Как свидетельство отсталости материальной и духовной культуры народа рассматривали в те годы многое в жизни. И чем скорее уйдет из быта все старое, рассуждали люди, тем будет лучше. Такая чрезмерная ориентация на новые ценности, недооценка

положительного опыта в традиционной культуре народа привели к тому, что уже к 50–60-м годам в селениях с трудом можно было найти людей, хранящих национальную одежду и предметы быта, тем более владеющих древним искусством изготовления изделий.

Социально-психологический перелом в отношении к традиционному прикладному искусству наметился в конце 60-х — 70-х годах. Потеряла свою остроту борьба со старым бытом. Уходило из жизни старшее поколение, хранившее обычаи предков. Во всех сферах хозяйственной и культурной жизни утвердилось поколение людей, родившихся в условиях социализма. Впервые в эти годы изделия народных умельцев предстали перед молодым поколением как национальные художественные ценности, как то, что их народ может внести в художественную культуру и что должно быть сохранено для будущих поколений. Такому сдвигу в общественном и национальном сознании способствовало пробуждение всеобщего интереса к национальной культуре, декоративно-художественному искусству всех народов. Именно на рубеже 60-х годов сформировалось видение этих изделий как необычных, своеобразных эстетических ценностей. Вероятно, такого рода «прозрению» способствовала характерная для середины XX в. тяга к природным материалам на фоне всемирного наступления синтетики и всякого рода заменителей, имитирующих природные материалы. Появилось обостренное чувство — эмоциональное восприятие настоящего дерева, кожи, меха и т. д. А главное — обостренное эмоциональное восприятие рукотворных, трудоемких по исполнению вещей, в отличие от изделий машинной техники. И наконец, пробудился интерес уже чисто художественный: нитки, краски, пропорции традиционных вещей оказались созвучны эстетическим представлениям и нормам людей второй половины XX в.

Длительное время существовала тенденция оценивать искусство народов как отсталое по сравнению с другими народами. В 60–70-е годы начался переход к концепции, рисующей их как представителей общества с богатой духовной жизнью. Возникла проблема исследования искусства этих народов. А за ней встали практические задачи возрождения народных художественных ремесел, восстановления производства предметов национального быта, передача молодежи художественных традиций декоративно-орнаментального искусства.

В условиях традиционного натурального хозяйства художественные изделия создавались для личного и домашнего пользования, с целью удовлетворения практических и эстетических потребностей. Все свободное время женщины были заняты пошивом и украшением одежды, головных уборов, обуви и т. д. По сложности и красоте вышивок и других форм орнамента оценивалась

Научное наследие Л. З. Куннжевой

способность девушки стать женой и матерью. В первой четверти XX в. все члены семьи владели умением изготавливать и украшать все, что считалось необходимым для жизни. В традиционной культуре были отработаны механизмы передачи этого художественного знания и умения. Матери и бабушки терпеливо прививали своим дочерям и внукам чувство ритма, гармонии, умение видеть и ощущать в национальном орнаменте, типичном для каждого народа цветовом подборе красоту и глубинное художественно-образное содержание.

Изготовление различных моделей не имело ничего общего с механическим копированием. Творческое освоение новых видов изделий выразилось в широком использовании традиционных элементов резьбы, шитья, нередко представляющих самостоятельную художественную ценность.

Первые попытки организовать кустарное производство выразилось в механическом перенесении в уже существующий ассортимент тех видов изделий, которые выпускались в других центрах сувенирного производства, что в дальнейшем помогло сформироваться художественным средствам обработки изделий. Длительное время значительную часть продукции промысла составляли предметы ширпотреба: хлебницы, чернильные приборы и т. п. Производство подобных вещей неизбежно приводило к появлению эклектических изделий, в них не было и не могло быть той отточенной формы и органично связанного с ней декора, которые вырабатывались опытом многих поколений мастеров, того глубокого единства красоты и целесообразности, которые делают предмет утилитарного характера произведением искусства. Возрожденное новым временем, искусство народных мастеров представляет уникальное явление в культуре.

Новые идеи и различные приемы, проникающие в среду национальных мастеров, в естественном творческом процессе осваивались и перерабатывались в соответствии с местной художественной традицией. Одни обогатили и расширили устойчивый круг тем изобразительных средств, другие же не получили дальнейшего развития как чуждые.

Необходимо создать предприятия художественных промыслов, призванные сохранить в современных условиях коллективную основу народного художественного творчества. В этом сложном противоречивом процессе нет точных формул, нет подчас однозначных критериев, а, напротив, возникают непредсказуемые и неожиданные явления. Но основной в современной теории и практике остается задача сохранения и возрождения народного декоративно-прикладного искусства небольших по численности народов в условиях перехода к рыночным отношениям, сохраняя его для будущих поколений.

ШЕРСТЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. Камвольно-валяльное шерстяное производство (первичные производственные процессы)

Изделия из шерсти (подстилки, бурки, сукно, суконная одежда, попоны, полсти и т. д.) всегда играли важную роль в быту абазин. Войлочные и тканые изделия представляли большую ценность в торговле абазин как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Необходимое для данного производства сырье абазины получали от развитого овцеводческого хозяйства. «Абазины из овечьей шерсти делали бурки и толстые сукна для себя и для продажи»¹⁶, — писал С. Броневский. М. Венюков отмечал, что «у горцев овцеводство уже потому довольно обширно, что баранина — их любимая пища, а главная часть одежды, черкеска, делается всегда из сукна, и притом всегда местного, так как русские фабричные сукна не удовлетворяют туземцев Кавказа ценой и мягкостью»¹⁷. В другой работе сообщалось, что «шерсть их (овец. — Л. К.) горцы употребляли на приготовление шерстяных материй, войлоков, башмаков, бурок, столь потребных и полезных в их суровой и боевой жизни, с которой они знакомились с молодых лет»¹⁸.

Важное место в хозяйстве абазин занимало разведение овец и коз. Овец разводили местной, так называемой адыгской породы, мериносовых, а также карачаевской породы. О большом количестве овец в хозяйствах абазин в XIX в. писал абхазский этнограф Ц. Н. Бжания: «У кубинолоукытских (совр. аул Кубина) скотоводов преобладали овцы... у жителей данного аула имелось одних только овец свыше 24 тыс. Крупными скотохозяевами являлись князь Лоу Лзаматкери, дворянин Лиев Абдылкадр, Шыбзыхуа Баткерм, Муран Хусин, Бал Лаукман, которые имели тысячные отары»¹⁹, и далее он отмечал, что «другой абазинский аул, Старо-Кувинск, расположенный на левом берегу реки Большой Зеленчук, славился своим скотоводством. Здесь имелись также крупные скотохозяева в лице Лиаа, Ажиба, Шинкауа. Лиаа имели отары овец, поголовье которых доходило до 2000, и стада коз до 500 голов»²⁰.

16 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 334.

17 *Венюков М. И.* Очерк пространства между Кубанью и Белой // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1863. Кн. 2. С. 19.

18 Отчет Комиссии по исследованию земель на северо-западном берегу Черного моря между р. Туапсе и Белой // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 6. С. 134.

19 *Бжания Ц. Н.* Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962. С. 63.

20 Там же. С. 63–64.

Стрижку овец — *уаса сара* — производили два раза в год: весной перед перегонем овец в горы на летние пастбища и осенью по возвращении их на плоскость. Весенняя стрижка производилась в мае или в начале июня в зависимости от того, как прошла зима. Раньше стригли упитанных овец, шерсть которых росла быстрее, поднимая вверх старую, свалывшуюся за зиму шерсть, что в значительной степени облегчало ее стрижку. Более тощих овец стригли на одну или две недели позже.

Осенняя стрижка производилась с таким расчетом, чтобы до наступления холодов новая шерсть успела подрасти примерно на 3–4 см. На это требовалось около месяца. Поэтому в зависимости от погоды овец стригли в конце августа или начале сентября.

Овец стригли с раннего утра и до позднего вечера. В богатых семьях, в отарах которых насчитывалось много овец, во время стрижки пользовались наемным трудом. Плата производилась натурой: в конце рабочего дня каждый стригарь получал от хозяина по одному руно — *ласахъа* (от *ласа* — «шерсть», *хъа* — «голова», то есть шерсть, снятая с одной головы овцы). Позже по желанию стригаря руно могло быть заменено деньгами, где-то около 50 коп.

Стрижка овец была в основном обязанностью мужчин. В семьях бедняков, имевших небольшое количество овец, стрижку производили сами хозяева с помощью членов семьи.

Для удобства стрижки в прошлом рыли в земле специальную яму глубиной 80–90 см. В нее становился стригарь, а край ямы служил ему «столом», на который он клал овцу во время стрижки. Один из молодых и ловких мужчин ярлыгой (длинная палка с наконечником в форме крючка для захвата задней ноги у овец при их ловле) — *щан1к1лыга* — захватывал заднюю ногу овцы, валил ее на землю, связывал ей ноги и клал на «стол» стригаря.

Овец стригли специальными стригальными ножницами. Их делали местные кузнецы из двух кусков железа или старых, вышедших из употребления кос длиной около 30 см. Держа в правой руке ножницы, стригарь левой захватывал начальный клочок шерсти и подрезал его. Стрижку начинали с одной из задних ног овцы и вели вперед по телу к голове. Таким образом, руно с овцы снимали единой целой массой. Искусный мастер, смотря по величине животных, за один час мог состричь шерсть с 5–6 и более овец. Вес снятого руна бывал различным и зависел от величины овцы, ее упитанности, породы и чистоты содержания животных. Руно с хорошо содержанной овцы доходило весом до 5 кг, а с обыкновенной — до 3–4 кг, в среднем же с каждой овцы получали в год до 4–5 кг шерсти.

Весеннюю шерсть называют *бчва*. Весеннюю стрижку производили быстро с тем, чтобы до перегона на летние пастбища подшерсток мог вырасти на несколько сантиметров. Сразу же после стрижки овец «купали» в специальных

зольных растворах. Для этого рыли специальные неглубокие ямы диаметром где-то около 3–4 м и заполняли их водой, в которой разводили древесную золу, а также золу из-под кизяков. После подобной бани овец в течение трех дней не подпускали к реке, поили их из специальных корыт. После трех дней всех овец пропускали через неглубокий ручей, чтобы смыть все нечистоты.

Осеннюю стрижку производили после возвращения овец с летних пастбищ. Шерсть осенней стрижки бывала пушистой, несвалявшейся, как весенняя шерсть. Шерсть осенней стрижки называлась *ласа*. Осенняя шерсть была больше по весу, отличалась качеством: она была длиннее весенней, эластичнее, ровна и чиста.

Мягкий козий пух, из которого абазины изготавливали платки, перчатки, вычесывали специальными гребнями — *yanlapanlaga lasklvyga*. Осенью пух вычесывали только из тех коз, которые были назначены на убой, так как лишенная теплого подшерстка коза не в состоянии была перенести зимний холод.

Снятую с овцы шерсть различали по породам овец, от которых ее снимали, причем лучшей считалась шерсть адыгской породы. Не последнюю роль на качество шерсти оказывали особенности содержания и кормления овец. Равномерное кормление в течение лета и зимы обуславливало сбор равномерной, длинной и доброкачественной шерсти. При определении сорта шерсти большое внимание обращали также и на ее цвет. Наиболее ценной считалась белая шерсть. Следует заметить, как сообщают информанты, что в стадах богатых овцеводов отары овец почти всегда бывали однородны, между тем как в сборных стадах средних и бедняцких хозяев встречались разнопородные и разношерстные овцы. Причины этого обстоятельства, как объясняют старожилы, заключались в том, что крестьяне для своих нужд нередко сталкивались с проблемой иметь шерсть различных цветов, и чтобы впоследствии не очутиться в затруднительном положении для дополнительной окраски шерсти в тот или иной цвет, предпочитали иметь овец разного окраса. Вообще необходимо отметить, что шерсть, полученная даже из однопородной масти, сравнительно неровна, ибо содержание и кормление у отдельных хозяев неодинаковы, и сама шерсть, например белая, не всегда одинаково ровно белая, всегда можно отличить какие-то оттенки последнего. На качестве шерсти отражались также пол и возраст животных. Так, например, шерсть двухгодовалой овцематки мягче и ровнее, чем барана того же возраста.

По технике производства в шерстяном промысле различались изготовление валяных изделий (бурок, войлоков, головных уборов, обуви), производство сукна, изготовление пряжи и вязаных изделий.

Прежде чем перейти к описанию каждого из этих типов производства в отдельности, хотелось бы коротко остановиться на описании тех операций,

которым подвергалась шерсть, прежде чем быть годной для изготовления из нее того или иного изделия.

Предварительная обработка шерсти

Предварительная обработка шерсти включала в себя следующие операции: мойка шерсти, сушка, сортировка, разрыхление руками с целью очистить шерсть от разных колючек и прочих примесей, расчесывание на гребне, взбивание лучком, взбивание с помощью прутьев, прядение пряжи, выравнивание пряжи. Кратко охарактеризуем каждую из перечисленных операций.

Мойка шерсти. Шерсть, снятая с овцы, содержала обыкновенно значительное количество жира и пота, а также различного рода цепких трав и комочков грязи. Последние могли быть удалены только при разрыхлении руками и расчесывании шерсти, тогда как все остальное должно быть отделено промыванием. Как известно, жиропот составляет неизбежную принадлежность сырья, равняясь иногда по весу самой шерсти. Кроме того, волосяной покров значительно загрязнен пылью, песком и пр. Поэтому овец иногда «купали» перед стрижкой. Такое наможное «купанье» выполнялось разными способами и обыкновенно холодной водой. Например, «купанье» перегонном: овец перегоняли через проход, устроенный в реке или запруде, несколько раз туда и обратно. Разумеется, такая очистка являлась весьма несовершенной и поверхностной.

Прежде чем приступить к мойке шерсти, ее в течение некоторого времени, обычно в течение суток, вымачивали в холодной воде. Некоторые хозяйки добавляли при этом в чан с холодной водой немного мочи домашних животных, которая, по их уверению, лучше смывает жир и делает шерсть мягкой. Вероятно, здесь сказывался многолетний опыт наблюдения. Известно, что при разложении мочи выделяется аммиак, который в данном случае и способствует расщеплению жировых примесей.

Когда нужно было промыть большое количество шерсти, прибегали к более упрощенным приемам: шерсть помещали в большие плетеные корзины и погружали на ночь в речку, а чтобы корзину не унесло течением, ее нагружали еще и камнями.

Мойку шерсти начинали с утра в хорошую погоду. В процессе мойки принимали участие не менее двух женщин, каждая из которых выполняла определенную операцию. Предварительная обработка шерсти для валяных изделий (производство бурок, войлоков и т. д.) ограничивалась перечисленными операциями, а для приготовления тканых и вязанных изделий шерсть подвергали еще следующим операциям. Предварительно вымоченную шерсть клали на прибрежные камни, и одна из женщин, стоя в воде, обливала ее водой, а другая в это время колотила деревянной колотушкой по шерсти. Омывает-

мая водой шерсть попеременно переворачивалась, и это продолжалось до тех пор, пока с шерсти или шкурки не начинала стекать совершенно чистая вода. В хорошую погоду промытую шерсть раскладывали тут же на берегу на камнях или траве и *сушили*. Досушивали дома под навесом или на плетне. При хорошей солнечной погоде шерсть высыхала в течение двух-трех дней.

Промытая и высушенная шерсть подвергалась сортировке. Шерсть в руне не вся одинаковая: лучшая — та, которая растет на лопатках и боках; на спине шерсть наиболее грубая, а на ногах, голове и брюхе низкосортная.

Следующей операцией, которой подвергали шерсть, являлись ее разрыхление и очистка — *рmlmpra*. Этим делом могли заниматься как взрослые женщины, так и девочки в возрасте от 9–10 лет. Разрыхление и очистка шерсти производились руками, без каких-либо инструментов. Брала в руки клок шерсти и, перебирая волокна, очищали от посторонней примеси вроде комочков грязи и колючек. Окончательное рыхление и очистка шерсти достигались при помощи взбивания *ркацара/цкьяра*. Взбивание шерсти производилось двумя способами. Первый способ взбивания — *ркацара* — «трясти» — производился при помощи довольно примитивного инструмента, который состоял из деревянной решетки или небольшого четырехугольного, плетеного из лозы приспособления и двух упругих ивовых прутьев. Процесс взбивания состоял в следующем: хозяйка брала небольшое количество шерсти, клала на решетку и начинала интенсивно (попеременно то левой, то правой рукой) взбивать шерсть с помощью прутьев. При этой операции вся пыль и другие мелкие примеси, отделяясь от шерсти, просачивались через решетку, а сама шерсть становилась рыхлой — пушистой.

Второй способ являлся, по сути, продолжением процесса взбивания, но уже при помощи другого инструмента. Этот процесс очистки шерсти производился также с помощью тех же решеток и примитивного лучка. Лучок изготавливали из упругого орешника, который сгибали в полудугу и концы скрепляли шнурком из нескольких конских волос. Разрыхляя шерсть вторым способом, хозяйка клала на решетку небольшое количество шерсти, держа под углом лучок, натягивала правой рукой нить и резко спускала ее. Операцию эту она производила очень интенсивно. От вибрации нити лучка часть шерсти выхватывалась из общей массы и под сильной и резкой вибрацией отлетала в сторону. При этом длинная и тяжелая косица отлетала, а мелкий подшерсток и пыль просачивались под решетку.

Предварительная обработка шерсти для валяных изделий (производство бурок, войлоков и т. д.) ограничивалась перечисленными операциями, а для приготовления тканых и вязаных изделий шерсть подвергали еще следующим операциям.

Расчесывание шерсти — *кIвкIвIра* — производилось при помощи специального инструмента гребня — *ласкIвыга*. Устройство гребня было довольно простое. Он состоял из небольшого деревянного треугольника высотой около 40 см. На вершине этого треугольника были насажены в два ряда металлические иглы высотой около 8 см. Для того чтобы гребень во время работы стоял прочно и прямо, у основания треугольника имелись выступы для ног. Во время работы женщина ставила инструмент между ног, становясь на боковые выступы, и расчесывала шерсть, протягивая волокна шерсти между иглами. Инструмент этот мог быть изготовлен мужчинами в любом доме, в редких случаях его покупали на стороне у известных мастеров.

Работа по расчесыванию шерсти обычно производилась у очага. Шерсть, предназначенную для расчесывания, раскладывали вокруг очага. По словам информантов, это способствовало тому, что шерсть после этого расчесывалась легче. По-видимому, под воздействием очажного тепла то небольшое количество жира, которое все же оставалось на шерсти, растапливалось, что облегчало расчесывание. Очень часто во время работы женщины приостанавливали работу и некоторое время держали иглы в теплой золе или очажном жару, чтобы они прогрелись. Дело в том, что в процессе протягивания между иглами волокон шерсти, между рядами забивался подшерсток, а также мелкие соринки, пыль. С горячих игл легче было снимать накопившиеся между ними отходы шерсти.

В работах О. В. Маргграфа и А. С. Пиралова, посвященных описанию кустарных промыслов Северного Кавказа²¹, не говорится об укладывании шерсти у очага во время расчесывания. Только Б. Е. Хижняков и Г. Х. Мамбетов отмечают, что у кабардинцев и балкарцев существовал процесс сушки шерсти у очага²². В частности, Б. Е. Хижняков одним из первых процессов в бурочном промысле называет мойку шерсти, затем очистку и разрыхление промытой шерсти, а «далее, — говорит он, — шерсть сушится; работа эта производится в теплые солнечные дни на открытом воздухе, а в пасмурные — в помещениях около очага...»²³ На наш взгляд, такая последовательность не совсем верна, ибо производить очистку и разрыхление шерсти в мокром виде практически невозможно, значит, сушку шерсти производили до очистки и разрыхления. Г. Х. Мамбетов в бурочном производстве кабардинцев и балкарцев выделяет 12 самостоятельных процессов. Перечисление процессов он начинает

21 *Маргграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882; *Пиралов А. С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Кустарная промышленность России. СПб., 1913. Т. 2.

22 *Мамбетов Г. Х.* Крестьянские промыслы Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Нальчик, 1962; *Хижняков Б. Е.* Описание кустарных промыслов нацобластей Северо-Кавказского края // Записки Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1929. Т. 2.

23 *Хижняков Б. Е.* Указ. соч. С. 116.

с ручной сортировки и щипания, а вторым процессом выделяет сушку шерсти у очага или на открытом воздухе (на солнце)²⁴. Напрашивается вопрос: раз шерсть не подвергалась мойке, можно ли говорить о ее сушке? Не является ли второй процесс (сушка шерсти у очага или на солнце) и третий (расчесывание на гребне) единым процессом — расчесывание шерсти, так как раскладка шерсти у очага происходила одновременно с расчесыванием, о чем мы говорили выше, описывая процесс расчесывания шерсти у абазин. Иногда клок расчесываемой шерсти обмакивали в керосин, что также значительно облегчало расчесывание, но это явление более позднего времени.

Во время работы чесальщица садилась на низенький стульчик, между ног ставила гребень-чесалку, на специальные выступы которого ставила ноги и, взяв в руки клок шерсти, насаживала на гребень и начинала попеременно то левой, то правой рукой выдергивать волокна шерсти до тех пор, пока вся оставшаяся косица с зубьев гребня не перейдет в ее руки, а короткий и мягкий пухообразный подшерсток остается между зубьями. Затем подшерсток снимается, а на зубья снова насаживается косица. Расчесывание каждого клона шерсти продолжалось до тех пор, пока между зубьями гребня-чесалки не оставалось подшерстка. Расчесанную таким образом шерсть складывали аккуратными небольшими клочками — *ласаракъ* — в плетеную корзинку с тем, чтобы потом использовать в дальнейших процессах. Расчесывание шерсти на гребне считалось одной из трудоемких работ. Неопытные работницы очень часто разбивали себе пальцы до крови. Но навык и мастерство приходили со временем, и опытные чесальщицы работали с поразительной ловкостью.

Обычно одна хозяйка не была в состоянии быстро справиться с расчесыванием шерсти для какого-то большого изделия. Тогда она приглашала к себе на помощь своих соседей. Следует заметить, что помощь эта была взаимной и отказа в ней не бывало. Очень часто приглашаемая соседка сама становилась приглашающей. Как отмечают многочисленные письменные источники, обычно этот был широко распространен среди всех народов Северного Кавказа. У абазин обычай взаимопомощи известен под названием *г1вых1вау* — от слов *г1вы* — *г1вач1вг1выс* — «человек», *х1ва* — *ах1вара* — «просить». Известен он и под черкесским термином *ч1ых1ахв*, то есть делать в долг.

Подготовка шерсти для дальнейшего использования отличалась тщательной обработкой. Например, если шерсть предполагали в дальнейшем использовать для изготовления сукна, то при расческе на гребне ее сортировали следующим образом: самую длинную шерсть выделяли для изготовления основы холста, более короткая шерсть шла на нити утка, а самая короткая — подшерсток — на приготовление войлочных изделий.

Для ткацкого производства шерсть в дальнейшем проходила следующие операции: прядение, ссучивание, выравнивание нити.

²⁴ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 14.

Процесс прядения — *ыхара* — состоял в том, чтобы из уже подготовленной очищенной шерсти — *ласаракъ* — получить пряжу — нить, состоящую из равномерно и параллельно расположенных волокон шерсти, вместе скрученных. Различали главным образом пряжу, идущую на основу ткани сукна — нить основы — *ах 1а*, и пряжу, идущую на уток — уточную — *ашлицы*. К той и другой предъявлялись неодинаковые требования: пряжа основы должна была быть толще, крепче, ровнее, нить утка была тоньше.

Для всех видов ткачества прядение шерсти производили при помощи ручного деревянного веретена — *дадыргъвы*. *Дадыргъвы* состоял из деревянного стержня — *дадырхва* — длиной до 35–40 см с насаженной на него сверху пряслицей — *дадырхъа* — полушаровидной, полуконусовидной формы. На верхнем конце стержня веретена имелся специальный надрез, за который в процессе прядения крепился конец нити пряжи. Работница брала в руки клочок шерсти — *ласаракъ*, вытягивала из него небольшую нитку, немного скручивала и наворачивала на стержень, а конец нити закрепляла — фиксировала на стержне за специальный надрез. Затем брала клочок шерсти в левую руку, а правой рукой приводила во вращательное движение веретено, при этом она рукой вытягивала осторожно волокна шерсти, которые от быстрого вращения веретена скручивались в ровные нити пряжи. Этот процесс назывался *ыхара*. Когда клочок шерсти кончался, она подсоединяла следующий клочок и так до конца прядения. Таким образом, вырабатывалась нить значительной длины — одно веретено (веретено считалось готовым, когда стержень веретена был обмотан нитью по радиусу, равному окружности пряслица).

Следует отметить, что в пользовании у мастериц находились веретена, пряслица которых имели разный вес и разный диаметр. Опытные мастерицы по диаметру пряслицы безошибочно определяли, сколько пряжи уйдет на то или иное изделие. Так, например, для изготовления одного башлыка достаточно было пряжи четырех полных пряслиц. Различный же вес пряслица обеспечивал необходимую толщину пряжи, так как для разных изделий необходима была нить определенной толщины: для женского верхнего платья нить одной толщины, а для мужского костюма *к1вымжвы* — нить более толстая. Прясть можно было сидя, стоя, некоторые исследователи отмечали, что горские женщины чрезвычайно трудолюбивы и где бы вы ее ни встретили, беседует ли она с соседкой, везде ее можно видеть с работой в руках — веретено и шерсть. Казалось бы, что изготовление пряжи не должно представлять собой особых затруднений. Однако работа эта требовала известного навыка, иначе нити получались недостаточно тугими, ровными. Пряжу старались изготовить возможно тщательнее, чтобы придать ей одинаковую скрученность и толщину по всей длине. И в этом отношении опытные мастерицы достигали результатов, почти не уступающих машинной выработке.

В быту абазин во второй половине XIX в. уже частично использовали самопрялку, как и русский ножной станок-прялку, но эти орудия не получили у них сколько-нибудь заметного распространения. Во-первых, для станка самопрялки надо выделить специальное место в помещении, тогда как простое веретено можно хранить в любом месте; во-вторых, на самопрялке может работать только одна женщина, а между тем, если в доме есть несколько веретен и несколько женщин, они могут одновременно работать; в-третьих, веретено, по сравнению с самопрялкой, давало выигрыш во времени, так как позволяло прясть и на улице, во дворе.

Пряжа, полученная на веретенах, должна была пройти ряд подготовительных операций, прежде чем пойдет на ткацкий станок. Выше мы отмечали, что пряжа основы и уточная подготавливались по-разному. Добавим, что от нити утка требовалось, чтобы нить легко и ровно ложилась за челноком, не образуя петель и не скручиваясь. Уточную нить с веретен перематывали на особые палочки шпульки — *чацыква*, вставляемые затем в челнок — *хвата*. Затем эти шпульки с уточной пряжей поливали горячей кипяченой водой и оставляли так до полного их высыхания. Нити, высыхая, давали естественную усадку и выпрямлялись. Интересно заметить, что такой способ выравнивания ниток мы встречаем только у абазин, тогда как у других народов для выравнивания ниток пользовались стальными прутиками или толстой шпилькой²⁵.

Подготовка пряжи основы — *axla* — была значительно сложнее. Во-первых, нити основы надо было расположить в большом количестве и совершенно параллельно и правильно; во-вторых, придать им одинаковую толщину, крепость и гладкость, чтобы челнок мог между ними скользить безопасно и свободно. Это достигалось размоткой и сновкой.

Размотка состояла в том, что с полных веретен пряжа наматывалась на специальные метрические палки, так называемые *къальпан* длиной примерно 1 м 12 см. Для одного куска сукна обычно изготавливали от 5 до 7 *къальпанов*. Заготовив необходимое количество *къальпанов*, их выравнивали так же, как и уточную нить.

После того как высохнут нити пряжи, приступали к их сновке — *xlapa* — перемещению нитей пряжи с *къальпанов* на специально установленные кольца — *xIачвылаба*, которые вбивали в землю в количестве двух штук. Кольшки вбивали на расстоянии 12–15 м друг от друга. Это расстояние должно было равняться длине предполагаемого куска сукна. Нить пряжи с *къалаьпа* перематывали на кольца параллельными рядами, причем, когда кончалась пряжа одного *къальпана*, конец нити связывали с началом пряжи другого *къальпана*. Таким

25 Пиралов А. С. Указ. соч. С. 26; Хатисов Б. Е. Кустарные промыслы Закавказского края (отчет за 1891 г.) // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб., 1894. Т. 2.

образом перематывали нити со всех *кьяльпанов*. Затем хозяйка снимала конец нити с одного колышка, оставляя при этом другой конец ниток на противоположном колышке, и собирала нити, постепенно завязывая их в особые петли-пасмы — *кьвлач-кьвлач* (расстояние между узлами равнялось расстоянию обхвата между углом указательного и большого пальцев руки и локтя). Получалась цепь с петлеобразными звеньями, и если потянуть за одно из крайних звеньев, то можно было без труда распустить все остальные петли. В таком виде было наиболее удобно хранить нитки до изготовления из них сукна. Полученное таким образом количество ниток, необходимое для одного куска сукна, абазины называли *ласахъвык1*. Здесь нам хочется обратить внимание на то, что в то время, как абазины при сновке ниток пользуются только двумя колышками, абхазы, кабардинцы и балкарцы употребляют по три колышка²⁶, а осетины, карачаевцы употребляют четыре колышка²⁷.

Если же пряжа предназначалась для изготовления из нее вязаных изделий, то нитки с полного веретена перематывались в клубок — *харчыч1*. Затем брали два клубка ниток и пряли их вместе вторично. Этот процесс назывался ссучением ниток — *хыджъра*. Ссучение ниток имело целью получения более толстых ниток: соединение двух-трех ниток вместе. Ссучение производилось при помощи того же веретена.

Многие авторы, занимавшиеся изучением домашних промыслов народов Северного Кавказа, совсем не отмечали процесса ссучения ниток, а некоторые один процесс работы называли совсем другим термином. Например, Б. Е. Хижняков писал, что «шерсть собирается толстыми лентами... и на ручном веретене производится ссучение пряжи»²⁸. Это не совсем верно, ибо шерсть сначала прядут, при этом получается одна нить, а затем, смотря для чего предназначена пряжа, ограничиваются одним прядением, а если нужны более толстые нитки, ссучат пряжу. Другие же авторы, не разграничивая довольно самостоятельные операции, объединяли их в один процесс. Так, Г. Х. Мамбетов отмечает, что «шерсть на уток и основу порознь наматывали лентообразными кольцами на кисти рук и начинали прядение и ссучение ниток»²⁹. Объединить эти два процесса нельзя, так как каждый из них в отдельности является самостоятельным процессом, они не взаимозаменяют: каждый из них выполняется в отдельности, между ними могут быть перерывы.

26 *Адджинджал И. А.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 338; *Мамбетов Г. Х.* Указ. соч. С. 28.

27 *Маргграф О. В.* Указ. соч. С. 82; *Максимов Е.* Осетины // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 9. С. 62; *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1967. С. 84.

28 *Хижняков Б. Е.* Указ. соч. С. 124.

29 *Мамбетов Г. Х.* Указ. соч. С. 29.

2. Суконное производство

Большое место в домашних промыслах абазин занимало изготовление сукна для одежды. Его, то есть сукно, а также широкую и узкую тесьму умели ткать почти в каждой семье. Зачатки выделки сукна восходят к глубокой древности: известны памятники письменности, содержащие большей частью лишь случайные и отрывочные данные технического характера; еще в меньшей степени эти сведения могут быть иллюстрируемы образцами и остатками тканей. Подтверждением древности ткачества служат многочисленные глиняные пряслица, а также глиняные грузики для ткацкого станка³⁰. Многочисленные обряды и поверья, связанные с обработкой шерсти и производством изделий из шерсти, указывают также на древность ткачества. Религиозным отражением в ткацком ремесле и рукоделии является сохранившийся в народной памяти обычай приступать к выработке ткани в четверг, будто бы наиболее благоприятный день. Процесс ткачества нашел отражение и в фольклоре³¹, в том числе в древнем нартском эпосе.

Ткацкое искусство представляло собой домашний промысел, который находился главным образом в руках женщин. «В каждой семье, — писал Дюбуа де Монпере, — женщины занимаются изготовлением почти всех предметов, необходимых в хозяйстве: они ткут своего рода сукно редкого тканья, изготавливают войлочные плащи и накидки, шьют одежду и обувь»³². Ткацкое дело было широко распространено и достигло большого совершенства. Искусное изготовление тканей составляло гордость каждой хозяйки. Отмечая достоинства сукна, П. Зубов писал, что «сукна для собственного употребления кавказские поселяне умеют приготовить довольно прочно и красиво: холсты ткут во всех селениях и бывают хорошей доброты»³³.

В крестьянской семье все этапы производства сукна выполнялись одним лицом. Отдельные хозяйства не в состоянии были обзавестись необходимыми инструментами и поэтому пользовались старыми станками, нередко полученными по наследству от предков, а «не имеющие ткацких станков обыкновенно пользуются бесплатно соседскими»³⁴. Но, несмотря на все это, изделия крестьянок по качеству не уступали продукции состоятельных хозяйств.

Сукно ткали главным образом для нужд собственной семьи, иногда его подносили в качестве подарка и лишь в редких случаях продавали. Из до-

30 *Алексеева Е. П.* Первобытнообщинный строй на Северо-Западном Кавказе // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 61.

31 *Табулов Т. З.* Абазинские сказки. Ставрополь, 1947; *Табулов Т. З., Шакрыл Н.* Абазинские сказки. Черкесск, 1955; *Тугов В. Б.* Сказки Абазашты. Черкесск, 1965. (На абаз. яз.)

32 *Монпере Д. де.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1. С. 79.

33 *Зубов П.* Картина Кавказского края. СПб., 1834. С. 99.

34 *Фомина А.* Кустарная промышленность и промысловая кооперация в КЧАО // Вестник промысловой кооперации. М., 1926. № 1. С. 73.

мотканого сукна — *шарбал* — обычно шили верхнюю мужскую одежду, башлыки, а также верхнее распашное женское платье. Уже из этого краткого перечня вытекает, что суконный промысел был широко распространен среди абазин. Это можно объяснить следующими причинами: отсутствием развитой текстильной промышленности, наличием дешевого сырья, возможностью обходиться простейшей ткацкой техникой и возможностью для ткачихи без ущерба производству в любое время оторваться от работы и заняться другими хозяйственными делами.

Выше мы в общих чертах описали всю предварительную работу по подготовке шерсти и пряжи для тканья суконного полотна. Дальнейшая работа состояла в установке станка и натягивании основы. Ткацкий станок могла установить любая взрослая женщина.

Ткали на примитивных домашних станках. Ткацкий станок *сыга/кларам-члва* состоял из следующих частей: кресла — *члвара*, вала-навоя — *жьын-трыкъ*, гребня-бердо — *аса*, двух ремизок-нитченок — *псатша*, челнока — *чацыква*, челночного гнезда — *хвата*.

Ремизки представляли собой ряд нитей, называемых в литературе нитченками, привязанных к двум параллельным палкам, имеющим посередине петельки или глазки. Верхние планки снабжены крючками для подвешивания ремизок.

Бердо. Это глухой гребень из тонких и узких стальных пластинок зубьев, в промежутки между ними продевалась нить основы после ремизок. В каждый зуб продевалось по одной нити.

Челнок. У челнока округлые концы, уточина, сбегая с катушки, выступает через отверстие посередине челнока.

Намотка основы. Намотка основы требовала умения и опытности; исполнить эту работу в состоянии была далеко не всякая женщина. При натягивании основы необходимо было участие не менее двух-трех женщин. Само натягивание основы происходило следующим образом. Пряжу, завязанную петлеобразной цепью, закрепляли на столбе. Один конец основы разрезали и нити по одной пропускали через нити ремизок и бердо, причем старались, чтобы получалось два слоя ниток: сверху — четные, снизу — нечетные. Концы ниток закреплялись у вала-навоя.

Здесь необходимо сказать несколько слов по поводу высказывания некоторых авторов, утверждавших, будто нити основы первоначально закрепляются у вала-навоя, затем пропускаются через бердо и ремизки. Впервые об этом написал О. В. Маргграф³⁵, а затем и другие авторы, занимавшиеся изучением и описанием кустарных промыслов на Кавказе³⁶. Нам неизвестны источники,

---

³⁵ Маргграф О. В. Указ. соч. С. 83.

³⁶ Фомина А. Указ. соч.; Хижняков Б. Е. Указ. соч.

откуда почерпнуты эти сведения. Но пропустить нити основы от навоя через бердо и ремизки практически невозможно. Для этого потребовалось бы распустить все петли-узлы нити основы, растянуть их во всю длину и пропускать через гребень и дальше каждую нить в отдельности от начала до конца. Совершенно справедливым нам кажется замечание Г. Х. Мамбетова, что «пряжу устанавливали как раз наоборот: от столбика через нити ремиза и пластиночки бердо к валу-навою»³⁷.

Установив станок и натянув основу, приступали к тканью. Это очень кропотливая, поглощающая много времени, требующая постоянного внимания работа. Движение ремизок достигалось при помощи длинных петель из толстых шерстяных веревок, прикрепленных снизу к ним. Отметим, что абхазский ткацкий станок, во многом похожий на абазинский, отличался от последнего тем, что у абхазов движение ремизок достигалось при помощи двух подножек — педалей³⁸. Во время работы ткачиха садилась в кресло, вдевала ноги в петли и, попеременно наступая на петли то левой, то правой ногой, перемещала ремизки. При этом, к примеру, четные ряды ниток оказывались внизу, а нечетные ряды наверху, между ними образовывался зев. Ткачиха ловким движением руки перебрасывала через этот образовавшийся зев челнок с уточной ниткой, тут же прибывала бердом уточину. Затем движением ног она перемещала ремизки в обратном порядке: теперь наверху оказывались четные ряды, а внизу нечетные ряды. Во вновь образовавшийся зев ткачиха снова перебрасывала челнок с уточной нитью и прибывала снова бердом. В многократных повторениях данных движений и заключался процесс тканья на кустарном станке. По мере хода работы, изготавливаемая часть сукна наматывалась на вал-навой, укрепленный в передней части кресла и вращавшийся вокруг оси. Соответственно изготовлению сукна распускались узлы на нити основы, освобождая, таким образом, нити необходимой длины, а точка прикрепления основы переносилась на следующий узел. Во время работы ткачихе приходилось работать обеими руками и ногами и следить за всеми частями станка. Понятно, что работа не могла идти быстро: в течение одной минуты челнок перебрасывался слева направо и обратно не менее 25 раз. Простота описанной работы в связи с несложностью работы станка позволяла ткачихе в любой момент прервать и убрать работу без всякого ущерба для ее качества и без особых затрат времени на ее возобновление.

Готовое сукно снимали со станка, обрезали концы и обметывали их суровыми нитками. Затем сукно клали на плетень, обливали крутым кипятком, намывливали и начинали мять ногами для уваливания — «ломали» — *йырхъвун*, отчего сукно становилось мягче, плотнее. Процесс уваливания продолжался довольно долго, и для этой работы часто использовали труд мальчиков-под-

³⁷ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 30.

³⁸ Аджинджал И. А. Указ. соч. С. 319.

ростков, которые производили эту процедуру ногами. Время от времени на уваливаемое сукно лили горячую воду. После уваливания суконное полотно стирали, мыли в теплой воде с мылом и тщательно прополаскивали. По той надобности, для которой изготовлялось сукно, его оставляли с естественным цветом или же окрашивали растительными красками в черный, коричневый, красный, темно-красный и другие цвета. (Подробно об окрашивании тканей мы скажем в специальном разделе.) После окраски сукно прополаскивали тщательно, слегка выкручивали и развешивали для просушки. Необходимо отметить, что хозяйки никогда не давали сукну высохнуть окончательно. Еще в полусухом виде полотно наматывали на палку-каталку. В таком виде оно должно было находиться до окончательного высыхания. Время от времени рулон разматывали, тщательно встряхивали и снова наматывали уже с обратного конца полотна. Это делалось для того, чтобы еще полусухое полотно не «сгорело», то есть не попрело. Высыхая, суконное полотно давало определенную естественную усадку, а с помощью размотки-намотки разглаживалось. Потом его снимали с палки, складывали в тюк и хранили в чистом сухом месте до изготовления из него необходимой одежды.

Приблизительные расчеты времени, необходимые для выполнения всех предварительных и основных работ по изготовлению сукна, дают такую картину:

На мойку сукна —	1–2 дня
На сушку (в хорошую погоду) —	3–4 дня
На сортировку —	1 день
На щипание —	2 дня
На разрыхление —	1 день
На расчесывание —	3–4 дня
На прядение —	5–6 дней
На основу —	1 день
На установку станка и натягивание нитей —	1 день
На тканье —	3 дня
На уваливание —	1 день
На мытье —	1 день
На окраску —	1 день
На сушку —	1–2 дня
Итого:	22–28 дней

Все подготовительные работы велись осенью и зимой, зимой же ткали сукно, а с наступлением теплых дней завершали все остальные работы.

Со второй половины XIX в. суконное производство, вытесняемое изделиями промышленного производства, стало быстро сокращаться. Под влиянием роста капиталистических отношений увеличилось число хозяйств, обрабатывающих шерсть исполу. «Работающие на заказ из шерсти заказчика, — отмечала А. Фомина, — обычно получали половину вытканного сукна. Деньгами почти не платили»³⁹.

Казалось бы, широкое употребление местным населением сукна для изготовления всех видов одежды должно было упрочить существование данного промысла, что и предсказывали некоторые авторы⁴⁰. Однако чем больше изделий промышленного производства проникало в общество, тем меньше местное сукно находило сбыт. Изделия промышленного производства попадали на Кавказ, «проникая сюда через русских купцов, а также через посредников — армян, грузин и горских евреев, идя иногда окружным путем через Клухорский перевал со стороны Грузии»⁴¹. Интересно отметить, что один и тот же вид одежды, например, яркое женское распашное платье, назывался по-разному, смотря из какого сукна, оно было сшито. Так, платье, сшитое из домотканого сукна, называлось *шарбал ьахван*, а платье, например, сшитое из покупного турецкого сукна, называлось *бурса ьахван*. Из источников знаем, что на Кавказ поступало большое количество разного товара из Турции, в том числе шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Основным же поставщиком шерстяных и шелковых тканей являлся турецкий город Бурса⁴².

И наконец, кроме названных выше причин, на упадок суконного производства оказал влияние и ряд других обстоятельств: во-первых, то, что оно в домашних условиях требовало много времени; во-вторых, то, что производители не могли полностью сбывать свою продукцию вдали от дома; в-третьих, то, что спрос на домашние изделия стал быстро падать. И наконец, фабричное сукно было лучшего качества.

Вязальным промыслом благодаря его исключительной простоте женщины занимались, так сказать, у своего домашнего очага. К тому же само по себе вязание не требовало никаких приспособлений в тех помещениях, где этой работой занимались.

Орудие труда по простоте своей почти ничего не стоило: состояло оно из двух, четырех и пяти вязальных спиц.

39 Фомина А. Указ. соч. С. 47.

40 Маргграф О. В. Указ. соч. С. 47.

41 Студенецкая Е. Н. Украшение одежды у кабардинцев XIX–XX вв. // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1950. Т. 5. С. 170.

42 Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. Баку, 1984. С. 33.

Вязание носков, варежек, платков, даже целого костюма было общим занятием женщин и девочек-подростков. «И если в большой горской семье одна-две женщины сидели за тканьем, — писал Б. Е. Хижняков, — то остальные, начиная с десятилетнего возраста, если не заняты чем-нибудь по хозяйству, непременно или прядут пряжу, или вяжут чулки, перчатки...»⁴³

Выше мы говорили, что проникновение в быт народов Северного Кавказа дешевой промышленной продукции привело к вытеснению домашних промыслов. Однако местные вязаные изделия не встретили конкуренции со стороны фабричных изделий. Более того, когда в разные периоды в силу различных исторических, экономических обстоятельств в стране наблюдался кризис производства промышленной продукции, производство домашних вязаных изделий приняло даже массовый характер. И по сей день широким спросом пользуются изделия местных мастериц, разного рода вязаные изделия: кофты, носки, шапочки, платки и шали. В настоящее время вязаные изделия ручной работы имеют даже престижный характер. Умелые мастерицы, талантливо сочетая новомодные направления в стиле современной одежды с национальными мотивами одежды, создают удивительные образцы изделий с неподражаемым шармом.

3. Камвольно-валяльное производство

Прежде чем перейти к описанию собственно процесса приготовления тех или иных изделий из шерсти, необходимо заметить, что это производство всецело сосредоточено в руках женщин. Характеризуя внутренний быт и семейную жизнь горцев, А. Берже, в частности, отмечал, что «мужчины вообще склонны к праздности и проводят большую часть дня в полнейшей праздности. Вся их работа заключается в чистке оружия или строгании палочки. Женщины, напротив, отличаются трудолюбием: на них лежат все хозяйственные работы: они ткут сукно для домашнего обихода, делают ковры, войлоки, бурки, шьют на мужчин платья и обувь»⁴⁴.

Однако следует заметить, что у абазин, как и у других северокавказских народов, кустарное производство имело совершенно иной характер, чем в России. Здесь нельзя было встретить того разделения труда и специализации производства, какие мы видим в русских деревнях среди кустарей. Горская женщина прежде всего была занята дома в хозяйстве и только свободное от этого время она уделяла промыслу, в основном шерстяному. «Не отрываясь от своих земледельческих и домашних работ, она производством войлочных изделий занимается на досуге, — писал О. В. Маргграф, — осенью, зимой и раннею весною, притом у себя дома»⁴⁵.

---

43 Хижняков Б. Е. Указ. соч. С. 48.

44 Берже А. Горские племена Кавказа // Живописная Россия. СПб.; М., 1883. Т. 9. С. 80

45 Маргграф О. В. Указ. соч. С. 26.

В одном и том же хозяйстве и даже через одни и те же руки производство проходило все фазы своего развития: мытье, сушку, сортировку, прядение и т. д. Горская семья представляла собой род своеобразной артели, и то и другое искусство и ремесло переходили от старших к младшим. «С малого детства каждая девочка проходила целую школу обработки шерсти — постепенно она приучалась к мойке шерсти, расческе, окраске и различным операциям ткацкого дела», — отмечал К. Хатисов⁴⁶.

В камвольно-валяльном производстве прежде всего нужно выделить такие крупные самостоятельные отрасли, как бурочное производство, выделка войлоков-паласов, выделка войлоков для изготовления зимней обуви, выделка войлоков для изготовления мужских летних шляп, выделка войлоков для изготовления различного рода попон, потников и т. д. Ниже мы рассмотрим каждое из этих производств в отдельности.

Изготовление бурок является древнейшим занятием всех народов Северного Кавказа. Точно установить время возникновения бурочного производства и определить, как оно развивалось, не представляется возможным.

Первое же сообщение о производстве бурок у абазин можно найти в описаниях академика И. А. Гюльденштедта, посетившего в 1770–1772 гг. отдельные районы Северного Кавказа по пути в Грузию. Так, он отметил, что «произведения сей страны суть преимущественно... суконные кафтаны и войлочные епанчи или бурки»⁴⁷. Позднее П. Зубов писал: «Главнейшие предметы, привозимые горцами дня продажи и мены, суть следующие: чекмени различных сортов из сукна собственного изделия, между коими есть отличной доброты, доказывающие искусство горцев в приготовлении сукна, бурок разного рода и величины, весьма известные...»⁴⁸ О том, что производство бурок было широко распространено среди абазин, видно также из следующего сообщения: «В прежнее время, собственно, вся Абхазия и Абазия в изобилии отпускали воск, мед, буквое и пальмовое дерево, невыделанные волчьи, лисьи, куньи меха, бурки и толстое сукно своего изделия»⁴⁹. Описывая мужской костюм горцев, Дюбуа де Монпере сравнивал бурку с войлочным плащом: «...это не что иное, как хламида древних, горец никогда не растает в во время своих блужданий с этим плащом»⁵⁰. Другой автор писал, что «они носят бураку из валяной шерсти или войлока, которую поворачивают на плече в ту сторону, откуда

46 Хатисов К. Кустарные промыслы Закавказского края // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб., 1894. Т. 2. С. 26.

47 Гюльденштедт И. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на акад. И. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770–1771 и 1773 годах. СПб., 1809. С. 27.

48 Зубов П. Указ. соч. С. 78.

49 Савинов В. Достоверные рассказы об Абазии // Пантеон. СПб., 1850. Т. 1. Кн. 11–12. С. 7.

50 Монпере Д. де. Указ. соч. С. 46.

дует ветер, так как им закрывается только половина тела»⁵¹. В первой половине XIX в. Н. Я. Данилевский отмечал, что «горцы накидывают на себя бурку, то есть войлочную епанчу, и притом так, чтобы левая рука его была закрыта, а правая рука и плечо были свободны»⁵². Черкеска, бешмет, башлык, бурка являлись основной общекавказской национальной одеждой мужчин. «Горец со своей буркой почти никогда не расстаётся: она может заменить ему не только одежду, но и постель, она удобна и тем, что прикрывает собой вооружение, не промокает во время дождя и не загрязняется»⁵³, — писал И. А. Аджинджал, описывая костюм абхазца. Большой знаток и исследователь одежды народов Кавказа, Е. Н. Студенецкая писала, что «бурка была идеальной одеждой для всадника, защищая его и лошадь от дождя, снега, ветра и жары. При ночлеге в поле бурка служила также и одеялом»⁵⁴. Из всего сказанного уже можно заключить, что производство бурок являлось одним из необходимейших занятий каждой хозяйки.

На изготовление бурок шла шерсть исключительно осенней стрижки. Выше нами уже были описаны процессы предварительной обработки шерсти, которым она подвергалась, прежде чем быть годной для изготовления из нее того или иного изделия. Шерсть, предназначенная для изготовления бурок, подвергалась первым шести процессам: мойке, сушке, сортировке, разрыхлению, взбиванию лучком или палочками и расчесыванию на гребне.

Все эти процессы производились самой хозяйкой с помощью некоторых членов семьи в свободное от домашних работ время и большей частью в долгие зимние вечера. Сам же процесс изготовления бурки происходил летом. Такой выбор времени объяснялся следующими причинами: во-первых, для изготовления бурок необходима была довольно просторная площадь, где женщины могли бы свободно заниматься прокаткой сырца; во-вторых, для следующих процессов (мойки бурки, «ломки», окраски, сушки и т. д.) наиболее благоприятными были теплые летние солнечные дни, когда работницам не грозила опасность простудиться и сами процессы, как, например, сушка бурки, могли протекать быстрее. Хозяйка, которая собиралась изготовить бурку, подготавливала заранее весь основной и подсобный материал: шерсть, циновку или старые полотна, плетень необходимой величины, котел для горячей воды, веник, половник, щетку для начесывания косицы.

Обычно для изготовления войлочного полотна для бурки необходима была работа не менее четырех-пяти женщин. Если в семье было достаточное число

51 Лукка Ж. де. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 70.

52 Данилевский Н. Я. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 128.

53 Аджинджал И. А. Указ. соч. С. 36.

54 Студенецкая Е. Н. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 153.

взрослых женщин, обходились своими силами. В противном случае всегда звали на помощь родственниц или соседок. Отказа идти работать не было, так как каждая из последних в какое-то время могла нуждаться в помощи других. Помощь эта называлась *ЭвыхИва*. Работа выполнялась бесплатно, возмещением их труда могла быть встречная помощь хозяйки в нужное им время. Естественно, в течение рабочего дня хозяйка радушно угощала их обедом и ужином.

В день, назначенный для прокатки войлока, все другие виды домашних дел откладывались. На помощь приглашались обычно на один день, так как работу по прокатке откладывать на следующий день было нельзя. Работу прерывали только на обед. По обычаю полагалось обильное угощение, если же работа затягивалась до вечера, то кормили также и ужином.

Все приглашенные работницы приходили с раннего утра. Взбитую лучком шерсть раскладывали на разостланных циновках или старых полотнах. Раскладка шерсти считалась самой главной в бурочном производстве, так как от того, как уложится шерсть, во многом зависело качество будущей бурки. Как отмечал А. С. Пиралов, «от хорошей бурки требуется, чтобы она имела равномерную плотность, была бы без просветов, хорошо увалена и легковесна»⁵⁵. Одна из наиболее опытных женщин раскладывала шерсть, стараясь при этом распределить ее равномерным слоем. Это требовало большого мастерства и навыка. Затем поверх этого равномерно уложенного слоя шерсти раскладывали еще один слой, который состоял из косицы. Когда уложится весь слой косицы, всю разостланную массу шерсти интенсивно сбрызгивали горячей, почти кипящей водой. При этом, чтобы вода разбрызгивалась равномерно, ее лили на веник. Эту работу выполняли две женщины, одна из которых лила воду, а другая разбрызгивала ее веником. Остальные женщины в это время садились с одного конца подготовленной шерсти и начинали интенсивно сворачивать шерсть в рулон, прокатывая его от себя. Этой интенсивной работой достигались максимальная влажность и концентрация тепла и продолжительность его сохранения, необходимого для хорошего уплотнения шерсти.

Свернув таким образом всю шерсть в рулон вместе с циновкой (или полотном), рулон перевязывали в четырех-пяти местах шнурками. Затем началась основная работа по уваливанию войлока для будущей бурки. Процесс этот назывался *рзазара* и *рыпIара*. Работа эта заключалась в следующем: перед свернутым рулоном женщины садились в один ряд на колени, налегали на рулон руками и начинали прокатывать его от конца пальцев ладони до локтя от себя и наоборот. При этом они налегали на рулон всей тяжестью своего корпуса. Во время прокатки рулона женщины пели особую песню, «которая, — как отмечали некоторые авторы, — только и поется при этой работе»⁵⁶.

⁵⁵ Пиралов А. С. Указ. соч. С. 71.

⁵⁶ Маргграф О. В. Указ. соч. С. 27; Хижняков Б. Е. Указ. соч. С. 118.

Приведем текст этой импровизированной песни, который любезно предоставила нам исследовательница песенного жанра абазин Роза Пазова.

УаквхІцІитІ, уаквыхІхитІ,
УхІырпІапІитІ уара, УапІа, уапІа,
УапІа, уапІа
УаквхІцІитІ, уаквыхІхитІ,
УхІырзазитІ уара,
УапІа, уапІа
УапІа уапІарыпІа!
Ммагы даквцІитІ,
Нанагы даквцІитІ,
УапІа, уапІа
УапІа, уапІа!
Ахщагы даквцІитІ
УапІа, уапІа, УапІа, уапІа!

Смысловое содержание текста сводится к следующему: «Складываем, раскладываем, сворачиваем в рулон (шерсть) для бурки. И мама складывает, раскладывает, и бабушка складывает, раскладывает, и сестра складывает, раскладывает». И так далее перечисляются имена всех участниц работы по уваливанию войлока. Песня была ритмичной, она как бы служила командой, нечто вроде команды: «Раз-два, взяли. Еще раз взяли».

Прокатка рулона продолжалась от одного часа до полутора-двух часов. В процессе прокатки рулон несколько раз раскручивали, поливали через ве-ник горячей водой и снова сворачивали в рулон и прокатывали дальше. Этим простым способом прокатки получали прочный материал — войлок — основу для будущей бурки. Когда, по общему мнению всех участниц, шерсть довольно плотно свалялась, приняв вид плотного войлока, рулон раскладывали, освобождали от рогожи и, свернув снова в рулон, прокатывали некоторое время.

Затем приступали к следующему процессу еще большего уплотнения войлока — натиранию — *хъшра*. Принцип работы заключался в следующем: брали в руки небольшую часть уже уплотнившегося войлока и терли ее о плетень, тем самым достигая окончательного уплотнения войлока. О. В. Маргграф, описывая процесс окончательного уплотнения войлока, писал, что «оно (уплотнение. — Л. К.) достигалось тем, что уже готовую бурку (здесь надо понимать, что речь идет не о самой бурке, а о войлочном полотне для будущей бурки) мяли ногами на плетне»⁵⁷. Следует заметить, что абазинские ма-

⁵⁷ Маргграф О. В. Указ. соч. С. 27.

стерицы готовность, прочность войлока определяли довольно просто. Ранее мы зафиксировали, что в процессе прокатки рулона женщины несколько раз разворачивали рулон, поливая его водой. Если при очередном разворачивании рулона слой уложенной шерсти легко отставал от циновки или рогожи, то считалось, что шерсть свалялась достаточно. Для пушей бдительности, войлок пытались «разорвать» в нескольких направлениях. Равномерность плотности определяли на просвет. Если в каком-то месте обнаруживали просвет, туда добавляли необходимое количество шерсти, обильно смачивали горячей водой и тщательно прокатывали это место.

Абазины готовили бурки двух сортов: безворсовые, или гладкие, и с начесом. Бурки с начесом считались более нарядными и ими пользовались представители знати. Гораздо большее распространение имели гладкие бурки; ими пользовались как знать, так и крестьянские семьи.

Если предполагали изготовить бурку с начесом, то процесс работы еще дополнялся одной процедурой. Во время прокатки войлока несколько раз разворачивали рулон и специальной щеткой *yanlapanlaga ласкIвыга* — нечто похожее на современные кардощетки, «взрыхляли» внутреннюю сторону войлока — *axъвы ауцтра*, то есть «пускать шерсть», не давая тем самым косице совершенно сваляться с остальной массой (считать начесывание бурки самостоятельным процессом, как это делают некоторые авторы⁵⁸, и притом после окончательного уваливания и после тщательной просушки⁵⁹, невозможно). Справедливым кажется замечание Г. Х. Мамбетова, исследовавшим кустарные промыслы Кабарды и Балкарии, что «начесывать бурку после окончательного уваливания потому невозможно, что уваливается не только подшерсток, но и косица наружной части»⁶⁰.

Дальнейшая обработка безворсового войлока состояла в опаливании — *чвырббылра*. После уплотнения войлока для бурки, на лицевой и изнаночной стороне были видны беспорядочно торчащие волоски косицы. С целью уничтожения этих волос во дворе разводили костер, несколько женщин брали плотно за концы и, осторожно держа его на определенном расстоянии от огня, опаливали его, после чего обе стороны получались совершенно гладкие.

Затем готовое полотно войлока еще раз тщательно мыли с мылом, потому что, если изделие не совсем тщательно промыто, лучший красильный отвар не даст хорошего ровного цвета и, кроме того, изделие будет издавать специфический неприятный запах. В процессе этой мойки смывалась та незначительная жировая часть и грязь, которая могла остаться после первой мойки шерсти-сырца.

58 Маргграф О. В. Указ. соч. С. 21; Хижняков Б. Е. Указ. соч. С. 118.

59 Пиралов А. С. Указ. соч. С. 14.

60 Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 14.

Надо отметить, что окрашивали не все бурки. Это зависело от желания заказчика, предназначения бурки.

Если бурка была сделана из белой шерсти, ее окрашивали в черный цвет. Однако следует сказать, что окраске подвергали не только белые бурки, но и бурки из серой и даже черной шерсти с целью придания им особого глянца. Более подробно о процессе окрашивания мы напишем в отдельном разделе данной работы.

Окрашенную бурку вынимали из раствора и ополаскивали в холодной воде. Следует иметь в виду, что шерсть обладает свойством сильно удерживать мыло и щелочи, поэтому очень трудно от них отмывается. Полотно полоскали в проточной воде (реке) или в нескольких ваннах, если это делалось во дворе дома. Продолжали полоскать до тех пор, пока стекаемая вода не становилась совершенно прозрачной.

Затем войлочное полотно развешивали на плетне и сушили. В солнечную погоду оно высыхало в течение одного-двух дней, в более пасмурную — за два-три дня.

Последними процессами в бурочном производстве являлись кройка и шитье. Техника раскроя и шитья была довольно проста. Полотно складывали пополам и подравнивали подол, сшивали плечи, вырезали горловину и обшивали ее кожей или тесьмой. Для застежки по обеим сторонам горловины пришивали петли из кожи или галуна. Иногда вместо петель и галуна пришивали серебряные бляхи. Под петли продевали шнурочки тоже из кожи или плотной тесьмы. На полках спинки и переда подшивали подкладку из какого-нибудь легкого материала под цвет бурки. В таком виде бурка считалась готовой к употреблению. Она спадала широкими складками от плеча, постепенно расширяясь книзу, наподобие усеченного конуса.

Наряду с производством черных бурок абазины производили также белые бурки. Последние изготавливались по особому заказу и для продажи. Их носили представители знати. Здесь также уместно отметить, что в прошлом готовили бурки двух сортов: *тиуанла* — бурка для всадника — эта бурка, как мы отмечали выше, укрывала и всадника, и лошадь в непогоду от снега, ветра и дождя. Другой вид бурки — *уандыруанла* — доел, бурка для телеги, то есть рабочая бурка, она была по качеству, если можно так сказать, второго сорта, по длине гораздо короче первой, чтобы не мешать во время погрузочно-разгрузочных работ.

Помимо этого, практиковали выделку бурок для охоты, для пастухов — *гвабанакь*, — по замечанию К. Кешева, «род куртки из холста, исключительно употребляемые крестьянами»⁶¹. Их делали из более плотного полотна, что служило надежной защитой от диких зверей, а также от холода во время дли-

⁶¹ *Каламбий*. Записки черкеса. На холме. Нальчик, 1988. С. 195.

тельной охоты и долгого пребывания на холоде. Рассказывают, что даже когти медведя не в состоянии были проникнуть сквозь плотный войлок-*гвабанакь*. По длине *гвабанакь* доходили до колен мужчины среднего роста. Это позволяло маневрировать во время охоты, проходить через заросли кустарников, овраги, перевалы и т. д.

В крестьянских хозяйствах в выделке бурки участвовало минимальное количество людей. Другая картина наблюдалась в хозяйствах князей и дворян. К ним на работу собирались десятки женщин. С проникновением в экономику абазин капиталистических элементов некоторые обычаи, как, например, взаимопомощь, превратились в средство эксплуатации чужого труда. «Кулаки умело использовали старинный обычай трудовой взаимопомощи, — писал Л. И. Лавров, — превратив его в средство эксплуатации окрестного населения»⁶².

Таков общий производственный процесс изготовления бурок у абазин. Локальных различий в нем нет в силу глубокой древности производства. Изготовлением бурок у абазин могла заниматься каждая женщина, это дело в основном лежало на ее плечах. В бурочном производстве абазины достигли большого мастерства.

У соседей абазин, черкесов, карачаевцев и других народов, производственный процесс изготовления бурок мало чем отличался от описанного выше. Но отличия в деталях все же есть. Например, в противоположность абазинам, употреблявшим при изготовлении бурок крутой кипяток для сбрызгивания уложенной шерсти, кабардинцы обходились водой комнатной температуры⁶³, балкарцы — горячей водой⁶⁴, абхазы, кроме употребления горячей воды, обсыпали уложенную шерсть еще и золой⁶⁵. Далее, согласно сообщениям информантов, работу по изготовлению войлочного полотна для бурки абазины начинали и оканчивали в течение одного дня. Откладывать часть работы, например переносить уваливание второй степени на следующий день, как у кабардинцев⁶⁶, не полагалось, так как кошма могла остыть и возобновление работы после перерыва было связано с дополнительными затратами труда и времени. Абазины также не намывали уложенную шерсть во время уваливания, как это делали, например, в Карачае⁶⁷.

На мойку шерсти —	1 день
На сушку —	1,5–2 дня

62 Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С. 14.

63 Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 15.

64 Там же.

65 Аджинджал И. А. Указ. соч. С. 380; *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 263.

66 Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 19.

67 Хижняков Б. Е. Указ. соч. С. 117.

На сортировку —	1 день
На очистку —	1 день
На разрыхление —	0,5 дня
На расчесывание —	1 день
На укладку шерсти, уваливание, опаливание, мытьё —	1 день
На окраску —	1 день
На ополаскивание, сушку —	2–3 дня
На кройку, шитьё —	1 день
Итого:	11–13 дней

Основная часть бурок, ежегодно изготавливаемых абазинами, шла на удовлетворение собственных потребностей членов семьи. Продукция эта часто поступала на внутренний и внешний рынок. Слабое развитие торговли объяснялось многочисленными причинами, и прежде всего тем, что изделия домашней промышленности, удовлетворяя исключительно нужды крестьянского хозяйства, не могли привести к развитию торговли в широком смысле слова. Незначительная роль внутренней торговли в хозяйственной жизни населения Северо-Западного Кавказа «подчеркивалась отсутствием у них в рассматриваемое время и собственной денежной системы»⁶⁸. По сообщениям других авторов, слабое развитие торговли объяснялось тем, что «женщины вообще сами делают все необходимое для дома, так что не имеют необходимости приобретать что-либо покупкою»⁶⁹. Но уже с XVII–XVIII вв. о широком развитии внутренней и внешней торговли абазин свидетельствуют многочисленные сообщения авторов, побывавших на Кавказе⁷⁰.

Наряду с производством бурок у абазин было широко распространено также изготовление войлочных изделий, например полстей или кошем, попон, потников, войлочных шляп, войлочной обуви и пр. Приготовление войлочных изделий было в основном аналогично бурочному, но значительно проще и менее трудоемко.

Для примера опишем производство кошмы — *цгIвynla*. На выделку кошмы шла шерсть в основном весенней стрижки — *бчва*, большей частью черных и серых цветов. Все орудия труда, употребляемые для изготовления кошмы, те же самые, что и при производстве бурки. Подготовка шерсти производилась так же, с той лишь разницей, что при расчесывании шерсти косицу не отделяли от подшерстка.

---

68 Лавров Л. И. Абазины. С. 19.

69 Гарданов В. К. Общественный строй адыгского народа. Л., 1967. С. 112.

70 Главани К. Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму, первым врачом хана в Бачхисарае, 20 января 1724 г.; Лукка Ж. де. Указ. соч. С. 72.

Шерсть в нужном размере раскладывали равномерным слоем на циновке, ее обрызгивали горячей водой и скатывали в рулон. Как и в бурочном производстве, этот рулон прокатывали до тех пор, пока вся масса не уплотнится. У абхазов встречаемся с довольно своеобразным способом выделки войлочных изделий: «...шерсть мочили в горячей воде и затем на плетенке (*ачалт*) топтали ногами и колотили особыми колотушками»⁷¹. На наш взгляд, автор описываемой процедуры не совсем четко вник в процесс производства, так как упущен самый основной процесс — уваливание шерсти. А то, что он воспроизводит как процесс уваливания кошмы, является на самом деле «ломкой» последней.

На время уваливания рулон несколько раз разворачивали и обрызгивали горячей водой и снова клали. Некоторые хозяйки в горячую воду добавляли мыло. Когда, по общему согласию валяльщиц, кошма достаточно уплотнится, ее освобождают от циновки и начинают натирать о плетень с целью дальнейшего уплотнения и придачи ей мягкости. Иногда на эту процедуру приглашали детей и подростков, которые «ломали» кошму методом топтания ногами. Затем кошму опаливали с двух сторон над огнем и мыли в холодной воде без мыла (если в процессе уваливания в горячую воду добавляли мыло) и с мылом, если им не пользовались в процессе уваливания. Кошму тщательно промывали в проточной воде, растягивали с силой во все стороны, разглаживали для просушки на плетне. Некоторые старательные хозяйки специально делали деревянные рамы с просверленными отверстиями и натягивали кошму на раму с помощью специальных колышков — «гвоздей», вставляемых в отверстия рамы. Когда кошма высыхала, края ее ровно обрезали, обшивали кожей или каким-нибудь грубым однотонным материалом. В таком виде кошма была готова к употреблению. В среде абазин было распространено также изготовление узорчатых войлоков. Их обычно делали с рисунком геометрического или растительного характера. Узор накладывали на основу обязательно контрастного цвета, естественной или искусственной окраски. Однако следует заметить, что специальная окраска шерсти была связана с дополнительными расходами материальных средств и времени, что было не по силам каждому хозяину. Поэтому выкладка узоров производилась шерстью естественной окраски, а именно: белой, черной или серой. В результате получались войлоки черно-белые, то есть такие, у которых основной фон был черного цвета, а узор рисунка белого или серого цвета, или же наоборот.

Техника приготовления узорчатых войлоков была довольно проста, она состояла в следующем. Первый способ, при котором из двух гладких однотонных войлоков контрастных цветов получали также два войлока с узорчатым рисунком. Достигалось это следующим образом. Брели один войлок (допустим, черный) и наносили на него контур рисунка. Затем этот рисунок осто-

⁷¹ *Аджинджал И. А. Указ. соч. С. 380.*

рожно вырезали деталь за деталью, стараясь не кромсать мелкие детали. Затем этот рисунок накладывали на второй войлок (теперь уже белый) и вырезали такой же рисунок. На полученные прорезы рисунка черной кошмы вставляли заранее подготовленные детали белой кошмы, а в основу белой кошмы вставляли детали рисунка черной кошмы. Затем мастерица суровыми нитками соединяла детали рисунка с основой кошмы. В результате получались две очень оригинальные вещи с одинаковым рисунком на разных контрастных фонах.

Второй способ, более простой, состоял в том, что при раскладке шерсти заранее на основу основного фона накладывали узор из шерсти другого цвета и катали рулон уже описанным способом приготовления кошмы. При этом можно было по желанию сделать кошму с односторонним или же со сквозным узором. Для получения кошмы с односторонним узором достаточно было вышеописанного способа. Для получения же кошмы со сквозным рисунком необходима была дополнительная осторожная работа. Хозяйка при первичной раскладке шерсти, заранее имея перед глазами представление будущего узора, оставляла прорехи (пустоты) на основе. Эти пустые места она заполняла затем шерстью нужного цвета. Затем уже всю шерсть сворачивали вместе с циновкой и катали рулон до полного уваливания шерсти. Здесь все, даже исполнение второстепенных деталей, свидетельствовало о тонком художественном чутье исполнительницы изделия. Это искусство возникало путем многовекового исторического и культурного развития, отсюда напрашивается вывод, что народ, который создавал такие предметы быта, должен был иметь высокую и богатую культуру.

Здесь необходимо уточнить, о превалировании какого рисунка может идти речь. По сведениям информантов, на более раннем этапе преобладал рисунок геометрического характера. Это, видимо, объясняется несложной техникой воспроизводства геометрических фигур: черточек, просто кружков, ромбиков, прямоугольников, треугольников и т. д. Кстати, это характерно и для ювелирных изделий, изделий из золотого шитья. Затем рисунок усложняется: встречаются изделия с чисто растительным узором или смешанные — геометрические и растительные узоры. В более позднее время все чаще стали встречаться фрагменты зооморфного характера: олени рога, бараньи рога, фигурки летящих или сидящих друг против друга птиц. Нередки были случаи, когда мастерица где-нибудь в уголке войлока выводила фамильный знак — *дамыгъа*.

В прошлом во время сельскохозяйственных работ в поле выезжали на крытых телегах — *гейма*. На таких же телегах добирались до летних высокогорных пастбищ, телеги были своего рода домом на колесах. Над основой телеги сооружали каркасную конструкцию из плетеной лозы в виде купола. Чтобы защититься летом от знойного солнца и дождя, а зимой — от ветра, холода

и снега, поверх каркаса накидывали плотный войлок, дно телеги выстилали таким же плотным войлоком — *гейма цлгвыпта*. Техника изготовления *гейма цлгвыпта* такая же, как при изготовлении обычного войлока, первый был гораздо плотнее.

Широко было развито изготовление войлочных шляп. Войлочная шляпа — *уабчвахьылта* была распространенным летним головным убором мужчин. Их делали почти в каждой семье. Работа над производством войлочных шляп не требовала большого труда. Хозяйка могла обойтись и без посторонней помощи. Техника изготовления войлочных шляп не отличалась от бурочного производства, разница состояла лишь в том, что при приготовлении шляп шерсть раскладывали более тонким слоем гораздо небольшого размера. Процессы предварительных заготовок (сортировка, разрыхление, расчесывание) шерсти, а также уваливание, «ломка», опаливание и т. д. проходили так же, как и при производстве бурок. Однако необходимо отметить такую небольшую деталь: в отличие от бурочного и войлочного производства, когда для «ломки» войлока брали небольшие части, натирая о плетень, в производстве войлока для шляп поступали следующим образом: готовый уваленный войлок (он имел вид большого круглого листа), уже вымытый с мылом и прополосканный, складывали вчетверо так, чтобы получился треугольник, и в таком виде его натирали о плетень. Затем войлок разворачивали, тщательно обрызгивали горячей водой и натягивали на специальную деревянную болванку — *хьылпа ркьацага*, которая имела форму человеческой головы. Определив глубину шляпы, войлок тщательно одергивали, расправляя и разглаживая, обтягивали вокруг болванки и плотно перевязывали у основания. После этого полы шляпы аккуратно расправляли, чтобы не получилось складок или загибов, и болванку выставляли на солнце для просушки. После высыхания шляпа навсегда сохраняла ту форму, которую придавали ей при помощи болванки. Для придания шляпе полной готовности, ее края обрезали, обшивали самодельной тесьмой соответствующего цвета. Той же тесьмой обшивали также основание шляпы, от макушки шляпы к основанию радиально нашивали 4–6 полосок тесьмы. Шляпы изготавливали из белой, черной и серой шерсти. Для повседневного ношения, а также работы в поле предпочитали шляпы темных цветов. Изготовление войлочных шляп, пожалуй, единственный вид войлочного производства, довольно широко практикуемого и в настоящее время.

Из шерсти абазины выделывали также обувь, своего рода валенки, или бурки — вид теплой зимней обуви. Для изготовления войлочной обуви использовали шерсть только весенней стрижки овец — *бчва*. Процесс обработки шерсти и выделка войлока такие же, как и при изготовлении войлока. Готовый и высушенный войлок складывали вдвое и выкраивали по форме ноги. Потом складывали края выкроек и прочно сшивали их суровой ниткой. Шов прохо-

дил снизу: от носка посередине подошвы и дальше до колен (задний шов). Передний шов проходил тоже от носка по подъему и выше до колен. Швы заделывали искусно, чтобы не натирать ногу, для скрадывания швов снаружи их прошивали полоской из сафьяна (по цвету шерсти) или же суровой тканью.

Для предохранения войлочной обуви от протирания на нее нашивали сафьяновые пластинки различных декоративных форм. Часто с целью украшения сафьяновую аппликацию нашивали также на голенища тыльной стороны. Войлочные сапоги носили с сыромятной обувью *гванчрыкьв* без подметок и каблуков. Позднее, с проникновением в быт промышленных товаров, поверх войлочных сапог стали надевать резиновые галоши. Сельские жители преклонного возраста до 50-х годов XX в. носили подобную обувь.

4. Окраска

Народный способ окраски готового сукна, пряжи или других изделий растениями известен давно. Древнейшие сведения о тканях, окрашенных растительными красками, отражены в археологических предметах раскопок⁷². Найденные предметы, несмотря на давность их изготовления, не потеряли первоначальной окраски, только находясь глубоко в земле, нити стали истлевать.

Мастерицы пользовались исключительно растительными красками до второй половины XIX в., до появления дешевых и простых в применении анилиновых красителей. Яркими фабричными красками вскоре были вытеснены из наших домов растительные красители мягких оттенков. Лишь в годы Первой мировой войны и после нее, когда химические красители трудно было купить, снова пришлось обратиться к народному опыту. Природа Кавказа очень щедра на красящие вещества. Они встречались и в минералах, и в растительном, и в животном мире. К ним прибегали с незапамятных времен.

Окраску шерстяных изделий в основном производили растительными красителями: для крашения пользовались самыми разнообразными предметами и веществами, находящимися в лесу, в садах, на полях, во дворе и т. д., как то: листьями, корой и древесиной деревьев, травянистыми растениями и золой от их сжигания, ископаемыми, особенно содержащими железо, заржавленными железным металлоломом, мочой рогатого скота, мареной, произраставшей в диком состоянии во многих местах. Местные способы окрашивания отличались большой практичностью. Окрашиванием занимались исключительно женщины.

Несмотря на то что местные способы окраски имеют многовековую историю, к сожалению, до сих пор нет полного их описания и всех тех веществ, какими пользовались в качестве красителей. Многие из тех, кто постарше, помнят, как мать или бабушка красили растениями, используя для этого кору,

⁷² *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.; Л., 1971. С. 212.

листья, цветы, корни растений, лишайники или какие-либо другие растения. Окраска растениями требовала умения и времени, находчивости и внимания. Отдельные виды цветовой гаммы получались в результате многолетних наблюдений за совместимостью тех или иных красителей друг с другом. Достигнутый опыт людей передавали дочерям, те, в свою очередь, передавали этот опыт другому поколению. Полученные оттенки цветов были устойчивы к свету и красивы. И в наше время, несмотря на наличие фабричных красок, растительные красители с их гаммой мягких оттенков могут пригодиться в домашнем крашении. В этом разделе мы укажем в общих чертах на распространенные способы окраски и те вещества, которыми пользовались для этой цели абазинские мастерицы. Ранее отмечено, что на территории Кавказа естественных красителей было много, но не все они были достаточно изучены; для крашения изделий использовались лишь немногие. Химический состав растения и его частей во многом зависит от возраста, роста, места произрастания, состава почвы и погодных условий в период вегетации.

Местные мастерицы называют около 20 видов растений, которые в большей или меньшей степени можно было использовать в качестве красителей. Но, как отмечают информанты, местные растения дают мало оттенков, так как содержат в основном одни и те же вещества. Получение определенного оттенка из одного и того же растения зависит также от времени сбора растений. Листья, например, собирали в день летнего солнцестояния, так как именно листья этого периода давали более интенсивные оттенки, чем листья зрелые или усохшие; цветы — только что раскрывшиеся, кору — весной, когда она легко отделяется, корни — или до цветения растения, или осенью. При окраске свежими растениями получались более яркие и интенсивные оттенки, чем при окраске высушенными растениями. Если же нужно было сушить растения, корни и пр., то это делать нужно было в затемненном месте для сохранения естественного оттенка цвета. Корни и корни перед сушкой очищали от земли, мыли. Высушенное сырье хранили под навесом, в амбарах, на чердаках или в сухом месте в жилом помещении.

Производственный процесс окрашивания можно разделить на следующие этапы: мытье, протравливание, окрашивание.

Прежде всего следует заметить, что успех при окраске зависел не только от количества и качества красильных веществ, но также от посуды и чистоты всего, к чему прикасалось окрашиваемое изделие. По сообщениям информантов, лучшей посудой была эмалированная, но за неимением таковой употребляли в основном медные котлы, хотя изделия и меняли оттенок. Важное качество для получения желаемого оттенка имела вода, употребляемая для мытья и крашения, которая должна была быть исключительно прозрачной и мягкой. Часто такую воду подготавливали заранее, собирая в большие емкости дождевую

воду. Посуда для крашения должна быть достаточно вместительной, чтобы раствор полностью покрывал пряжу, или уже готовое полотно, или изделие.

В большинстве случаев для изделий повседневного употребления их красили в черный, коричневый, темно-красный цвета. Для вещей, предназначенных для торжеств и других случаев, существовало множество цветов и оттенков. Причем чаще всего практиковали гладкое крашение. Узорчатое или батиковое крашение не было известно.

В красильную ванну помещали краситель, вспомогательные закрепляющие вещества и воду. Модуль ванны не всегда удавалось установить, раствор в большинстве случаев составлялся на глаз. Приготовление красящего раствора сопровождалось подогреванием и кипячением жидкости на огне, однако ни температура, ни длительность процесса кипячения, ни пропорции красителей точно не были определены. Лишь многовековой опыт помогал мастерицам действовать безошибочно, благодаря чему краски получались устойчивыми и чистых тонов.

Прежде всего листья, стебли, корни, цветы, плоды, кору или семена, предварительно отмачивали в течение суток в холодной воде. После этого растения кипятили в той же воде приблизительно 15–20 минут. Полученный отвар процеживали в посуду для крашения. Для полного выделения краски из растений их кипятили еще в одном-двух литрах воды около 20 минут, которую смешивали с отваром.

Из растений краску получали следующим путем: после 24-часового вымачивания растения кипятили в той же воде около одного-двух часов; затем горячий отвар процеживали через редкую ткань или сито и охлаждали. Для более интенсивного действия краски отвару иногда давали прокиснуть.

Чтобы получить ровный блестящий оттенок, окрашиваемый материал нужно было предварительно тщательно выстирать: плохо вымытая пряжа или ткань окрашивались неравномерно.

Для закрепления красящего вещества на материале использовали закрепители, протраву. Они могли быть химическими: квасцы — *ахчадаш* или медный купорос — *квыпрауыз* или природными (натуральная муравьиная кислота, рассол квашеной капусты и др.). Протравка делала окраску значительно более устойчивой к стирке и свету.

Чаще всего применяли квасцы, при этом получая самые светлые и чистые оттенки: желтые и бежевые. При использовании медного купороса получали желтый цвет, различные зеленые и коричневые оттенки; железный купорос давал оттенки серые и серовато- и коричневатозеленые, а также красновато-коричневые.

В качестве закрепителей использовали соль, золу. Для щелока брали березовую золу, заливали ведром кипящей воды, перемешивали и, когда вода

остывала, прозрачную жидкость сливали в другую чистую посуду. Щелок был готов.

Одна и та же растительная краска при различных закрепителях давала различную окраску. При окраске растениями в концентрированном отваре с меньшим количеством закрепителя получались светлые тона, с бóльшим — темные оттенки. При окраске в слабом отваре увеличение количества закрепителя давало более темный тон.

Химические вещества растворяли в воде. При температуре около 40° (температуру определяли довольно примитивным способом: локоть опускали в воду и, если вода не обжигала, считали это достаточным) материал или пряжу погружали в раствор и кипятили где-то около 20 минут, время от времени помешивая. Затем материал вынимали, а воду сцеживали. Мокрый материал клали в холодный отвар, доводили до кипения и кипятили около одного часа. Отжимать материал или пряжу во время протравки или после нее было нельзя — окраска будет неровной.

Протравленную ткань надо было осторожно переложить в отвар красителя. Прежде чем опустить окрашиваемые вещи в отвар красителя, в нем, тщательно помешивая, растворяли закрепители. В полученную смесь клали мокрый материал. До кипячения смеси материал переворачивали все время, а затем с небольшими перерывами кипятили до одного часа.

После окраски пряжу или материал прополаскивали в холодной воде (кроме тех случаев, когда материал или ткань оставались в отваре красителя).

Для сушки пряжу или материал слегка отжимали и вывешивали. Замечательно, что мастерицы отмечают такую деталь при сушке: сушить материал или пряжу нужно было в теплом, но не жарком месте, не на солнце. Сушка же в холодном месте делала материал или пряжу грубыми.

Как было отмечено, из местных растений в основном получали черные, коричневые и темно-красные цвета. Эту монотонность можно было разнообразить другими растительными красками местного или иноземного происхождения. Наши славные предки — мастерицы — умели получать интересные оттенки, добавляя к местным растениям те или иные растения, вещества.

Известны были следующие способы получения того или иного цвета и его оттенков.

Черновато-серый. Для получения этого цвета использовали кору ольхи, пыль точильного камня и железный купорос. Воду с корой ольхи кипятили около четырех часов, затем клали туда пыль точильного камня и продолжали кипятить некоторое время. Мокрую пряжу или ткань опускали в охлажденный отвар, доводили снова до кипения и кипятили около получаса. Затем делали следующую протравку пряжи или ткани железным купоросом в течение часа и охлаждали в отваре красителя. После этого пряжу сушили.

Темно-коричневый. Необходимое сырье: квасцы, настой индиго, кора ольхи и корни подмаренника. Пряжу кипятили в растворе квасцов полчаса и красили в настое индиго в синий цвет. Синюю пряжу опускали в отвар из коры ольхи на полчаса, добавляли отвар корней подмаренника и кипятили полчаса. Затем прополаскивали и сушили.

Черно-коричневый. Сырьем являлись квасцы, настой индиго, кора ольхи, корни подмаренника, железный купорос. Пряжу кипятили полчаса в растворе квасцов и полчаса в растворе индиго. Окрашенную пряжу кипятили в растворе отвара коры ольхи 30 минут и вымачивали в нем полусутки. Затем пряжу вынимали, в краситель добавляли отвар из размельченного корня подмаренника и хорошо перемешивали. В этой смеси пряжу кипятили полчаса. Вынув ее, добавляли железный купорос, снова добавляли и кипятили вновь полчаса. Прополаскивали тщательно и сушили.

Черный. Сырьем служили щепки дуба, кора ольхи, железный купорос. Пряжу или сукно протравливали полчаса в отваре из щепок дуба. Протравленную пряжу красили в течение часа в отваре из коры ольхи с примесью железного купороса. Затем пряжу или сукно сушили. Сухую пряжу снова опускали в холодный отвар из щепок дуба. Снова сушили и опускали в холодный отвар коры ольхи. Так до тех пор, пока пряжа не станет черной. Чтобы получить серый цвет, каждый раз высушенную пряжу опускали два-три раза то в один, то в другой отвар.

Основным сырьем для получения вышеописанных цветов является ольха — *алчIвы*. Окраска корой ольхи известна давно. У нас растут два вида ольхи: с гладкой сероватой корой серая и белая ольха. При окрашивании большой разницы между ними нет, хотя для получения более темных оттенков чаще использовали серую ольху, а более светлых тонов — белую. Красили чаще корой ольхи, реже — листьями, древесиной. Кору снимали с молодой ольхи, еще не покрытой коростой. На снятой коре не должно быть древесины. Кору использовали как в сыром виде, так и в сушеном; последняя даже лучше. Корой ольхи красили шерсть, главным образом в коричневый и черный цвета. Оттенки зависели от количества коры и протравленных веществ. Сухую кору дробили, вымачивали 12 часов в мягкой воде и в ней кипятили до получения темно-коричневой жидкости. Без протравленных веществ этот отвар окрашивает в коричневато-бежевый цвет. В слабом растворе красителя пряжа становится светло-коричневой. Из коры ольхи получали также красный краситель (при протравке квасцами). Для черного цвета нужна протравка железным купоросом. Чтобы получить интенсивный черный цвет, пользовались методом повторного кипячения и сушки пряжи. Пряжу, окрашенную корой ольхи, выпаривали, выставляя на яркое солнце. Интенсивность черного цвета усиливалась также при добавлении к коре ольхи других красителей — растений,

коры крушины, стеблей толокнянки. Хорошо было также до окраски несколько дней вымачивать пряжу в отваре из веток ольхи и коры ивы.

Сырьем для кустарного окрашивания пряжи служила также березовая кора — *цыхичва*. Березовая кора содержит в основном темную краску коричневых оттенков. Кору собирали с молодых деревьев весной во время сокодвижения, когда кора легко отделяется.

Чтобы получить краситель, размоченную березовую кору кипятили четыре часа. Прокипяченная в этом растворе пряжа окрашивалась в светлый розовато-бежевый цвет. Пряжа, предварительно протравленная железным купоросом, приобретала темно-коричневый цвет. При одновременной протравке медным купоросом в течение часа получали серовато-зеленый цвет. Окрашенную березовой корой пряжу рекомендовали держать в отваре на ярком солнце до получения желаемого оттенка.

Истлевшие в лесу обрубки, стволы березы вместе с обитающими в них насекомыми дают темно-коричневый краситель. Березовой корой главным образом красили шерсть.

Очень широко использовали для окраски дуб — *джьчывы*. Дубовая кора давала черный цвет. Кору снимали весной во время самого высокого интенсивного сокодвижения. Дубовой корой (как сушеной, так и сырой) с добавлением дубовых листьев и соли красили в черный и коричневый цвета. Молодая гладкая кора окрашивает в бежевый, темно-красный, серовато-красный, а также в коричневый цвет; старая кора (корявая) дает серый и черный цвет. Добавляя в отвар красителя желуди и индиго, можно было получить много оттенков.

Светло-синий. Посуду наполняли водой и разводили в ней индиго. В охлажденную смесь опускали железный купорос, желуди и туда же опускали окрашенную дубовым отваром пряжу. Кипятили до получаса. Вынув пряжу, снова добавляли железный купорос и желуди, опускали пряжу и кипятили. Затем пряжу тщательно прополаскивали и сушили в защищенном от прямых солнечных лучей месте.

Серовато-синий. Для получения серовато-синего оттенка необходимо было кипятить пряжу в настое индиго с добавлением железного купороса и небольшого количества желудей.

Можно сказать, что дикая яблоня нашла самое широкое применение в домашнем окрашивании. Ее кора, листья издавна использовались для окраски. Кора дает коричневато-желтый, золотисто-желтый цвет. Листья — красный и красно-коричневый. Желтый цвет можно получить, предварительно протравив пряжу в отваре из коры, в который при кипячении добавлена соль. Чтобы получить коричневато-желтый цвет, в отвар красителя добавляли медный купорос. Красный краситель получали из молодых листьев — их сушили, размельчали, вымачивали, кипятили в той же воде. В теплый отвар опускали пряжу, предварительно протравленную квасцами, и оставляли на несколько дней.

Золотисто-желтый цвет получали из коры сушеной яблони, квасцов. Кору дробили, вымачивали в течение 12 часов и в той же воде кипятили около четырех часов. Пряжу красили с одновременной протравкой.

Коричнево-желтый оттенок получали из желтых (опавших) листьев яблони, медного купороса. Медный купорос добавляли в отвар и в нем же кипятили пряжу и охлаждали.

Лимонно-желтый цвет получали из коры яблони и квасцов. Красили по предыдущему рецепту. Если же красить несколько партий в одном и том же отваре, то первая из них имела желтовато-красный оттенок, последующие светлее. Оттенок потемнее можно было получить, прокипятив пряжу полчаса в чистой воде.

В красильном деле широко применяли толокнянку, дававшую в основном серый и черный цвет. Сначала небольшое количество цветущих стеблей вымачивали в течение суток, а затем кипятили в этой же воде в течение трех часов. Протравив в растворе квасцов пряжу 30 минут, красили в отваре стеблей толокнянки час. При этом получали зеленовато-серый цвет.

Серовато-коричневый цвет получали, используя железный купорос и стебли толокнянки. Пряжу предварительно протравливали в растворе железного купороса, затем кипятили 30 минут в отваре красителя

Серовато-желтый. Размельченные стебли толокнянки варили три часа. В этом отваре пряжу красили с одновременной протравкой квасцами.

Довольно известно было в народе красящее растение манжетка. Манжеткой красили без протравки, получая при этом коричневато-бежевый цвет. Регулируя разное время, манжеткой можно было красить также в желтый, зеленый, темно-красноватый, коричневый и красновато-серый цвет.

В отваре сенной трухи при помощи кипячения получали пряжу зеленовато-серой и зеленой окраски.

Из поскони конопли получали серовато-желтую краску. Картофельной ботвой красили в темно-, мышисто-зеленый, черновато-коричневый и черный цвет.

Кора барбариса — *къатглансолъакъв* — красила в желтый и желтовато-красный цвет.

Из черной бузины получали желтую и коричневую краску (используя кору), из ягод — черновато-синюю.

Высушенной корой лещины (добавляя железный купорос) красили в черный цвет.

Тысячелистником окрашивали в желтоватый и зеленоватый цвет.

Крапива жгучая в сыром виде давала зеленовато-желтый цвет, а в сушеном — серовато-желтый цвет.

Зверобоем красили в красный, лиловый, светло-лиловый, желтовато-лиловый, розовый, вишневый, желтый и зеленый цвет. Для получения вышепере-

численных оттенков, достаточно было в отвар сушеных цветов или стеблей добавить небольшое количество квасцов. Интенсивность окраски тона зависела от времени выдержки пряжи в растворе квасцов.

Используя шелуху лука, можно было получить коричневатый и зеленый цвета. Одновременная протравка квасцами с шелухой лука давала желтый цвет, железным купоросом — серый, медным купоросом — коричневый.

Самое широкое применение нашла в окраске шерстяных изделий марена — *баяу*. Без протравки шерстяная пряжа окрашивается в розовато-лиловый цвет. Различная протравка и способы ее применения давали различные оттенки. Если в отвар красителя добавить золу, то получится красивый красновато-лиловый цвет. Предварительная протравка квасцами придавала пряже розовый цвет. Из цветов марены получали краску желтых оттенков. Корни, листья, цветы марены больше всего применялись в окрашивании кожи.

В заключение раздела необходимо отметить, что прикладной характер традиционных видов абазинского искусства обработки шерсти находился в прямой зависимости от условий быта окраины царской России, какой являлся Северный Кавказ еще в начале XX в. Революционные изменения, пришедшие на нашу землю с установлением советской власти, внесли принципиальные новшества в быт и духовную культуру абазин. Естественно, что изменения происходили постепенно и отразились в первую очередь на образе жизни верхушечной значительной части населения. Революционные изменения в жизни абазин создали в определенный период мнение об устарелости и безвозвратной утрате как прежних норм быта, так и связанных с ним изделий народного ремесла.

Рассматривая творчество народных мастеров в современных условиях, можно выделить ряд моментов: некоторые из видов народного искусства сохраняются в жизни главным образом сельского населения, выполняя традиционные функции. Во-первых, это изготовление войлочных паласов, которые сохранили свое назначение. Эти виды народного ремесла преобладают в былом первозданном виде, подвергаясь лишь небольшим, не принципиальным изменениям.

Во-вторых, создание предметов убранства современного жилища из традиционных материалов на основе многовековых художественно-ремесленных приемов, но с известными стилистическими современными коррективами, диктуемыми новыми условиями быта. Это поле деятельности народных художественных промыслов, существенно расширяясь в последние годы, могло бы иметь значительные перспективы в будущем.

Весьма актуальной сферой применения сил народных умельцев является создание сувенирных экземпляров, отражающих богатые традиции народного декоративно-прикладного искусства.

Глава II
ОБРАБОТКА КОЖ И ШКУР

1. Выделка овчин и кожи

В дореволюционный период выделка шкур и кож наряду с обработкой шерсти занимала значительное место в хозяйстве абазин, что находило свое объяснение в невысоком уровне развития товарно-денежных, рыночных отношений и значительном сохранении натурального характера этого хозяйства. «Древнейшим видом хозяйственной деятельности предков абазин, — писал Л. И. Лавров, — была охота»⁷³. Следовательно, обработка кож и мехов была им известна с древнейших времен. И далее Л. И. Лавров пишет, что «эти древние виды занятий еще задолго до XVIII в. уступили первенство отгонному скотоводству, которое почти до Октябрьской революции оставалось ведущей отраслью хозяйства абазин»⁷⁴.

«Развитие скотоводства давало сырье не только для ткачества и валяния, но и для развития скорняжного и шорного дела: обработка шкур и кож, шитье шуб и шапок, обуви, изготовление бурдюков, седел, сумок, конской сбруи», — сообщает В. П. Невская⁷⁵. «Скотоводство есть существенная часть его хозяйства, обращающая на себя все внимание», — отмечал И. Дебу⁷⁶.

Благодаря естественным условиям — обилию лесов, богатых пушным зверем, обширности лугов, пригодных для овцеводства, — абазины долгое время были основными поставщиками всякого рода мехового товара и кожи на рынок. В первой половине XIX в. Ю. Клапрот писал, что «продукты, ими (абазинами. — Л. К.) производимые — мед, воск, лисьи и куньи шкуры... которые они продают в Крым»⁷⁷. «От него (абазинского народа. — Л. К.), наконец, снабжался Таганрогский порт кожами», — сообщали другие авторы⁷⁸. «У абазин имеются также для сбыта запасы различных мехов: рысьи, куньи, каменной куницы, беличьи», — отмечал еще один автор⁷⁹. В рукописи абазинского просветителя, ученого-лингвиста и этнографа Т. З. Табулова мы находим факты, подтверждающие, что обработка кож являлась одним из домашних занятий абазин. Он писал: «Сотни лет занятий скотоводством, обилие кожевенно-

73 Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С. 17.

74 Там же.

75 Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая и Черкесии в первой половине XIX в. // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. С. 323.

76 Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, о соседственных горских народах, собранные в 1816 по 1826 г. СПб., 1829. С. 119.

77 Klapproth J. von. Reise in den Kaukasus und nach Geordien. I. Hallen; Berlin, 1812. S. 449.

78 Дебу И. Указ. соч. С. 131; Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1834. Ч. 2. С. 126.

79 Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-кавказском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. Краснодар, 1927. С. 30.

го сырья способствовали тому, что абазины научились искусно обрабатывать кожу, из которой они изготовляли самые разнообразные предметы»⁸⁰.

Перегнав скот и овец с летних пастбищ, абазины приступали к стрижке овец, валянию войлока, тканью сукна и пр. В это же время они, как и многие народы Кавказа, производили заготовку мяса на зиму — *щчлвы*. В связи с заготовкой мяса к вышеуказанным работам прибавлялась работа по выделке овечьих, козьих шкур, а также шкур крупного рогатого скота, лошадей. Выделка шкур и кож происходила преимущественно еще в теплое время года, но иногда их выделывали зимой. Если же почему-либо шкуры не обрабатывались, то их сохраняли в высушенном — *чабыр* — виде до зимы, а иногда и до весны следующего года, когда и приступали к их обработке. К тому же скот забивали не только осенью, но периодически в течение зимы.

В хозяйстве абазин главное место во второй половине XIX в. занимали овцы, повсеместно разводили также и коз. Овечьи и козьи шкуры шли на шитье верхней теплой одежды и изготовление из них различных предметов. «Из овчин горцы выделывают шубы, зимние шаровары, а из козьих выделанных шкур делаются сумки, мешки для перевозки зерна или муки, бурдюки, то есть мешки, в которых перевозятся вино, вода»⁸¹. К этому следует добавить, что бурдюки — *гъааша* — использовались также для хранения и перевозки молочнокислых продуктов.

Не менее значительную роль в хозяйстве абазин играло коневодство. Имеющиеся сведения говорят о том, что абазинские лошади отличались большой выносливостью и высоко ценились в России и на всем Северном Кавказе.

Лошади использовались для верховой езды, транспортировки грузов и отчасти как убойное животное (в двухлетнем возрасте). Шкуры лошадей шли на выделку сыромятной кожи, из которой шили сбрую для верховых лошадей, ремни, обувь и другие предметы домашнего обихода.

Особенно ценился у абазин крупный рогатый скот. Помимо молока и мяса, он давал и шкуры, из которых выделывали сыромять и юфть.

Обработка первичного сырья включала в себя выделку овчин и кож, каждая из которых существовала как самостоятельный промысел: скорняжный и кожевенный.

Кожа выделывалась из шкур различных, главным образом домашних, животных: быков, коров, телят, лошадей, овец и коз. Шкура, снятая с убитого животного, легко загнивала, а при высыхании становилась жесткой и ломкой. Процесс выделки кожи состоял из нескольких операций, как то: заквашив-

80 Табулов Т. З. Очерк о бытовых особенностях горцев (рукопись) // Карачаево-Черкесский республиканский архив. Ф. Р-28. Д. 5. Л. 24.

81 Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1883. Вып. 9. С. 178–179.

вание, дубление, окраска, мятье. Свежую шкуру очищали от крови тыльной стороной ножа и давали немного подсохнуть, для чего ее растягивали на распорках из свежих прутьев или специальных деревянных рамах. В течение одного-двух дней шкура подсыхала, а потом уже приступали к ее выделке. Если же почему-либо к обработке полагали приступить через большой промежуток времени, то для сохранения шкур от порчи их обильно посыпали солью с внутренней стороны, высушивали и помещали на чердак дома, где они хранились до надобности. Перед началом выделки такую шкуру предварительно размягчали в воде, чтобы она не была ломкой. Размачивали чаще всего или прямо в проточной речке, или же в больших чанах, смотря по погоде и роду шкур, от двух до четырех дней.

Известно, что шкура состоит из трех слоев: верхний слой — кожица, эпидермис, покрытая волосом; средний толстый слой представляет волокна соединительной ткани — это и есть собственно кожа, и нижний — подкожная клетчатка. Так как кожу составляет только средний слой, то первейшая задача кожевенного производства заключалась в том, чтобы удалить верхний волосяной и нижний слой шкуры. Для этого шкуру прежде всего промывали в воде, а затем приступали к снятию нижнего слоя, так называемый мездры. Обычно удалением мездры занимались женщины средних лет. Эта работа требовала значительного напряжения и осторожности во избежание порезов кожи.

Для того чтобы удалить верхний слой шкуры, ее подвергали квашению — *рч1вра*, в основе которого лежал принцип химического воздействия на структуру кожи. Для заквашивания шкур приготавливали специальный раствор. В каком-нибудь большом чане, желательнее в дубовой кадке, гасили известь, разводя ее в «молоко». Через сутки отстоявшуюся известковую воду сливали в другой сосуд и засыпали туда пшеничных отрубей. Делали раствор в виде не очень густой кашицы, куда и складывали шкуры. При обыкновенных условиях (температура должна была быть комнатной или немного выше) шкуры находились в этом растворе 14–15 дней⁸². По истечении этого срока шкуры вынимали из раствора, очищали от волосяного покрова, который снимался теперь очень легко, и остатков раствора. Промыв шкуры начисто холодной водой, их забрасывали в деревянное корыто, в котором находился хорошо перемешанный, разбавленный холодной водой раствор куриного помета. По мнению информантов, в курином помете содержатся некоторые вещества, которые, действуя на кожу, разрыхляют ее, она сильно разбухает и таким образом готова к следующему процессу — дублению. В дубильном растворе сырье находится сутки, после чего его вынимают и промывают холодной водой. Несколько подробно опишем процесс дубления.

---

82 Полевой материал автора: Кенжева Туркхан, 72 года, а. Кубина.

При этой операции дубильное вещество проникало внутрь шкуры, обволакивало волокна соединительной ткани, из которых состоит кожа, и мешало им склеиваться при высыхании. Кожа становилась мягкой, эластичной и в то же время защищенной от загнивания. В качестве дубильного материала и красителя одновременно применяли листья марены — *балу*. Способ приготовления дубильного раствора состоял в следующем: сухие листья *балу*-марены крошились и перемалывались в порошок. Шкуры (каждая в отдельности) сшивались в виде мешка; в каждый такой «мешок» засыпали по полведра перемешанных листьев марены и заливали крепким горячим настоем этих же листьев. Однако, по мнению информантов, при этой операции шкуры не пропитывались как следует дубильным веществом, так как и количества дубителя, и продолжительности процесса явно было недостаточно для полного эффективного дубления. Поэтому за первым процессом следовал второй — более концентрированный, третий и четвертый — сильной концентрации. Процесс продолжался в течение суток, после чего «мешки» распарывали и освобождали их от дубильного вещества.

Следующий процесс обработки состоял в окраске кож. Мелко нарезанные листья марены вываривали в кипятке и давали им отстояться в течение суток. Настойку процеживали, в качестве закрепителя добавляли медный купорос. На один литр настойки добавляли 200 г медного купороса. В этот настой помещали кожи, хорошо промытые после процесса дубления.

Абазины практиковали два способа окраски кожи: окрашивание путем погружения в раствор и путем втирания красильного вещества в кожу.

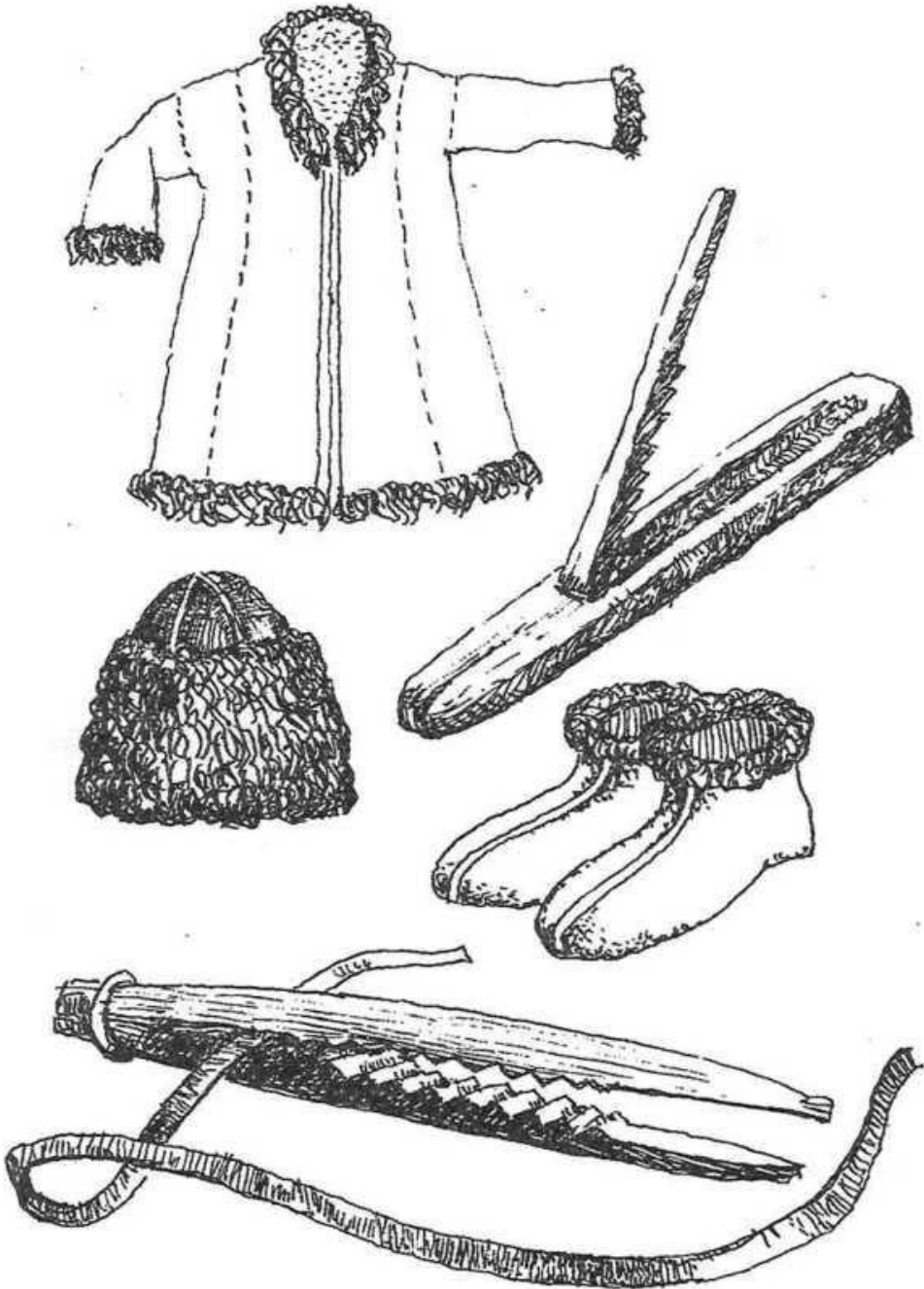
Первый способ окраски заключался в том, что промытую кожу помещали в сосуд с красильным раствором на одни сутки. Кожа считалась достаточно окрашенной, если краска пропитала ее насквозь. Для окраски кожи путем втирания кожу расстилали на траве или циновке, расправляли ее и щеткой втирали в нее красильное вещество. Работа эта была более трудоемкой и менее эффективной. После окраски кожи приступали к следующей операции — мятью — *ркъвчIра*. Мятье производили при помощи мялки, а также руками.

Мятье производилось с целью сделать кожу мягкой и эластичной. Этому процессу обработки кож придавалось большое значение, так как одежда или обувь, сшитые из плохо размятой кожи, быстро портились.

Мятье производилось наличными силами членов семьи: в нем участвовало не менее двух человек. Если обрабатывалось сразу несколько шкур, то на помощь приглашались соседи, а также подружки. Ручное мятье производилось следующим образом: еще не вполне просохшую кожу брали за два конца и скручивали в жгуты (в работе принимали участие два человека), затем жгут раскручивали и заново закручивали в жгут, но уже в обратную сторону. И так повторялось длительное время, пока, по мнению хозяйки, кожа не станови-

Научное наследие Л. З. Кунижевой

лась достаточно пластичной. Степень же достаточной эластичности определяли таким образом: брали небольшой конец кожи, комкали руками и придавливали грузом. Через некоторое время убирали груз и распрямляли кожу. Если на коже не оставалось заметных изломов, эластичность кожи признавалась достаточной.

Орудия для обработки кожи, одежда из овчины

Прежде чем рассказать о принципе работы кожемялкой, скажем несколько слов о ее устройстве. Кожемялка — *ркъвчИыга/фаъадз* — представляла собой деревянную развилку, зазубренную глубокими нарезками. В развилку был вставлен конец другой зазубренной палки, закрепленной у одного из концов основания так, чтобы ею можно было свободно двигать вверх-вниз по принципу работы рычага. Кожу помещали в развилку под вставленный в нее конец прямой палки. За другой конец работник брался обеими руками и, действуя палкой как рычагом, поднимал ее вверх и опускал вниз. Так в результате примитивной работы мяли кожу. Процесс мятья продолжался до тех пор, пока кожа не становилась эластичной. Степень готовности определяли так же, как в первом случае, но еще, добавляют информанты, степень готовности кожи определялась тем, что готовая кожа начинала издавать своеобразный скрип.

Выделанная кожа называлась *сахтан*. Если кожа сразу же не шла на изготовление обуви или какой-нибудь другой вещи, ее можно было длительное время хранить где-нибудь в чистом прохладном месте. Готовое сырье хранили, намотав в рулон на гладкую палку.

Сопоставляя материалы по технике обработки кожи у абазин с материалами, относящимися к другим народам, близким соседям абазин, мы должны отметить наличие весьма большой общности всех основных приемов обработки кожи у тех и других. Общность исторически обусловлена сходными социально-экономическими и бытовыми условиями этих народов, а также существовавшими на протяжении многих веков тесными хозяйственными и бытовыми связями между ними. Однако при более тщательном рассмотрении нетрудно установить наличие некоторых особенностей технологии в этой отрасли, характеризующих самобытные черты развития промыслов у этих народов.

2. Шорное дело

В силу бытовых условий седло являлось для горца предметом первой необходимости. «Едва только горец почувствует недостаток, он заводил лошадь и как неотъемлемую часть к ней, принадлежность — седло. Время возникновения седельного промысла относится к раннему Средневековью», — писал Л. И. Лавров⁸³.

В противоположность бурочному и суконному промыслам, сосредоточенным в руках женщин, седельное производство всецело лежало на плечах мужчин как промысел, требующий значительной деятельной силы.

Седельное производство включало в себя три самостоятельные отрасли: арчаковое — производство деревянных частей седла, изготовляемых особы-

⁸³ Лавров Л. И. Адыги в раннем Средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 4. Нальчик, 1995. С. 25.

ми мастерами; шорное — производство ременных принадлежностей седла: металлическое, включавшее в себя работу двух самостоятельных мастеров — кузнеца (производство металлических принадлежностей седла: стремян, удила, пряжек и т. п.) и ювелира, изготовлявшего украшения из меди или серебра для конской сбруи.

Подробные описания каждого из этих производств будут даны в соответствующих главах данной работы (арчаковые — в главе «Деревообрабатывающее дело»; металлическое — «Металлообработка»). В этом разделе мы дадим описание шорного производства.

Шорная работа включала в себя оклейку орчаков, изготовление принадлежностей седла: подушек, тебеньков, подседельника, подподушечника, а также принадлежностей конской сбруи: уздечки, нагрудника, подхвостника, подпруги, путлиц, тороки, нагайки и т. д. Весь подробный ассортимент конского снаряжения мы находим в ярких описаниях устного народного творчества. Например, в сказке «Гвацагъагъ» читаем: «*Ачрынра даналга асхъан, Къаншвауби тшыкI йазыцтIнахуаз балаган акъамчы, абгъарычIва, акIвдыр, акIвдырхъа, атишупIа, — зымгIва — ацахIа, ахынцахIа пидзата йадигалын, — тшыкI йазыцтIнахуашыз аъара псыма йрыхIазыртI*»⁸⁴.

Все перечисленные детали седла нашли широкое отражение в описаниях быта горцев. Так, Т. Лапинский писал, что «взнуздывание и седлание очень просто и чрезвычайно сообразно с образом жизни и ведения войны всадника. Легкий недоуздок с гонким мундштуком; деревянное, весом не более 10 футов седло, положенное на короткую и толстую шерстяную попону; на седле туго набитая подушка сафьяновая, ременные нагрудники и подхвостник, подпруга из крепкого ремня, узкое стремя, в которое иногда едва можно просунуть носок сапога, узкие и длинные ремни на стременах — вот так седлается лошадь. Нередко седельная подушка вышивается серебром, на узде и ремнях насаживаются серебряные и медные продолговатые или круглые пуговицы, часто очень изящной формы. Так как всадник сидит на коротком седле, то невозможно управлять лошастью ногами; она слушается только узды и *къамчы* (короткая ременная плеть), без которой не садится на лошадь»⁸⁵.

Арчак и деревянная основа седла оклеивались кожей. Оклежкой арчака занимались исключительно мужчины. Многие мастера самостоятельно выполняли все виды шорной работы, но впоследствии стали выделяться специалисты, занимавшиеся только оклейкой арчаков. Таковыми прославленными мастерами по оклейке арчаков стали Тлисов Абдулах из а. Апсуа, Балов Умар из а. Кубина, Кагов Мусса из а. Псаучье-Дахе.

⁸⁴ Абаза уагIа рлокIква. Черкесск, 1986. С. 339. (На абаз. яз.)

⁸⁵ *Лапинский Т.* Горские народы Кавказа и их борьба против русских за свободу // Записки Императорского Русского географического общества. 1863. Кн. 1: Отдел библиографии и критики. С. 6.

Неизменной частью седла являлась подушка из черной или красной тисненой кожи, набитая овечьей шерстью, прикрепленная спереди-сзади к луке ремнями и накрест вторым ремнем подпруги. Следует заметить, что при производстве некоторых кожаных принадлежностей седла (обработка кожи, пошив подушек) применялся частично женский труд.

Материалом для изготовления принадлежностей седла служила кожа-сыромять. Процесс обработки кожи-сыромяти для шорно-седельных изделий состоял из нескольких операций. Снятую с забитого животного шкуру расстилали на траве или циновке внутренней стороной вверх и счищали с нее ножом кровь, остатки мяса, сала. Шкуру, снятую за несколько месяцев до того, сначала размачивали в холодной воде, а потом очищали. Вслед за этим приступали к очистке волосяного покрова. Для этого мастер садился на стульчик, клал на колено шкуру мездрю вниз и, придерживая конец шкуры левой рукой, осторожно движением от себя осколком стекла или острым ножом соскабливал волос. За один день мастер мог очистить одну-две небольшие шкуры и одну шкуру крупного рогатого скота. Затем шкуры немного просушивались, смазывались животным жиром и обминались на мялках, после чего их растягивали на земле и резали на ровные ремни. Приготавливали специальный концентрированный мыльный раствор, в который опускали ремни и держали в течение одних суток. Вынутые из раствора ремни просушивались и обминались — *цыг1вара* — на мялках особого устройства, в специальной литературе называемые лещеткой. Принцип работы в основном заключался в том, что «ремень, крепко защемленный в лещетке, несколько раз закручивается и протягивается через нее по всей длине; через это он разминается равномерно»⁸⁶. Русские мастера, например, пользовались мялками несколько иного образца, называемого дорожником. «Дорожник — две дощечки со стальными зубчиками; они складываются так, что зубчики приходятся вместе, и между этими зубчиками протягивается ремень, который иногда предварительно смазывается салом, чаще же ничем не смазывается, так как от сала ремни впоследствии грязнятся»⁸⁷.

Обработанная таким образом сыромять шла на изготовление предметов конской сбруи. В работе Ю. Цекова дается детальный перечень предметов конской сбруи⁸⁸: *к1вдырхъа, тшымгвархъа, гъвра, хамут1, нахета, шах1а*, на описании которых мы здесь кратко остановимся.

86 *Марсграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 160; *Хижняков Б. Е.* Описание кустарных промыслов нацобластей Северо-Кавказского края // Записки Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1929. Т. 2. С. 161.

87 *Шевлягин Н. И.* Кожевенное производство в Нижегородской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и Курской губерниях // Отчеты исследования по кустарной промышленности в России. СПб., 1894. Т. 2. С. 204.

88 *Цеков Ю.* Абазаква рпны атшырх1ара // Коммунизм алашара. 1991. 26 февр.

Уздечка — *гъвра* — с двухзвенным удилом и поводом состояла из двух боковых, двух поперечных (носового и лобового) и шейного ремней. Концы удила, боковых ремней и повода соединялись на обеих сторонах морды лошади большими металлическими кольцами. Следует заметить, что удила в уздечке не размыкались, поэтому для разнуздания лошади каждый раз приходилось снимать уздечку.

Нагрудник — *абгъарычIва* — имеет вид полуовала, который проходил через всю грудь лошади до седла, к которому концы его, снабженные кольцами, привязывались с обеих сторон при помощи ремешков. К средней части полуовала прикрепляется специальная ремень, проходивший под грудью и прикрепляемый к подпруге.

Подхвостник — *бгъарычIва* — представлял полный овал на крупе лошади, соединявшийся с другим ремнем, который лежал посередине хребта и прикреплялся передним своим концом к петле, находившейся в середине нижней стороны седла.

Путлица — *тлахIа* — ремни, прикреплявшиеся к передней половине седла, где имелись для этой цели по одному разрезу на каждой стороне; ремни были двойные и снабжались пряжками для урегулирования их длины.

Подпруга — *тшымгвархъа* — широкий прочный ремень, служит для притягивания седла. Оба конца подпруги снабжены пряжками. Она крепилась одним концом на правой стороне седла к ремешку, прикрепленному к середине нижней части седла, другой же конец подпруги соединялся с ремнем, прикрепленным к седлу с левой стороны таким же образом, как и на правой стороне.

Торока — *тланс* — ремешки у луки седла, служащие для пристегивания поклажи.

Тебенки — пара продолговатых четырехугольных кусков кожи, которые соединены между собой двумя ремешками; они подвешиваются с обеих сторон седла на бока лошади и служат для защиты ног седока от грязи и пота, а также для защиты боков лошади от трения стременами и ногами ездока.

Потник — *тшунIа* — кусок плотной кошмы, подкладываемой под седло.

В сюжетах абазинских сказок также говорится о треноге как *хынцахIа*.

Тренога — *цахIа*, состоящая из двух широких сыромятных ремней: одного длинного и другого короткого, связанных между собою в виде латинского «Т», на концах этих ремней находятся петли из узких ремешков, застегиваемые на костяные цепи. Коротким ремнем спутываются обе передние ноги несколько выше копыта, а концом длинного ремня обвязывается одна из задних ног выше колена. Петли с чеками позволяют растревожить лошадь в одно мгновение, что имеет особую важность в быту горца, встречающего так часто надобность в случае неожиданной тревоги вскочить на лошадь, не теряя времени. Зато горец никогда не выезжает без треноги, привязанной за седлом⁸⁹.

⁸⁹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера М., 1864. С. 82.

При верховой езде пользовались сплетенной из узких полосок сыромяти нагайкой — *кьамчы*. Нагайка, как свидетельствуют источники, служила даже не столько орудием управления лошастью, а скорее украшением всадника. Сплетали нагайку из узких ремней сыромяти шириной 0,5 см, перебирая их особым порядком вокруг ремневого стержня. Нагайка отличалась особой прочностью и тонкостью отделки. Изготавливались они мастерами шорниками. При езде на гужевом транспорте пользовались кнутом — *кӀнутӀ*, изготавливаемым теми же шорниками. Во время детской игры в волчок/юлу пользовались кнутом из сыромятной кожи — *кьаламчӀланц*.

Среди местных абазинских мастеров были известны имена Эскендарова Муссы и Башира из а. Псыж, Кикова Кази, Джандарова Тали из а. Инжич-Чикун, Лапугова Мерам и Ахмеда из а. Старокувинск, Айсанова Долат, Байрамукова Каншауа, Шарматова Мызы из а. Красный Восток⁹⁰.

Вся вышеописанная сбруя для верховой лошади очень умело убиралась серебряными и медными украшениями. Высокого мастерства и совершенства добились абазинские мастера также в художественном оформлении кожаных изделий. Особый интерес представляет тиснение на коже. Тисненым орнаментом абазинские мастера-шорники украшали принадлежности конской сбруи (ремни, тебеньки), обувь, пояса, ножны, футляры для часов, футляры для Корана.

Тиснение производилось с помощью деревянного штампа. Для работы этим штампом кожу вымачивали в воде в течение одних суток и вырезали из нее прямоугольный кусок, равный по своему размеру площади штампа. Эту кожу прибивали несколькими гвоздиками к штампу, а затем били деревянным молотком по всей поверхности. Затем на эту площадь клали груз и оставляли в течение двух-трех суток. В результате рельефные черты рисунка плотно врезались в кожу. В таком виде кожу оставляли на штампе до полного высыхания. После снятия куска кожи со штампа на коже четко просматривался рисунок.

Художественное тиснение по коже с помощью штампа широко применялось соседями абазин — черкесами, кабардинцами и адыгейцами⁹¹.

Украшение тебеньков с помощью штампа, несомненно, повышало производительность труда мастеров, но надо заметить, что наличие готовых штампов связывало творческую инициативу мастеров и вело к превращению данного вида художественного производства в ремесленничество. Поэтому гораздо больший интерес представлял способ тиснения по коже специальными металлическими инструментами, которые, судя по сообщениям информантов, имели широкое распространение в абазинских аулах. В этом случае масте-

90 Студенецкая Е. Н. Быт и культура кабардинского народа (XVIII–XIX вв.) // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1968. Вып. 3. С. 76.

91 Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 421.

ра не связывал какой-либо определенный рисунок, и он в каждом отдельном случае мог внести в рисунок какую-нибудь новую деталь или же полностью изменить его.

Исследователи высоко оценивали горское искусство тиснения узоров тебеньков. Орнамент на изделиях из кожи, образованный тиснением, в основном представлен элементами геометрического, реже — растительного характера.

3. Производство кожаной обуви

Следующей важной статьёй расхода кожи домашней выделки было изготовление обуви. Одежду из кожи и обувь шили в основном женщины, каждая для членов семьи. Для изготовления обуви употребляли хорошо выделанные кожи. Шили с большим вкусом, умело подбирая цвета и фасон.

Наиболее распространенным видом были чувяки — *чвамгла*. Выкраивали чувяк так, что он имел только один шов, который проходил от носка под подошвой вдоль всей ее длины. Шов делали с изнанки прочной ниткой, затем выворачивали чувяк налицо. При окончательной отделке этот шов выглаживали клыком дикого кабана. В кавказоведческой литературе имеется довольно красочное описание данного вида обуви. «Все эти вещи отличались хорошим вкусом, особенно чувяки, обувь без подошвы. ...Они шьются обыкновенно несколько меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги, подобно перчаткам. После того надевший новые чувяки должен лежать выждать, пока они, высохнув, примут форму ноги. Под чувяки впоследствии подшивается самая легкая и мягкая подошва»⁹², — отмечал Ф. Торнау.

Другой разновидностью чувяков были поршни — *гванчрыкъв* — мужская обувь из сыромятной кожи без подошвы и каблуков, утепляемая в зимнее время мягкой травой — *боша*. Обувь из сыромятной кожи в сухую погоду изящно сидела на ногах, но в сырую и зимнюю пору раскисала и принимала бесформенный вид, тем самым доставляя много хлопот владельцу.

Значительное разнообразие было свойственно женской обуви. Наиболее древней обувью являлись ходули, изготавливаемые из дерева. «Ходули эти по большей части деревянные, но бывают и серебряные, устроены они из двух стремленнообразных дощечек высотой в три-четыре вершка, к которым сверху прикреплена плоская дощечка длиной пять-шесть вершков; эта последняя дощечка имеет форму подошвы или просто четырехугольника; посередине ее прикреплен ремень, в который всовывают ногу, становясь на ходули»⁹³, — писал Н. Ф. Грабовский.

---

⁹² Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 421.

⁹³ Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 5. С. 5; Интериано Д. О быте и нравах черкесов // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1869. Т. 2. С. 734.

Ходули эти богато украшались серебряными и медными бляшками. По-абазински эти ходули назывались *бакъ-бакъ*, видимо, по звукоподражанию. В этнографической литературе очень часто описывается этот вид обуви, «на который становилась княжна, дабы возвыситься над толпой». Рациональный смысл возникновения данного вида обуви уходит вглубь веков. Так, по сообщениям информантов, эту обувь использовали для предохранения мягких сафьяновых чуваков в сырую погоду от промокания. В древнегреческой культуре имеются сведения о ношении подобной театральной обуви, известной под названием «котурны». У абазин была обувь под названием *къатыр* — это грубая мужская обувь из плохо обработанной воловьей или буйволиной кожи.

Женской обувью являлись сафьяновые шлепанцы, так называемые *папыц*, без задников, на самодельной кожаной подошве. Верхняя часть шлепанцев богато украшалась вышивкой, тиснением. Женской обувью считались также сафьяновые чуваки с небольшой выемкой впереди у подъема на кожаной или сыромятной подошве.

Широко распространенной формой обуви как у мужчин, так и у женщин являлись мягкие сафьяновые сапожки — *майыст*. Самое раннее описание этой обуви мы находим у Д. Интериано, автора конца XV в. «На ногах у мужчин находились сапоги с низкими голенищами и прямыми носками, без каблуков. У женщин такие же сапоги, только более изящные. Некоторые представляют не гладкую поверхность, а сделанную как бы сборками; на других идет орнамент в виде квадратов, кружков и т. п. Цвет их преимущественно коричневый, но с разными оттенками»⁹⁴. Эта обувь сохранилась до сих пор, ее с удовольствием носят люди старшего поколения.

4. Скорняжное дело

Главный предмет скорняжного промысла — овчина, реже — козья шкура. Этот вид промысла был распространен среди всех народов Северного Кавказа. Выделкой овчин занимались обыкновенно женщины⁹⁵. Ограничивалась она лишь домашним спросом.

Чтобы выделывать овчину, нужны раствор молочнокислой сыворотки, соль, пшеничные отруби, а также несколько очень простых инструментов. Перед выделкой овчину необходимо было просушить. Свежеснятую шкуру начинать выделывать было нельзя, так как она получалась худшего качества. Овчин одновременно бралось штук 10–15. Сначала их предварительно вымачивали в холодной воде не более одних-полутора суток. Производилось это обыкно-

⁹⁴ Интериано Д. Указ. соч. С. 734.

⁹⁵ Фомина А. Кустарная промышленная и промысловая кооперация в КЧАО // Вестник промысловой кооперации. 1926. № 1. С. 45; Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает // Советский Северный Кавказ. Ростов н/Д, 1930. № 1. С. 29.

В противном случае процесс нужно продолжить. Работа эта производилась каждый день, пока все овчины не выйдут. Готовность овчины можно было узнать и по мездре: она легко отделялась и после щипка или зажатия между пальцами на ней оставалось белое пятно. В процессе квашения, если замечали, что квас жидок, по необходимости добавляли отрубей.

Когда готовые овчины вынимали из раствора квасов, они были еще пригодны для последующего использования, в них только добавлялось с каждым разом некоторое количество молочнокислой сыворотки с отрубями, но уже без предварительной закваски; их прямо сливали в старые квасы и сразу же клали туда следующую партию шкурок.

Вынутые из кислого раствора овчины тщательно промывали и сушили. Иногда овчины бывали очень жирными, и тогда из них выводили жир, покрывая нижнюю сторону слоем белого глиняного теста, после чего их опять сушили. Такое намазывание глиняным тестом продолжалось до тех пор, пока глина не вытянет весь жир. Овчина, из которой вытянут весь жир и которая хорошо просохла, при последующем смазывании глиной не меняла ее цвета; от еще жирной овчины глина тускнела. За этой работой нужно было следить строго, и если на глине оставалось хотя бы небольшое темное пятно, то процесс обезжиривания овчины продолжали и дальше.

Вытянув таким образом весь жир и отколотив глину, овчины начинали мять. Для мятья пользовались специальным инструментом. Это был железный крюк с рукояткой на верхнем конце и ременной петлей на нижнем. Мятье — *цхIвара (алакъвчIымчIра)* — производилось следующим образом: одним концом прикрепляли овчину при помощи веревки к кольцу в стенке или к большому гвоздю, немного выше человеческого роста, другой конец овчины работница брала в руки, накладывала на овчину крюк, вставляла правую ногу в петлю, нажимала ногою, тем самым натянув овчину, и проводила крюком по шкуре взад и вперед до тех пор, пока разминаемая часть не посветлеет и не станет эластичной и мягкой. После этого овчину перевязывали в другом месте, чтобы таким же образом обработать оставшиеся места. Эта процедура продолжалась до тех пор, пока овчина не становилась мягкой. Процесс этот мастера делили на два момента: первый — оттяжка — *птира*. Все эти процессы нашли отражение в устном народном творчестве абазин. Так, в детской скороговорке мы встречаемся со следующими терминами шорно-скорняжно-го ремесла: *рчIвара* — «квасить», *цхIвара* — «оттяжка».

— Ауыла, ауыла сквIу найма?

— ЙгIайдзатI! (...)

— ЙгIауыртIа?

— БыжьсарчвакI

- ЙызуырчІвыда?
- АрчІвГІвы
- ЙызцІуырхІвхІвада?
- АцІхІвхІвагІвы⁹⁷.

После завершения мятья овчины начиналось её отбеливание. В качестве инструмента при этом употребляли обломок косы. Для придания белизны пользовались пшеничной или кукурузной мукой или мелом, употребляли и алебастр⁹⁸.

Перед началом работы женщина клала готовую овчину на какое-нибудь удобное возвышенное место, обсыпала обрабатываемый кусок шкуры мелом/мукой, брала за концы обломок косы и начинала скоблить. Скобление продолжалось до тех пор, пока, по ее мнению, овчина не была достаточно отбелена. Окончив отбеливать один участок, женщина начинала обрабатывать другой участок шкурки. Следует заметить, что при этом процессе обработки шкуры не только достигалось отбеливание овчины, но и счищались также отдельные шероховатости. Чем белее и мягче становилась овчина, тем она дороже ценилась. В течение дня женщина могла обработать до трех шкурок среднего размера. Когда овчина отделана косой, отбелена мелом/мукой, она уже совершенно готова. Необходимо только выбить остатки мела и расчесать шерсть железным гребнем — *yanIapanIaga*.

На этом процессе обработка овчин завершалась. Выбеленные овчины немного подсушивались, и если из них сразу же не шили одежду (шубу, шапку или зимние штаны), их свертывали в рулон и хранили в прохладном сухом месте.

По желанию и надобности овчины окрашивали в черный цвет. Одним из наиболее распространенных красителей, как было сказано выше, являлась марена. Мелко нарезанные листья марены кипятили в воде. Полученный отвар назывался дубом. Овчины выходили красновато-коричневого цвета с разными оттенками в зависимости от концентрации дубильного раствора. В охлажденный раствор опускали овчину на одни сутки. Вынутая из раствора овчина без промывки просушивалась, а затем ее мяли, как и прежде, только инструменты следовало взять гораздо тупее, иначе можно было попортить овчину, на которой уже не было никаких остатков жира.

При окраске овчин в черный цвет употребляли тот же раствор, только добавляли медный купорос.

Описанный нами способ выделки овчин абазинами является в основных своих чертах общим для всех других народов Северного Кавказа. Кроме того,

---

⁹⁷ ЦаракІвыжв сакІвпІ / сост. В. Б. Тутов. Черкесск, 1987. С. 30. (На абаз. яз.)

⁹⁸ Маргграф О. В. Указ. соч. С. 152; Фомина А. Указ. соч. С. 75.

некоторые технические процессы обработки шкур находят значительную аналогию с приемами, известными русскому населению.

Из выделанных овчин шили главным образом зимние шубы — *хъамы*, носимые шерстью внутрь, зимние мужские штаны с коротко подстриженной шерстью — *уасчва айква*, мужские головные уборы — *уасчва хъылпа*.

О широком применении кожи и овчин для изготовления одежды и обуви дают представление археологические материалы. В. П. Левашова сообщала, что «в одном из женских погребений у Белореченской обнаружены остатки шубы из меха козьей шкуры»⁹⁹. И далее автор сообщает: «Находимые в могилах шаровары скроены из двух половинок. Шили их из кожи... Носили их на очкурке и заправляли в ноговицы»¹⁰⁰. Надо отметить, что такая одежда в повседневной носке встречалась у людей старшего поколения.

Абазины выделывали овечьи и козьи шкурки, служившие им в качестве подстилок: из козьих шкур изготавливались также молитвенные коврики — *на-мазлыкъ*. Процесс обработки овечьих и козьих шкур в данном случае в основном совпадал с производством выделки овчин для одежды. Разница состояла в том, что шкурки для подстилок и молитвенных ковриков размягчались менее и не окрашивались.

Из козьих шкур в дореволюционный период изготавливали также посуду. Наряду с деревянной посудой кожаная посуда в хозяйстве абазин имела большое значение: она была легка, удобна, не билась, не ломалась. «Из козьих шкур шьют бурдюки (*гъьаша*. — Л. К.) для воды и жидких молочных продуктов: молока, айрана; мешки (*хIаты*. — Л. К.) для зерна¹⁰¹», — писала А. Фомина. «Бурдюки делаются из цельной кожи козлят — писали другие авторы, — причем снимают кожу, не разрезав ее. Переднюю часть на месте щек оставляют открытой; в отверстия от задней ноги вставляют деревянный кран»¹⁰². «Из козьей шкуры, — отмечала А. Фомина, — делают решета, натягивая ее на деревянную рамку и прожигая частые мелкие дырки раскаленным шашлычным шомполом; ремешки для сшивания обуви и мешков»¹⁰³. Козьи шкуры ценились также кузнецами и серебряных дел мастерами за их прочность. Из них мастера изготавливали меха — *гърычвхIва* — для раздувания пламени в кузнечных горнах.

В заключение хотелось бы сказать, что вышеописанные процессы обработки кожи позволяют сделать следующие выводы. Техника обработки кожи

99 Цит. по: Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура // Советская этнография. 1957. № 4. С. 14.

100 Там же. С. 15.

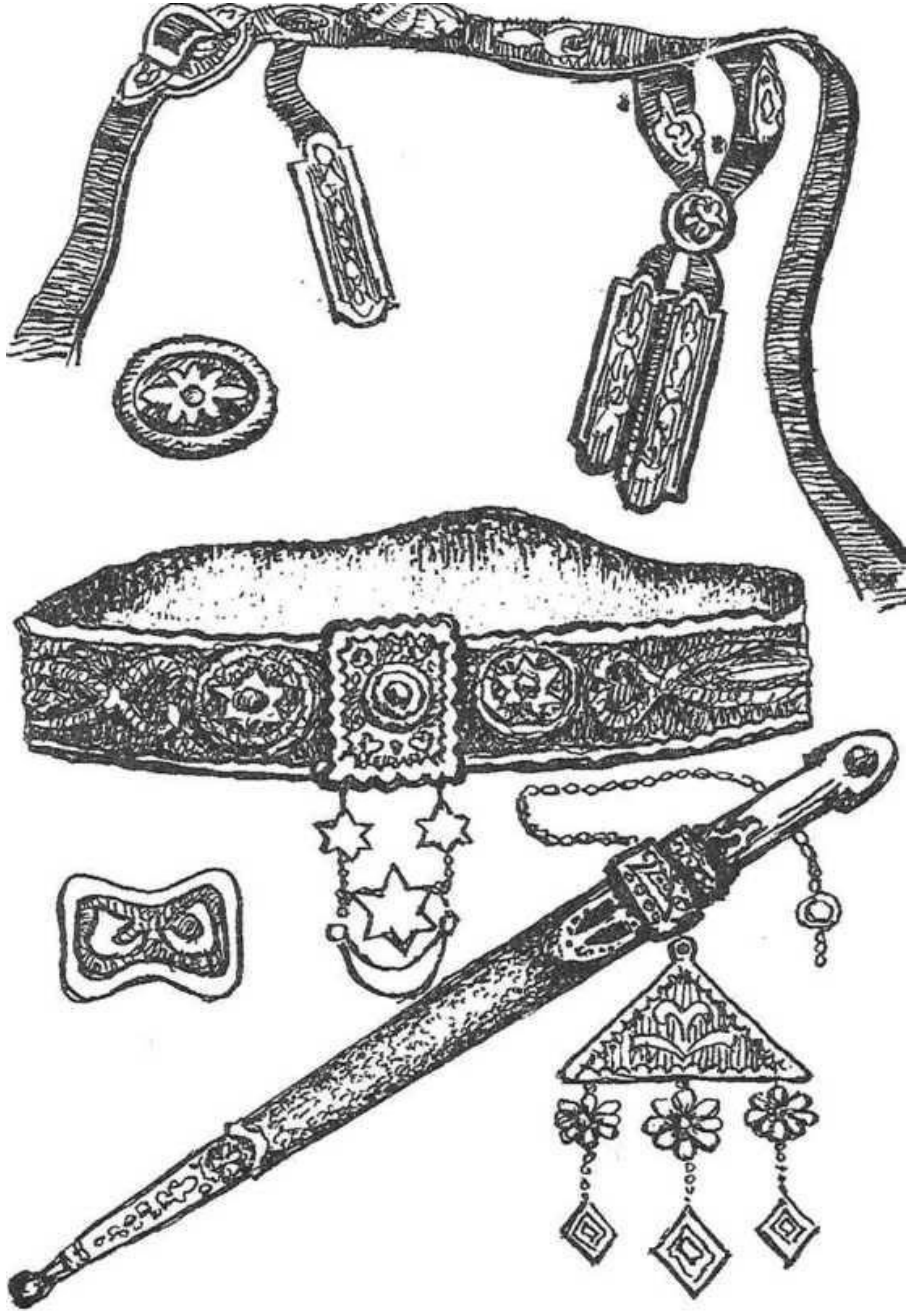
101 Фомина А. Указ. соч. С. 75.

102 Маргграф М. О. Указ. соч. С. 153; Хижняков Б. Е. Указ. соч. С. 160; Кавказов А. Указ. соч. С. 28.

103 Фомина А. Указ. соч. С. 75.

Научное наследие Л. З. Кунижевой

и овчины у абазин почти не отличалась от техники обработки последних у других народов Северного Кавказа. В конце XIX — начале XX в. обработка кожи и овчины наряду с другими видами домашних промыслов переживала упадок под влиянием проникновения в быт предметов промышленной продукции из России.

Образцы ювелирных изделий

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ДЕЛО

1. Производство арб

Территория расселения абазин была богата лесными угодьями. Абазины, за исключением населения, проживающего в сравнительно небольшой равнинной зоне, не испытывали недостатка в лесном материале. Изобилие леса обуславливало дешевизну и доступность лесоматериала. Физические свойства делали его обработку легкой в техническом отношении, без дорогих механических приспособлений. Низкая степень народного благосостояния обеспечивала изделиям из дерева широкое распространение и сбыт, так как она способствовала использованию древесины в тех случаях, когда экономически более развитые народы в аналогичных случаях обращались к изделиям из металла. Поэтому становится понятным разнообразие изделий, которым отличалась деревообработка, большое число занятых в ней рабочих рук и большое количество ее продуктов. Трудно указать местность, в которой не существовала бы эта отрасль.

Деревообделочное производство относилось к исконным ремеслам абазин, и так как спрос на изделия из дерева был велик, то упомянутое производство получило широкое распространение, среди других ремесел занимая далеко не последнее место. Как показывает литература, по числу занятых рабочих рук обработке дерева (этому производству) принадлежало первое место после шерстеобработки. Изготовлением изделий из дерева занималось исключительно мужское население.

Среди абазин было немало мастеров по дереву, изготовлявших арбы, сельскохозяйственный инвентарь, арчаки для седел, посуду и т. д.

Обратимся к описанию каждого из этих производств¹⁰⁴.

Арбяное производство принадлежало к важным и насущным для горского населения ремеслам. Арба — единственный тип повозки, выработанный испокон веков местным населением. Вот как характеризуют литературные источники горскую арбу: «Горцы делают арбу; каждая из них состоит из ящика, поставленного на два колеса; запрягаются они без дуги, причем не употребляется ни шлеи, ни хорошие гужи; первую заменяет подхвостник из шерстяной веревки, а второе — небольшие сыромятные ремни»¹⁰⁵. В. Марков писал: «...то и дело попадает арба на своих высоких колесах, иногда достигающих геометрической вышины. Простота и бесхитрость этого экипажа

104 *Хижняков Б. Е.* Описание кустарных промыслов наобластей Северо-Кавказского края // Записки Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1929. Т. 2. С. 133.

105 Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России. СПб., 1883. Вып. 9. С. 201.

доходит до гениальности: в нем только то крайне необходимое, без чего ни один экипаж катиться не будет, или скотина не будет везти. Короче говоря, это две длинные оглобли, приделанные к двум большим колесам, и больше ничего; задние концы оглобель переплетены хворостником, чтобы можно было не провалиться; это, собственно, и есть корпус экипажа»¹⁰⁶.

Арбы изготовлялись в значительном количестве. Работа проводилась на открытом воздухе под навесом в течение круглого года.

Инструментами, при помощи которых производилась работа, являлись:

топор — *кьвагъа* — для первоначальной отделки материала начерно;

топор — *гврыхлау* — род топора особой формы с длинной ручкой для обтесывания и рубки леса;

долото — *кьыга* — для выдалбливания отверстий в ступицах, ободе, оси;

деревянный молот для насаживания обода на спицы.

Материалом для изготовления арбы служили: дуб — *джьчлвы*, береза — *цлхл*, карагач — *тичлвы*, чинара — *швчлвы*, ясень — *жачлвы*, клен — *чамхла*, груша — *бнахла*. Необходимый материал заготавливали поздней осенью, когда в растениях прекращалось интенсивное сокодвижение. По утверждению информантов, материал, заготовленный в другое время года, гнивал. Запасались материалом на весь сезон работы, приблизительно в размере двух-трех возов на семью. Сразу же после рубки леса мастер из сырого материала выделывал все части арбы начерно. В остальное время года он только тщательно обстругивал, собирал и сколачивал арбу при помощи деревянных гвоздей, совершенно не применяя железа. «Местные тележники делают всю повозку из одного дерева, не употребляя ни одного гвоздя», — сообщалось в «Трудах Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России»¹⁰⁷.

«Такая арба не только не имеет шин на колесах, но в ней нельзя найти ни одной железной скобки или гайки, ни одного гвоздя», — писал другой автор¹⁰⁸. Е. Вейденбаум так описывал горскую арбу: «...все части, за редким исключением, делаются из дерева, начиная с осей и кончая чеками для удерживания колес»¹⁰⁹.

Арба собиралась из трех основных частей — колес, платформы и оси. Самым сложным было изготовление колеса, которое, судя по письменным источникам и сообщениям информантов, первоначально имело вид сплошного деревянного круга. Симон Басария писал, что «абазинский уандыр вместо колес со спицами имеет большие сплошные деревянные круги, подобие ста-

106 Марков Е. Очерки Кавказа. СПб.; М., 1887. С. 44–45.

107 Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России. СПб., 1883. Вып. 9. С. 20.

108 Klapproth J. von. Reise in den Kaukasus und nach Geordien. I. Hallen; Berlin, 1812. S. 449.

109 Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. СПб., 1877. Т. 4. № 5. С. 291.

ринных абхазских арб, запряжен большими быками»¹¹⁰. Позже этот тип колес был заменен колесами со спицами.

Работа по изготовлению колес слагалась из приготовления ступиц — *бкъвыл*, спиц — *гвыдза*, полуободьев — *барглынч*, а позже и целого обода и сборки их.

Работа производилась обыкновенно силами одного мастера и мужчин — членов его семьи. Как правило, этим промыслом занимались большесемейные дворы, так как для загибания ободьев требовалось участие по крайней мере трех человек. В производстве колес разделение труда почти не имело места: одни и те же мастера и ступицы сверлили, и спицы делали, и ободья гнули. Впоследствии в конце XIX — XX в. в этом производстве происходит специализация труда: ободья гнули одни мастера, обтачиванием ступиц занимались другие, а позже, когда стали применяться железные ободья и другие железные части арбы, в производство включились и кузнецы.

Производство колес шло в таком порядке: сначала делали болванку, которая служила основой всему колесу, выдалбливали в ней по всей длине кряжа отверстие и забивали туда кол. И здесь нам хочется привести очень интересное сообщение информантов о том, как в дальнейшем шла обработка ступицы, потому что в имеющейся специальной литературе с таким фактом нам не приходилось встречаться. Вслед за тем, как ступица начерно обтесана, ее кипятили в воде с добавлением сажи. В зависимости от размера ступиц в котле одновременно кипятили от двух до четырех ступиц. Кипячение продолжалось в течение полудня. Вынутые из кипятка ступицы около полумесяца сушились естественным способом в прохладном и сухом месте. Затем ступицы отделявали более тщательно, с помощью долота продалбливали в ней до 11–12 дыр для спиц, придавая отверстиям заметную конусность. Спицы, заранее обтесанные и приготовленные, последовательно всаживали в эти отверстия легкими ударами деревянного молота и надевали на них полуободья, в которых было проделано столько же отверстий, сколько в ступице.

Для выделки обода брали сырые, только что срубленные жерди. Несколько таких жердей с вечера подвергали так называемой «парке». На земле на определенном расстоянии друг от друга раскладывали жерди и засыпали их сырой землей, а сверху набрасывали сырые дрова, навоз и все это поджигали. В течение всей ночи мастер наблюдал за тем, чтобы дрова тлели равномерно по всей поверхности «парки». Топка начиналась вечером и продолжалась до утра. От жара и пара, от сырой земли жерди за ночь так разбухали, что их легко можно было согнуть даже в кольцо. На следующее утро жерди по одной вытаскивали из горячей «бани» и загибали на специальном станке. Станок для загибания обода состоял из следующих предметов: большой дубовый

¹¹⁰ *Басария С.* Абазинский аул в Малокарачаевском округе. Сухум, 1929. С. 6.

пень, прочно вмонтированный в землю. В диаметре этот пень имел около 1 м 30 см. В выступающей над землей части станка имелась зарубка, в нее забивали один конец обода во время сгибания, несколько клиньев для укрепления конца обода в зарубке, прижим для направления обода, водило с колесом на противоположном конце.

Работа по гнучью обода была тяжелой, утомительной и связана с большой опасностью, поэтому ее производили, соблюдая крайнюю осторожность, чтобы обод во время сгибания не сорвался, в противном случае мастера, находящегося у станка, ожидала верная гибель. Гнули осторожно, следя за равномерным сгибанием. По окончании загиба обода концы его скреплялись с помощью клиньев, и обод был готов. В таком виде он несколько месяцев хранился, затем его надевали на спицы. Обод разводили несколько больше требуемой округлости кольца, надевали на 2–3 спицы и плавными ударами деревянного молота насаживали на спицы. В месте загонки обод схватывали веревкой и подтягивали к палке, которая была вставлена в отверстие ступицы. По мере дальнейшей насадки обода веревку натягивали сильнее. Концы обода в готовом колесе соединяли — каждый конец обода срезали и, прижав их друг к другу, скрепляли деревянными гвоздями.

Когда в конце XIX — начале XX в. в связи с проникновением в экономику народов Северного Кавказа капиталистических отношений и ростом связей с рынком абазины стали делать наряду с арбами в большом количестве четырехколесные русские телеги, техника производства у них почти не изменилась. К этому же периоду относится появление железных ободов и железной оси, которые постепенно вытесняли полностью деревянные части.

Такова в основном работа по изготовлению колес, работа, как отмечалось выше, наиболее сложная и трудоемкая. Дальнейший процесс состоял в приготовлении остальных частей арбы: ярма, кузова и т. д.

Материалом для ярма служили такие хорошие породы деревьев, как груша, клен, береза. По своему устройству кузов арбы был довольно прост. Дно кузова представляло собой плетеную платформу прямоугольной формы. Боковые стенки арбы были устроены следующим образом: в оглобли вбивали от 4 до 6 деревянных стоек, на которые горизонтально насаживали планки, тем самым соединяя их. Между стойками протягивали хворост, иногда вместо хвороста к стойкам прибивали доски. Развилка, которой заканчивалась задняя стенка дышла, называлась *гвышв*. Наряду с кузовом она также служила для перевозки грузов.

Вся арба изготовлялась мастером в течение 10–14 дней (из предварительно подготовленных запчастей). Делали арбы преимущественно в теплое время года, так как громоздкие предварительные работы по заготовке составных частей требовали большого свободного пространства. Помимо этого, в течение года готовились наиболее мелкие детали.

Несмотря на простоту устройства, горская арба при постоянном употреблении служила довольно долго: ступица, например, — 2–3 года, обод — 1–2 года, спицы — гораздо дольше, кузов же мог служить десятилетия.

Принадлежа к двухколесному виду повозок, горская арба обладала всеми преимуществами, которые были свойственны этому типу повозок: поворотливостью, удобоприменностью к всевозможным дорогам, значительной легкостью на ходу, обусловленной большим диаметром колеса, — отмечалось в исследованиях¹¹¹. «Арба легко разбиралась на части для ремонта и замены частей, приспособлялась к разного рода грузам. Нормальной нагрузкой для таких арб считалось 30 пудов груза, но очень часто бывало перевозили и до 50–55 пудов»¹¹².

2. Производство орудий труда

«Земледелие было не менее древним занятием горцев, чем скотоводство», — писал Л. И. Лавров¹¹³. О земледелии как одной из отраслей хозяйства абазин свидетельствуют многочисленные письменные источники. Так, Клапрот писал, что «они (абазины. — Л. К.) выделывают овощи, просо, тыкву...»¹¹⁴ С. Броневский отмечал, что «в нижних частях Урупа они (абазины. — Л. К.) имеют пахотные земли»¹¹⁵. Другой автор сообщал: «Майор Конивальский двинулся к реке Теберде на поля абазин, чтобы препятствовать им в уборке хлебов... Отряд прибыл к месту, где засеяно было просо»¹¹⁶. В Актах Кавказской археографической комиссии имеется следующее сообщение: «Земля, ими (абазинами. — Л. К.) занимаемая, производит знатное количество хлеба, который они продают в городах»¹¹⁷. И далее: «Закубанцы всегда и теперь пользуются от наших абазинцев хлебом»¹¹⁸. С. В. Ваганов отмечал, что «на определенных местах и теперь еще родит дикая рожь, свидетельствующая, что тут, быть может, не так давно было обитаемое жилище»¹¹⁹. «Абазины за-

111 Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России. СПб., 1883. Вып. 9. С. 201; Хижняков Б. Е. Указ. соч. С. 134.

112 Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С. 19.

113 Там же; Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XIX в. // Материалы по истории земледелия СССР: сб. М., 1952. С. 180.

114 Klapproth J. von. Op. cit. S. 325.

115 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 338.

116 Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. 15. С. 405.

117 Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 924.

118 Там же.

119 Ваганов С. В. Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем // Известия Общества любителей истории Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 44.

нимаются земледелием»¹²⁰, — писал Сталь. О занятии абазин земледелием имеются сведения еще у многих других авторов¹²¹.

В качестве сельскохозяйственного орудия применялся тяжелый деревянный плуг — *кватан* с железным лемехом. Наиболее раннее и, пожалуй, единственное описание абазинского плуга мы встречаем у И. Л. Серебрякова в 1867 г. Так, у него сказано, что, «подъезжая к одному из абазинских аулов, мы увидели плуг, употребляемый абазинами, он совершенно схож с имеретинскою сохою (ковш) как по форме, так и по размерам отдельных частей, с тем исключением, что абазины прибавляли к нему железный нож, пропущенный через гридель (дышло)... разрыхлял не глубже 1–1/2 вершка легкую черноземную почву»¹²².

Происхождение слова *кватан* не поддается объяснению. На языках многих народов Кавказа плуг имеет почти одинаковое название: по-абазински — *кватан*, по-осетински — *гутон*, по-грузински — *гутами*. «Схожесть названия этого орудия у многих народностей говорит о древности происхождения и мировой географической распространенности его как орудия сельскохозяйственной обработки земли», — писал А. Н. Генко¹²³.

По своему устройству плуг был в основном одинаковым у всех народов Северного Кавказа и отличался лишь деталями и названиями отдельных частей. Материалом для изготовления сельскохозяйственных орудий служило дерево. Очень давним занятием абазин, связанным в большинстве случаев с обеспечением домашних нужд, являлась выделка плугов. Пахотные орудия изготовлял каждый хозяин. Производство пахотных орудий принадлежало к числу типичных домашних промыслов, то есть таких, в которых производство велось с помощью членов своей семьи. Участие в производстве наемных рабочих являлось скорее исключением, чем правилом. Промыслом занимались взрослые мужчины, им помогали подростки, начиная с 13–14 лет. «Дома, хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия, арбы — все делается самими»¹²⁴, — писал М. Чистяков. Каждый крестьянин выделял для собственной надобности плуг, борону, что не представляло особых затруднений благодаря простоте их устройства. Требования к ним как к пахотным орудиям были крайне низкие, отчего в очень незначительной степени упрощались и сами приемы выделки. «Эти горцы вообще мало распахивали земли, — говорилось

120 Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 78.

121 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1720 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 2. С. 201; Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 402.

122 Серебряков И. Л. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Записки Кавказского отделения сельского хозяйства. 1867. № 1–2. С. 5.

123 Генко А. Н. О названиях плуга в северокавказских языках // Доклады АН СССР. 1930. № 7. С. 133–134.

124 Чистяков М. Из поездок по России. СПб., 1868. С. 266–267.

в “Отчете Комиссии по исследованию земель по северо-восточному берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью”, — и самые орудия, служащие им для поднятия почвы, были очень низких качеств и на устройство их шло лишь самое необходимое количество железа»¹²⁵. По своей конструкции эти пахотные орудия были весьма несовершенными, и поэтому плохое их исполнение при наличии обычных инструментов крестьянина не имело сколько-нибудь заметного значения. Долгое время деревянный плуг был типичным и имеющим повсеместное распространение пахотным орудием.

При сравнении пахотных орудий абазин с таковыми абхазскими¹²⁶, кабардинскими¹²⁷, адыгейскими¹²⁸ и др. бросается в глаза большая аналогия их конструкций. Это объясняется тем, что сходные хозяйственно-культурные условия жизни у этих народов на определенных этапах их исторического развития способствовали возникновению значительных черт сходства в технике земледелия, особенно появлению однотипных технических средств. Однако в течение веков в земледельческой технике каждого народа складывались свои локальные своеобразные варианты, которые могут быть рассмотрены как проявление этнической традиции и этнической специфики в данной отрасли материальной культуры.

Материалом для производства плугов служили твердые породы деревьев. Работа сводилась в главных чертах к изготовлению деревянных частей орудия и его сборке. Железные части обыкновенно заказывались местному кузнецу.

Работа производилась во дворе под каким-нибудь навесом; каких-либо особых мастерских не было.

Абазинский плуг представлял собой орудие, имеющее необходимые части для обработки земли, а именно: резец, сошник, полоз, стойку, гредиль и рукоятки.

Резец — *кыжгал* — главным назначением было отрезать от почвы пласт земли; служил путеводителем всего орудия и придавал ему более правильное движение, не позволяя уклоняться в ту или другую сторону. Делали резец из железа: он имел клинообразную форму и состоял из двух частей: лезвия и рукоятки, первая из которых служила, собственно, для отрезания пласта, а вторая — для укрепления резца в дышле.

---

125 Записки Кавказского общества сельского хозяйства. 1867. № 5–6. С. 133.

126 *Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958. С. 32–36; *Аджинджал И. А.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 326–339; *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 226–234 и др.

127 *Мамбетов Г. Х.* Крестьянские промыслы Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Нальчик, 1962. С. 34–35.

128 *Алибердов Т. Д.* Адыгейские земледельческие орудия XIX–XX вв. // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп, 1965. Т. 4. С. 108–123.

Сошник или лемех — *къаба* — служил для отрезания почвы, горизонтального пласта и толщи, приподнимая его несколько с левой стороны. Делали сошник из железа и укрепляли его в передней части полоза.

Отвал — *пыза* — принимал с сошника отрезанный пласт, переворачивал его нижней стороной вверх и клал в прежде проведенную борозду. Отвал укрепляли с правой стороны передним краем к стойке, а задней — к правой рукоятке.

Полоз — *гвышв* — соединял сошник с частями, приводившими в движение все орудие; кроме того, он служил основанием плуга, сообщал ему правильный ход и во время работы шел по дну борозды в горизонтальном положении. Изготавливали полоз из крепкой породы дерева, например дуба, карагача.

Стойка — небольшой дубовый брусок, служил соединением с серединой полоза и гредилея, давая тем самым более твердое положение, а также служил местом прикрепления переднего края отвала. Стойку считали соединительной частью всего плуга, нижним концом стойка укреплялась в отверстии, сделанном для нее в левой развилине полоза так, чтобы могла стоять неподвижно и вынести довольно сильное давление. Верхний конец стойки вставляли в отверстие, сделанное в гредиле, и закрепляли здесь клиньями.

Гредиль, или дышло, передавал движение всему плужному корпусу. В дышло впрягали до четырех пар волов.

Рукоятки — *кIватаницхъва* — служили, собственно, для управления плугом со стороны пахаря. Рукояток было две. Обе они составляли с полозом единое целое.

Соха являлась древним видом земледельческого орудия. Для изготовления сохи вырубали дерево с изогнутым концом, заостряли его клином, на который насаживали железный лемех. «Повсюду, от Адыгеи до Аварии, — писал А. В. Фадеев, — горцы пахали сохой, которая представляла изогнутый крюком сук. На конце этого сука иногда закреплялся железный сошник. Такая соха способна была выворачивать землю чуть не на вершок»¹²⁹. Соха имела свои достоинства и недостатки. К первым относилась крайняя простота ее устройства. Все деревянные приспособления сохи крестьянин обыкновенно делал сам, а немногие железные принадлежности легко выделывал любой местный кузнец. В случае поломки починить соху мог каждый крестьянин, в крайнем случае тот же кузнец. Легкость сохи — другое ее достоинство. Сохой можно было пользоваться на самых различных почвах, а на каменистых и лесных почвах она бывала просто незаменимым орудием. Одним из недостатков сохи была непрочность ее деревянного станка. Кроме того, соха плохо справлялась с крепкими корнями некоторых сорных трав и не годилась для глубокой вспашки.

---

¹²⁹ Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 289.

Для приведения поля в состояние готовности под посев и для заделывания посевных семян его бороновали. О применении бороны абазинами И. Л. Серебряков сообщал следующее: «Неизвестно, чем горцы заделывали посеянные семена, так как между найденными по уходу горцев орудиями нет ни одного такого, которое могло бы употребляться для упомянутой цели... По всей вероятности, они также употребляли хворостинку, как и закавказские хозяева. Рассказывают, что в некоторых местах горцы даже не заделывали вовсе посеянных семян, а только прикрывали хворостом для защиты от птиц»¹³⁰. В другой работе говорится, что «железной бороны они вовсе не знали. Что касается до других простых и мелких сельскохозяйственных орудий, то устройство их было очень простое, а само употребление их очень ограничено вследствие недостатка и дороговизны железа»¹³¹.

«Вместо бороны употребляли особую плетенку из острых веток — *хъИхИвага*, — писал Л. И. Лавров, — которая не столько боронила, сколько подметала»¹³². Плетенку делали четырехугольной формы из хвороста твердой породы (обычно березы или рододендрона). На эту плетенку нагружали крупные комья земли или камни для придания ей наибольшей тяжести и разрыхляли верхний крупнокомковый слой. К плетенке обычно приделывалась длинная жердь, которая другим свободным концом крепилась к плугу. Таким образом, происходили одновременно вспашка и боронование. В другом случае конец жерди прикрепляли к ярму, в который впрягали пару быков; управлял быками обычно подросток, сидя на той же плетенке. Такими плетенками-боронами крестьяне пользовались вплоть до 30-х годов XX в. «Еще не редкость увидеть здесь пук хворостинки, употреблявшейся вместо бороны»¹³³, — сообщалось в «Статистическом сборнике КЧАО». Но наряду с такими боронами уже с середины XIX в. абазины стали применять бороны — *жвжвага*, представлявшие собой прямоугольный четырехугольник, составленный из двух длинных боковых деревянных брусков, которые, в свою очередь, были соединены короткими брусками. В эти бруски через определенное расстояние вставляли деревянные колышки-зубья. Боронование производилось так же, как и при помощи плетенки. Позднее деревянные зубья заменены железными клинья-ми, как и все составные части бороны.

Уборку хлеба производили орудиями, одинаковыми у всех народов Северного Кавказа. Более древним из них являлся серп — *хирып* — изогнутый кусок железа, имевший зазубренный внутренний край, с приделанной короткой деревянной ручкой. Косили при помощи косы — *тибыг*. По рассказам ста-

130 Серебряков И. Л. Указ. соч. С. 11.

131 Отчет Комиссии по исследованию земель на северо-западном берегу Черного моря между р. Туапсе и Белой // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. С. 133.

132 Лавров Л. И. Абазины. С. 19.

133 Статистический сборник КЧАО на 1922–1923 гг. С. 2.

риков-информантов, к короткой рукоятке косы иногда привязывали деревянное приспособление наподобие грабель с четырьмя-пятью длинными зубцами. Это приспособление давало возможность складывать скошенную траву в одну сторону, тем самым значительно облегчая ее последующую уборку. Для уборки хлебов и сена пользовались также деревянными граблями — *тарнау* и вилами — *хъвынчы*. Грабли представляли собой длинную деревянную палку, к концу которой была прибитая другая короткая планка. В этой планке просверливали несколько отверстий (до 7–9 штук), в которые вставляли деревянные зубья.

Молотью производили ручную на специально подготовленной для этой цели, тщательно утрамбованной площадке — «маше». Известно несколько способов обмолота зерна: первый — с помощью животных; второй — цепами; третий — с помощью молотильной доски.

Молотильная доска — это прямоугольной формы деревянная доска, на одной стороне которой были вставлены в шахматном порядке деревянные зубья. Часто вместо деревянных зубьев встречались вставки из острых кусков кремневого камня.

Обмолоченное зерно очищали веянием на ветру. Для этой цели использовали специальную деревянную лопату — *чвыргъвы*.

Обмолоченное зерно хранили в больших деревянных ящиках, а кукурузу — в больших клетях из орешника — *ца*.

Все вышеперечисленные орудия труда (плуги, бороны, серпы, грабли, вилы и т. д.), а также ящики и клетки для хранения зерна делали сами хозяева и только железные части заказывались местному кузнецу или покупались на ярмарках.

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в. оказало большое влияние на все стороны жизни горцев, в том числе на технику ведения сельского хозяйства.

Обширные пространства Северного Кавказа, имевшие сравнительно благоприятные условия и использовавшиеся еще слабо, стали интенсивно заселяться и превращаться в крупные центры интенсивного земледелия. Это стало способствовать широкому внедрению в сельскохозяйственное производство машинной техники. В сельском хозяйстве стали применяться железные плуги, сеялки, молотилки и другие орудия. Но, несмотря на прогрессивное влияние, выразившееся в распространении новой, более современной техники, освоении ранее пустовавших земель, применение передовых по тому времени способов ведения работ, сельское хозяйство долгое время продолжало оставаться отсталым.

Предметы домашней утвари

3. Производство предметов домашней утвари, мебели

Производство деревянной посуды — чашек, ушатов, ведер, ложек, корыт и т. д. — имело у абазин в хозяйстве значительное распространение. Посудный промысел принадлежал к числу тех, который обслуживался исключительно силами семьи. Работу производили преимущественно взрослые члены семьи — мужчины, отчасти помогали подростки. Преобладание в работе взрослых мужчин, как объясняют информанты, было связано с тем, что хотя производ-

ство деревянной посуды само по себе нехитрое дело, однако требовало известного физического напряжения. Участие в нем подростков выражалось в том, что они кое в чем помогали взрослым, чистили, например, поверхность чашек, затирали шероховатость и понемногу приглядывались к производству.

Рабочий сезон у местных мастеров деревообделочников в большинстве случаев начинался в ноябре, по окончании уборки хлебов, и продолжался до конца апреля.

Материал, необходимый для производства деревянной посуды, — это лес. Хозяева запасались им поздней осенью. Заготовленный материал выдерживали в сухом месте на сквозняке, давая тем самым дереву естественно просохнуть. Величина запасаемого материала зависела от разных условий: от числа рабочих рук, количества и ассортимента изделий.

Когда заготовленный лесоматериал, по мнению мастера, достаточно просох, его первым делом распиливали на поперечные кряжи, из которых каждый должен был иметь высоту предполагаемого изделия.

Инструменты для производства были просты, как и сам процесс. Это топор, пила, долото, ножи разных размеров.

Лучшим материалом для изготовления посуды считался наплыв из крепких пород деревьев: карагача, березы, дуба, дикой груши, вишни. Посуда из наплыва не раскалывалась и служила долго. Сначала начерно вытесывали болванку нужной величины и придавали ей необходимую форму. Затем долотом осторожно выдалбливали углубление. При помощи специально изогнутых ножей сглаживали внутреннюю и внешнюю стороны посуды. Для окончательного сглаживания пользовались шерстяной тряпкой, крепко пропитанной песком (своего рода наждачная бумага). Готовое изделие помещали в кипящий щелок — раствор воды и золы. Продолжительность кипячения зависела от величины посуды, породы дерева; обычно она длилась от 5–6 часов до 8. Посуду кипятили, во-первых, для выпарки; во-вторых, для антисептики; если в древесине находились какие-нибудь личинки дровосека, они погибали в высокой температуре; в-третьих, в растворе щелока посуда приобретала неповторимый оттенок. Вынув посуду из кипятка, ее оставляли просохнуть естественным способом в течение суток. Затем мастер брал тот или иной предмет, поднимал руку вверх и плавно разжимал пальцы. Посуда падала на землю с высоты, поднятой вверх руки. Если она оставалась при этом целой, то считалась пригодной для дальнейшей обработки. Если же она давала трещину, естественно, ее выбраковывали. Дальнейший процесс обработки посуды заключался в следующем: посуду просто смазывали животным жиром и давали возможность впитаться полностью, остатки жира снимали сухой тряпкой и давали ей окончательно просохнуть. Просушку деревянной посуды производили естественным способом, избегая огня, прямых солнечных лучей.

Внешняя сторона чашек искусно украшалась резьбой в форме ромбов, прямоугольников, зигзагов и т. д. Чашки готовились с ручками (одним или двумя) и без ручек. Следует заметить, что, украшая свои изделия орнаментом, абазинские мастера избегали нагромождений различных форм орнамента, ограничиваясь одной или двумя фигурами. Чаще всего рисунок имел геометрический характер. Но все это выполнялось с большим мастерством и художественным вкусом. Все эти предметы «поражают изяществом и вместе с тем необычайной прочностью работы. Все эти работы свидетельствуют о более или менее природных способностях жителей гор ко всем ремеслам»¹³⁴, — отмечалось в печати первой половины XX в.

Отличительный характер местного кустарного производства заключался «в несложности орудий, употребляемых в работе. Исполнение весьма тонких узоров и вычуров зависит здесь единственно от индивидуальных качеств работника, его навыка, твердости руки и глазомера. Эти качества кавказского горца в связи с находчивостью его при пользовании разнообразным материалом производства дают ему перевес перед крестьянскими изделиями в России, и менее прочными, и менее изящными»¹³⁵. В печати отмечалось, что «многие мастера изготовляли чаши и другую разную посуду и для продажи, за которую брали столько пшеницы, сколько последняя вмещает в себя, а кукурузы или проса — в два раза больше»¹³⁶.

В домашнем быту абазин большое распространение имели деревянные ложки различных размеров и назначений: глубокие ложки — *къашыкъ*, которыми пили калмыцкий чай, различные бульоны; столовые ложки — *мхлачъва*; половники — *кълнлугъва*; лопаточки для размешивания теста и мамалыги — *блахъ*. Все эти предметы кухонной принадлежности изготовляли из одного куска дерева при помощи тех же инструментов. С большим мастерством мастера изготавливали также различные ступы с пестом — *джъклахыга* — для толчения соли с чесноком и ступы большого размера — *члахъвара* — для толчения кукурузы, ячменя, пестик которых приводился в движение ногами при помощи деревянного рычага. Предметом изготовления местных мастеров-деревоотделочников являлась и просорушка — *хърыгъва*. Состояла она из двух толстых деревянных жерновов круглой формы — верхней и нижней. Для сбивания масла вручную мастера изготовляли маслобойки — *квба*. Маслобойка имела форму цилиндра высотой около 1 м. Собирался этот цилиндр из двух половин бревна. Сначала бревно распиливали пополам по длине и вычищали всю сердцевину. Ножом аккуратно сглаживали стенки. «Часто внутрен-

134 Кубанский край. 1910. № 224.

135 Кубанские войсковые ведомости. 1890. № 10.

136 Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России. СПб., 1883. Вып. 9. С. 204.

ние стенки выжигали каленым железом»¹³⁷. Затем соединяли обе половины и туго стягивали сыромятной веревкой в нескольких местах. Один конец цилиндра (дно) закрывался наглухо, а второй (верх, крышка) свободно открывался и закрывался. В крышке имелось небольшое круглое отверстие, из которого торчала ручка поршня. К противоположному концу прибавляли круглую доску с несколькими отверстиями. Взяв за свободный конец палки (ручки), производили движение по принципу работы поршня, в результате которого находившиеся в цилиндре сливки сбивались в сливочное масло.

Надо сказать, что среди мастеров не существовало ярко выраженной специализации на каком-нибудь одном виде деревообделочного производства. В подавляющем большинстве мастера занимались изготовлением всех этих предметов домашней утвари. Но среди кустарей встречались такие мастера своего дела, которые были довольно широко известны и изделия которых отличались изяществом и тонкостью выполнения работы. Так, например, «на Кавказской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности в Тифлисе был выставлен деревянный футляр для шорных инструментов, удостоенный похвального листа. Автором данной работы был житель а. Лоовско-Зеленчукского Хатош Озов»¹³⁸.

Еще в конце XIX — начале XX в. у абазин вся мебель была деревянная. Вот как пишет об этом И. Щукин: «Всю обстановку сакли в а. Лоовско-Кубанском составляют деревянный диван, такая же кровать, окруженная с трех сторон необычайно высокими перилами и раскрашенная цветным узором, сундуки, низкий, употребляемый для еды круглый столик на трех ножках — *айшва*»¹³⁹. Вся еда подавалась в деревянных чашках или просто на низком столике.

Развитие связей с русскими, улучшение техники выработки изделия, распространение в производстве машин привело к изменению в положении кустаря, качеств некоторых видов изделий и появлению новых видов последних. В первой половине XX в. в местный орнамент начинают проникать новые элементы, привнесенные новым укладом жизни: таковы пятиконечные звезды, флаги и пр. Местные мастера несколько расширили ассортимент изготавливаемых изделий, так, подражая русским образцам, стали делать деревянные кровати, диваны, получившие широкое распространение во внутреннем устройстве помещений горцев. Стали делать высокие столы: круглые, квадратные, овальные с фигурными резными ножками. Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. обработка дерева достигла у абазин значительного развития. Несмотря на примитивность инструментария и техники производ-

137 Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России. СПб., 1883. Вып. 9. С. 204.

138 Кубанские областные ведомости. 1890. № 13.

139 Щукин И. Из поездок по верхней Кубани // Земледелие. 1914. Кн. 3. С. 30.

ства, мастера умели изготавливать весьма разнообразные и высокохудожественные изделия, удовлетворявшие хозяйственным и бытовым надобностям.

Говоря о деревообделочном производстве, нельзя не упомянуть о такой отрасли производства, как изготовление ткацкого станка и орудий производства по обработке шерсти, кожи. Промысел этот возник довольно давно благодаря целому ряду благоприятствовавших обстоятельств. К числу этих предметов относятся бердо, направила-нитченки, челнок, ремизки, веретено, деревянные остовы гребней-чесалок, деревянные решетки для разрыхления шерсти, болванки для изготовления войлочных шляп, кожемялки и многое другое. Все эти орудия труда были подробно описаны нами в главе I данной работы.

Во второй половине XIX в. некогда процветавший промысел пришел в состояние сильного упадка, главные причины этого явления сводились прежде всего к исчезновению домашнего ткачества. С возникновением крупных ткацких и прядильных фабрик, когда фабричные ткани начали вытеснять из употребления домашние полотна, домашнее ткачество и прядение стали быстро сокращаться и исчезать, вместе с ними резко сократилось производство орудий труда.

У абазин существовало также изготовление музыкальных инструментов. Были хорошо известны и широко распространены в быту деревянный инструмент в виде свирели — *цIаранIына*, струнно-смычковой инструмент наподобие скрипки — *пхъарца*. Эти музыкальные инструменты вышли из употребления. Свидетельство о широком распространении их в быту абазин мы находим в устном народном творчестве¹⁴⁰. До сих пор в употреблении трещотка — *пхарчIакъ*. Все эти музыкальные инструменты по внешнему виду, манере исполнения имели много общего с адыгскими¹⁴¹ и абхазскими¹⁴² инструментами.

4. Седельное производство

Другим промыслом, тесно связанным с деревообработкой, являлось изготовление седел. Выше нами было упомянуто, что производство это слагалось из трех самостоятельных работ: арчакового — поделка деревянной основы седла, шорного — коженно-ременного изделия, металлического — железных и медных поделок для седла и уздечки. В данном разделе мы подробно остановимся на описании изготовления деревянной основы седла — арчака.

Имеющаяся литература по данному вопросу не дает полного представления о процессе изготовления седла. Авторы в большинстве случаев огра-

140 *Табулов Т. З.* Очерк о бытовых особенностях горцев (рукопись) // Карачаево-Черкесский республиканский архив. Ф. Р-28. Д. 5; *Тугов В. Б.* Сказки Абазашты. М., 1965 и др.

141 *Шу Ш. С.* Музыка и танцевальное искусство // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964. С. 132–133.

142 *Хашба И. М.* Из музыкальной культуры абхазов // Современное абхазское село. Тбилиси, 1967. С. 53–83.

ничиваются простым разграничением производства: арчакового, шорного и металлического. Отсутствие литературы лишает возможности проследить за процессом производства, однако со слов информантов мы постараемся в какой-то мере реконструировать его.

Материалом для изготовления арчака служили крепкие породы деревьев, особенно карагач, дуб, кизил. Мастера предпочитали их по многим причинам. Во-первых, за твердость; во-вторых, эти породы лучше поддаются сгонке при помощи кустарного клея, обстоятельство, на наш взгляд, имеющее при данном производстве первостепенное значение; в-третьих, хорошо поддаются обработке; в-четвертых, менее, чем другие породы деревьев, подвергаются гниению, чем нельзя было пренебрегать, если принять во внимание климатические и бытовые условия; и, наконец, в-пятых, доступность материала.

Дерево на изготовление арчака шло не моложе 7–8-летнего возраста. Мастер заготавливал материал на весь сезон работы. Перед употреблением дерево распиливали на определенные кряжи и естественным образом в течение 5–6 месяцев сушили в сухом прохладном месте. Мастера категорически избегали искусственного тепла, так как это способствовало образованию трещин на изделии. Имея в наличии готовый материал, работу можно было производить в любое время года.

Арчак состоит из четырех частей: две луки — *кИвдырхъа* и две палицы — *чаргъв*.

Заготовленный материал сначала подвергали грубой обработке, придавая ему необходимую форму. Для тщательной же обработки арчака мастера пользовались деревянной моделью, которая имела форму спины лошади. Мастер густо смазывал эту модель сажей, брал обработанную часть арчака, прикладывал к этой модели и туго прижимал. Все неровности на арчаке окрашивались сажей, которые затем мастер легко стесывал при помощи рашпиля. Для окончательного сглаживания мастер пользовался более мелким рашпилем. Когда все части арчака бывали тщательно обработаны, их склеивали вместе. При этом мастера-арчачники пользовались клеем собственного производства. Лучший клей вываривали из сыромятной кожи волов. Сыромятную кожу разрезали на мелкие кусочки и клали в сосуд с водой, где и оставляли до тех пор, пока кожа не впитает всю воду. Этот процесс продолжался сутки. Затем в сосуд наливали снова холодную воду так, чтобы содержимое полностью было покрыто водой, и ставили на медленный огонь. Варка клея продолжалась до тех пор, пока он не превращался в однообразную жидкую массу, не содержащую в себе ни одного слизистого комка. Во время варки клей непрерывно помешивали, так как в противном случае клей делался темнее и, главное, утрачивал часть связующих свойств. Когда клей был сварен в необходимом количестве, его выливали в плоскую посудину и давали остыть, затвердеть.

Такой клей можно было хранить длительное время в сухом прохладном месте. По мере надобности брали осколки клея, подогревали на медленном огне и употребляли в работе.

Склеив все четыре части арчака вместе, ему давали возможность окончательно просохнуть. Сушили обязательно только естественным образом. Затем арчак оклеивали сафьяном, украшали медными или серебряными бляшками, и после этого седло считалось готовым к употреблению.

Мастера-арчачники изготавливали седла как по заказу, так и на продажу. Высоко ценились арчаки, полностью изготовленные из одной породы дерева и оклеенные целым куском сафьяна. Это были седла первого сорта. Изготовленные из двух и более сортов дерева и оклеенные двумя-тремя кусками сафьяна считались более низкого качества.

Всю работу по изготовлению арчака мастер производил сам. Имели место практики ученичества. Чаще же всего мастерство переходило по наследству от отца к сыну.

5. Плотническое и столярное дело

Во второй половине XIX — начале XX в. деревообделочное ремесло в абазинских аулах достигло значительного развития. Это обстоятельство прежде всего проявлялось в росте строительства деревянных жилых и хозяйственных помещений. В этом деле большую помощь оказывали жители соседних станиц.

К работе плотника относились строения из дерева: устройство деревянных основ здания, возведенных из других материалов, и разного рода хозяйственных построек. В целом плотник имел дело с крупномерной древесиной, обработкой больших поверхностей, при которой предмет зачастую не требовал тщательной обработки, необходимой при столярных работах. Вследствие этого инструменты плотника, как правило, имели большие размеры, а набор их был невелик. Данные о художественной обработке дерева у абазин весьма скудны, однако это не доказывает отсутствия деревянной резьбы в декоре дома. Деревянные дома по карнизу и фронтонам, а также окна, двери украшались пропилочной или выпилочной резьбой. Наиболее древние элементы украшений — прямые, кривые, волнообразные и ломаные линии. Особенно нарядной частью фронтонов являлся их верхний узел, создававший декоративный эффект. Коньки фронтонов оформлялись по-разному: одни из них состояли просто из фигурного шпилья, или резной доски с геометрическим мотивом, другие включали в себя фигуры птиц (чаще стилизованного орла, голубя), оленей. Надо отметить, что в целом сочетание всех декоративных элементов фронтона превращает его в ряде случаев в подлинное произведение искусства.

Следует также отметить, что качество и количество резных украшений дома в прошлом зависели от состоятельности его хозяина.

Как известно, каждая семья производила все необходимое для жизни, в том числе постройку жилища и его украшение, но в последующие годы положение резко изменилось. Резьбой стали заниматься специалисты — ремесленники. Вначале, видимо, это были плотники-столяры, а со второй половины XIX — в начале XX в. специализация пошла дальше и резьбой стали заниматься лучшие столяры.

В столярном деле применялись различные породы деревьев: ольха (для изготовления мебели), береза (для изготовления более простой мебели), дуб (для изготовления оконных переплетов, дверей, шкафов), ясень (для дверей), клен (для лучших сортов мелкой мебели), лесная груша шла для подделки под черное дерево при изготовлении очень дорогой мебели.

В сферу столярного дела входило прежде всего изготовление предметов мебели, наиболее многочисленных бытовых предметов. Помимо мебели, к столярным работам относилось изготовление других хозяйственных и бытовых предметов, а также дверей, оконных рам, ряда деталей внутренней отделки помещения.

Мастера-столяры в начальный период своей практики брались лишь за легкую работу, полезную в домашнем хозяйстве: делали разные полочки для посуды, простые скамейки, столики и т. д.

Получив навык обращаться с инструментом и деревом, они брались за более трудную работу: делали шкафы, стулья с резными спинками и ножками, столики различного назначения. В быту широко использовались деревянные сундуки, лари, ящики, в которых хранились одежда, ценности и предметы хозяйственного обихода. Сундуки различались по размерам и декорации. Конструктивно они были довольно однообразными и представляли собой прямоугольный ящик. Но, несмотря на относительно простое устройство, столярная работа отличалась высоким качеством, точностью подгонки частей, отделки широких поверхностей.

Производство мелкогабаритных предметов — шкатулок, ларцов, коробок — по своему характеру близко к столярному делу и, по существу, являлось его ответвлением, имеющим специфические особенности, связанные как с назначением предмета, так и с небольшими размерами.

Изготовление дверей и окон принадлежало к числу наиболее важных столярных работ. Двери бывали одно- и двустворчатые. Первые делались обыкновенно во внутренних помещениях, двустворчатые же двери устраивали в наружных комнатах.

Двери более простого устройства, называемые щитовыми или плотничными, были неудобны, так как давали трещины. Поэтому хорошими дверями считались так называемые филленчатые или столярные.

Часть II. Народные промыслы абазин

Нами было отмечено, что во внутреннем убранстве помещений конца XIX — начала XX в. широкое распространение получили шкафы, столы на высоких ножках. Ножкам столов, кроватей, спинкам кроватей придавали множество различных форм, образующихся путем своеобразного сочетания прямых и кривых линий; очертания их чисты и резки, переходы мягки и определенной формы. Работа при изготовлении подобных предметов велась уже с применением токарного станка.

Рост благосостояния населения позволял уделить больше внимания как внутреннему убранству комнат, так и оформлению всего дома. В настоящее время строятся каменные, кирпичные дома, одно- и двухэтажные дома с красочно оформленными деревянными изделиями. В поисках новых средств для обогащения художественной выразительности мастера обращаются к наследию прошлого, а также включают в круг мотивов и материалы профессионального изобразительного искусства.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Среди отраслей ремесленного производства у абазин значительное место принадлежало производству металлических изделий, снабжавшему натуральное хозяйство необходимыми предметами быта и хозяйственным инвентарем.

Как известно, Кавказ являлся одним из древнейших центров металлургии. Древние мастера Северного Кавказа давно умели ковать, научились плавить медь. Имеются все основания предполагать, что в местах, занимаемых абазинами (верховья рек Кубани, Теберды, Мариинского ущелья, верховья рек Кумы, Лабы), и по соседству с ними находились древние производственные центры металлообработки, пользовавшиеся в основном местным сырьем¹⁴³. Из-за отсутствия прямых источников, подтверждающих, что абазины занимались в древности разработкой металла, приходится довольствоваться косвенными доказательствами. Так, П. Зубов писал, «что в Закубанском крае железо встречается в самородном виде, в виде крупного песка... туземцы плавят его без малейшего труда. Вообще они хотя и нуждаются в железе и меди, но увлекают их только из таких руд, обработка которых не представляет затруднений»¹⁴⁴. В другой работе сообщалось, что «что железная руда распространена в Баталпашинском, Майкопском, Лабинском и Таманском отделах»¹⁴⁵. «На Северном Кавказе и Закавказье известны десятки железорудных месторождений»¹⁴⁶, — писал Б. Е. Деген-Ковалевский. «Многочисленные археологические находки указывают на добычу медной руды или ее плавки в верховьях рек Кубани и Теберды»¹⁴⁷, некогда заселенных абазинами. Можно было бы привести еще целый ряд примеров, но и этого достаточно, чтобы с полным правом сказать, что жители Северного Кавказа были знакомы с искусством добывания и обработки металла, и тем самым отрицать высказывание Е. Вейденбаума, утверждавшего, что «северный склон Кавказа отличается, в противоположность Закавказью, почти полным отсутствием железных руд»¹⁴⁸.

143 *Крупнов Е. Н.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 317.

144 *Зубов П.* Картина Кавказского края. СПб., 1834. Ч. 3. С. 28.

145 *Шансович М. С.* Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья // *Весь Кавказ*. Баку, 1914. С. 23.

146 *Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е.* Из истории древней металлургии Кавказа. М., 1935. С. 24.

147 *Кровацкий А.* Краткие сведения о работе Архызской геологоразведочной партии // *Геология на фронте индустриализации*. Новочеркасск, 1933. № 1; *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.; Л., 1951. Вып. 2. С. 103; *Алексеева Е. П.* Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // *Труды Черкесского научно-исследовательского института*. Черкесск, 1959 и др.

148 *Вейденбаум Е.* Заметки об употреблении камня и металла у кавказских народов // *Известия Кавказского отделения Русского географического общества*. СПб., 1877. Т. 4. № 5. С. 259.

Имея в пределах занимаемого края достаточное количество медных и железных руд, абазины были знакомы и с их разработкой. «Данные сравнительного языкознания дают основание думать, что железо впервые появляется у кавказских народов, у которых его обработка развилась в значительную отрасль народного хозяйства»¹⁴⁹, — писал Г. Ф. Чурсин. Существование легенд и преданий о том, что железо играло значительную роль в жизни народа, доказывают во всяком случае, что абазины не были новичками в горном деле.

Наиболее высокого развития и широкого распространения достигло у абазин кузнечное ремесло.

1. Кузнечное ремесло

Кузнечный промысел представлял собой ремесло, тесно связанное с земледелием. Кузнецы выделывали и чинили плуги, вырабатывали косы и серпы, вилы, лопаты, ножи, подковы, части конской сбруи, разные цепи и т. д. Л. И. Лавров писал, что «единственным занятием, давно успевшим подняться до положения настоящего ремесла, то есть производства на заказ, было кузнечное дело. Кузнецы изготавливали косы, серпы, лемеха, ножи и, кажется, иногда оружие. Профессия кузнеца окружалась почетом, а сама кузница даже служила местом, где совершали моления»¹⁵⁰. Высоко оценивая кузнечную деятельность северокавказского мастера, работавшего еще в условиях домашнего ремесленного производства, Л. И. Лавров сообщал, что «кузнечное дело еще до Средних веков выделялось у адыгов из домашних промыслов, обслуживавших личные нужды мастера, в настоящее ремесло, обслуживающее заказчиков»¹⁵¹. До XIX в. «только кузнечное дело носило характер ремесла», — утверждала Е. Н. Кушева¹⁵². «Добыча и обработка металла, кузнечное и оружейное дело, ювелирное искусство требовали специальных приспособлений и навыков, поэтому они раньше других видов домашнего производства стали превращаться в ремесла», — писала Е. П. Алексеева¹⁵³. На значительную роль кузнечного дела в хозяйственной деятельности населения указывают и многочисленные металлические изделия, найденные в могильниках Северного Кавказа¹⁵⁴.

149 Чурсин Г. Ф. Культ железа у кавказских народов. Тифлис, 1928. С. 67.

150 Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1. С. 19.

151 Лавров Л. И. Адыги в раннем Средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 5. С. 27; *Он же*. Зарождение феодальных отношений у адыгов в IV–XII вв. // История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1. С. 63.

152 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 159.

153 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 113.

154 Крупнов Е. Н. Указ. соч. С. 32–64; Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Карачаево-Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 66; *Она же*. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

В прошлом кузнец работал в специально построенном для кузницы помещении — *жъира*, которое конструктивно мало чем отличалось от подобных построек у адыгов¹⁵⁵, абхазов¹⁵⁶. Мы приведем здесь описание кузницы, записанное у старейшего потомственного кузнеца — Копсергенова Абдул-Кадыра. Кузницу в прошлом строили в центре аула; очень часто она служила местом сбора старейшин аула, где решались все общественные дела.

Состояла кузница из одного сравнительно просторного помещения, стены которого были сплетены из прутьев, обмазанных внутри и снаружи желтой глиной и покрытого соломой. Потолка не было. Иногда кузница не имела фасадной части. На ночь просто приставляли плетенку соответствующего размера. По случаю «открытия» новой кузницы всегда устраивали жертвоприношение: закалывали годовалого некастрированного бычка. В торжественном обеде принимали участие только мужчины. Дети — подростки (мальчишки) и молодые мужчины — и неженатая молодежь присутствовали в качестве зрителей и обслуживающего персонала. Ко дню открытия приглашались гости из соседних аулов. После обеда все гости и местные старожилы рассаживались во дворе кузницы, а кузнец принимался за работу и выковывал какое-нибудь небольшое изделие, которое навсегда оставалось висеть на стене в той части кузницы, куда никто, кроме самого кузнеца, не имел права заходить. Народная память не сохранила воспоминания, был ли какой-нибудь определенный предмет, который должен быть именно первой продукцией. Информанты отвечают, что таковыми могли быть самые разные произвольные предметы: серп, коса, подкова и т. п.

Неизменным оборудованием кузницы был горн, который находился на небольшом возвышении посередине помещения. Посередине горна находился очаг круглой формы; горн имел навес и вытяжную трубу, выходящую наружу. В одной из боковых стен очага было круглое отверстие, соединявшееся с мехами при помощи глиняной или железной трубы. Меха — *гърычхъва* — имели треугольную или грушевидную форму и состояли из нескольких складок. Меха изготавливались из козьих шкур, имели клапан для набирания воздуха и две ручки. Меха приводились в движение при помощи опускания и поднятия ручек. Работа эта считалась очень тяжелой; выполнялась она или самими заказчиками, или же учениками кузнеца, каждый из которых без перерыва работал в течение одного часа, а затем его сменял другой напарник. Время от времени в очаг подбрасывали угли. Струя воздуха, выталкиваемая из мехов, попадала через трубу в очаг печки и разжигала древесные угли, в которых плавилось железо, накаливался железный предмет (болванка). Ря-

---

155 Меретуков М. А. Кузнечное ремесло у адыгов в XIX в. // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп, 1965. Т. 4. С. 97–98.

156 Аджинджал И. А. Из этнографии абхазов. Сухуми, 1965. С. 269.

дом с горном располагался большой сруб из крепкой породы дерева (дуба, карагача), на котором была установлена наковальня — *псыргла*, служившая для первоначальной грубой ковки железа с последующей окончательной выковкой, выправкой изделия. Рядом с горном находилась бочка с водой для закалки отделываемых предметов.

Внутри кузница незримо разделялась на две половины. В первой половине, направо от горна, вдоль всей стены стоял длинный стол, на котором лежали кузнечные инструменты. Здесь же на стене висели готовые изделия. Эта половина считалась почетной, сюда, кроме самого кузнеца, никто не имел права входить. Налево от горна были сложены сырье, топливо.

По сообщениям старожил, в более древнее время кузница конструктивно отличалась от настоящей. Так, кузнец работал, стоя в просторной яме. Перед ним на уровне рабочего положения рук находилась наковальня. С левой стороны располагались подручные инструменты, с правой стороны — горн.

Инструментарий кузнеца состоял из молотов различной величины и веса, клещей, зубил, напильников, наковальни и др. Все инструменты, кроме наковальни, изготовлялись самим же кузнецом, он же приделывал к ним деревянные ручки. По словам информантов, наковальни приобретались в готовом виде. Никто из них не помнит, чтобы кто-нибудь из кузнецов выковал самостоятельно наковальню. Каких-либо дополнительных, рассчитанных на облегчение труда кузнеца механических приспособлений в кузнице не было.

Сырьем в кузнечном деле служили различные сорта железа и металлолом.

Работали кузнецы круглый год. Некоторые предметы производились в определенный сезон в большем количестве, чем в другое время. Предметами кузнечного ремесла служили изделия, удовлетворявшие разнообразным житейским потребностям скотоводов, земледельцев. Насколько разнообразен ассортимент изделий кузнеца, видно из частичного перечня, приведенного нами выше. По мере распространения сложных сельскохозяйственных машин и других орудий труда среди местного населения местным кузнецам приходилось знакомиться с их устройством и заниматься ремонтом в случае поломки.

Процесс производства изделия в кузнице был довольно прост и заключался в общих чертах в следующем: кузнец бросал в горн угли, разжигал их, клал туда же железо и оставлял в горне до тех пор, пока оно не накалится добела; затем клещами он вынимал его, клал на наковальню и, ударяя сначала большим молотом по крице, придавал ей желаемую первоначальную форму. Затем попеременно заново накаляя предмет в горне, кузнец с помощью различных молотов и других инструментов придавал предмету желаемую форму. В процессе обработки предмет закаляли в воде. Конечно, нельзя было требовать от кузнецов сколько-нибудь совершенных изделий. Предметы их производства могли удовлетворить лишь невзыскательный вкус и потребности крестьян.

В кузнечном деле, так же как и в других отраслях домашнего производства, а может быть, даже и в большей степени, обнаружился недостаток технических знаний и механических приспособлений. «Обстановка труда туземного кузнеца чрезвычайно убога и примитивна, — писал А. С. Пиралов. — У него имеются лишь самые необходимые инструменты, без которых нельзя обойтись, большинство из них сделано рукою самого же мастера, и при беглом осмотре легко понять, что ему неизвестны некоторые усовершенствованные приемы, применяемые современными специалистами этого дела»¹⁵⁷.

Не имея цифровых данных, характеризующих состояние кузнечного ремесла у абазин в исследуемый период, а следовательно, и материалов, с которыми мы могли бы сопоставить сведения полевых данных, мы не можем с уверенностью судить о характере эволюции изучаемого ремесла, нам остается лишь ограничиться сообщениями стариков-информантов. Так, по сообщениям последних, в каждом населенном пункте до революции было по три-четыре кузницы. Наличие большого числа ремесленников-кузнецов до революции было обусловлено расширением земледелия. Завозимые промышленные изделия не могли серьезно конкурировать с ремесленными, так как, с одной стороны, количество их было еще невелико, с другой стороны, приобрести их из-за дороговизны могли лишь зажиточные хозяева.

Большой известностью не только в своем селении, но и за его пределами пользовались кузнецы Копсергенов Абдул-Кадыр (а. Псыж), Копсергенов Салех (а. Кара-Паго), Курачинов Салех и Шебхузев Эриджеп (а. Кубина). Последние двое были известны и как мастера ювелирного дела. Два ножа и набор модных инструментов, выполненные кузнецом Ибрагимом Каблаховым из а. Бибердовского (а. Эльбурган) и представленные на Кубанской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности в 1889 г. в Тифлисе, были удостоены похвальной грамоты¹⁵⁸.

Существовали семьи, в которых кузнечное мастерство передавалось по наследству от отца к сыну. Например, Копсергенов Абдул-Кадир (более известный как Гадра) из а. Псыж учился кузнечному ремеслу у своего отца Салеха, Салех, в свою очередь, учился у отца Хабыджь, Хабыджь — у Айсали, Айсали — у Картуль, Картуль — у Батыра. У Гадры же выучился его сын Ятакь, который в первое время работал еще в примитивной кузнице, а затем уже в более усовершенствованной колхозной кузнице.

В кузнечном ремесле больше, чем в каком-либо другом, было распространено ученичество. Чем больше учеников было у того или иного кузнеца-мастера, тем большим уважением и известностью он пользовался среди населения. Учеников набирали обычно в своем же селении, но бывали случаи, когда

---

157 Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 97.

158 Кубанские областные ведомости. 1890. № 13.

ездили учиться в соседние селения к более прославленным мастерам. Отношения учителя-кузнеца и ученика ничем не регламентировались. Прежде всего ученик должен был выполнять различные подсобные работы. Рабочий день учителя и ученика длился весь световой день. Первое время учитель поручал своему ученику отдельные мелкие нетрудоёмкие отделочные работы. Постепенно ему разрешалось выполнение того или иного отдельного изделия. Ученик иногда выполнял роль подсобного рабочего по кузнице: он разжигал горн, раздувал меха. Не желая отпустить почти даровую рабочую силу, мастер обычно оттягивал срок завершения учебы. Но, как правило, срок обучения не превышал 2–2,5 лет. За это время известный мастер-кузнец подготавливал вполне самостоятельного кузнеца. В конце срока обучения мастер-кузнец дарил своему ученику весь набор инструментов, необходимый для кузнечного производства. В конце учебы ученик обязан был устроить своему учителю праздничный обед, в котором принимали участие родственники ученика, друзья, уважаемые старожилы аула. В этот же день до обеда ученик «сдавал экзамен» на мастерство. Он в присутствии всех самостоятельно изготавливал какое-нибудь изделие. Это изделие получало «аттестацию» присутствующих, а затем ученик торжественно дарил его своему учителю. Эти «сувениры» хранились в кузнице, их вешали на стенку на почетной стороне кузницы. По числу этих предметов любой мог безошибочно определить количество подготовленных данным хозяином кузни кузнецов.

Пройдя курс обучения и получив необходимый инструментарий, ученик принимался за самостоятельную работу. Если же того желали мастер и ученик, последний мог остаться работать вместе со своим учителем. В таком случае наблюдалось уже небольшое разделение труда, для каждого из них в кузнице устанавливалась отдельная наковальня.

В конце XIX — начале XX в. среди абазинских кузнецов наблюдается отходничество. Это явилось следствием развития элементов капиталистических отношений, вытеснявших местные изделия фабричными, роста товарно-денежных отношений, приводивших к разорению, как маломощных крестьянских хозяйств, так и ремесленников, которые вынуждены были искать работу на стороне. Отходники работали не только в других селениях Баталпашинского отдела, но, бывало, уезжали и далеко за пределы его. Так, Глисов Абдулах (а. Апсуа) пять лет работал отходником в Абхазии.

В прошлом в каждом ауле имелись общественные кузнецы, которые нанимались из числа свободных кузнецов в разгар полевых работ. «Земледельческое население, — писали исследователи, — всегда имеет нужду в хорошем кузнеце для исправного содержания своего инвентаря с железными частями»¹⁵⁹.

159 *Вертепов Г. А.* Очерк кустарных промыслов Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С. 114; *Мамбетов Г. Х.* Культ железа. Общественные кузницы в Кабарде и Балкарии // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 119.

Как известно, не каждое крестьянское хозяйство было в состоянии самостоятельно справиться со своими полевыми работами, особенно с пахотой. Далеко не в каждом хозяйстве имелось достаточное количество скота, инвентаря; были семьи, в которых не было взрослых мужчин. И для того, чтобы вовремя вспахать и засеять поле, несколько маломощных хозяйств договаривались между собой о супруге — *адгылра/гвып*. Супругу организовывали иногда целым кварталом. Крестьяне входили в супругу со всем тем, что имелось у них в хозяйстве: сельскохозяйственным инвентарем; хозяйства, в которых не было ни того ни другого, принимали участие в супруге как подсобная рабочая сила.

Члены супруги нанимали кузнеца, который обязан был работать на всех, делая все, что от него потребуют и что он умеет выковывать: железные части плуга, косы и серпы, мотыги, лопаты, а также заниматься ремонтом сломанных вещей. А члены супруги, в свою очередь, должны были бесплатно вспахать и обработать участок кузнеца. Общественный кузнец нанимался на весь сезон сельскохозяйственных работ. Каких-либо письменных договоров между кузнецом и членами супруги не было, дело ограничивалось устным соглашением обеих сторон. Но, несмотря на это, старожилы не помнят случая нарушения условий договора со стороны кого-нибудь из членов общества. Более того, в конце сельскохозяйственного сезона каждый член супруги отчуждал от своего достатка какое-то количество продуктов питания.

Иногда возникала нужда в выполнении той или иной работы, не предусмотренной по условиям договора. В таких случаях плату за каждую отдельную работу производили дополнительно. Число общественных кузнецов и количество дворов, ими обслуживаемых, в том или ином ауле были неодинаковыми и зависели от размеров последнего.

В конце XIX — начале XX в. не в каждом ауле имелось достаточное количество свободных кузнецов, которые могли бы удовлетворить нужды крестьян в разгар полевых работ. Поэтому в исключительных случаях общественного кузнеца приглашали из другого аула. В таком случае сельское общество со своей стороны обязывалось отвести кузнецу пай земли из общественного надела, предоставить право выпаса крупного и мелкого рогатого скота без ограничения количества на общественном выгоне, освободить кузнеца от всех натуральных и денежных повинностей и, кроме того, расплачиваться за работу продуктами, скотом, а позже и деньгами.

Общественные кузнецы от каждого отдельного клиента получали материал для работы, топливо для горна и рабочего на все время исполнения заказа. Аналогичный порядок существовал у абхазов¹⁶⁰, кабардинцев¹⁶¹, адыгейцев¹⁶², он нашел отражение и в устном народном творчестве и литературе¹⁶³.

---

160 *Джананшиа Н. С.* Абхазский культ и быт // Христианский Восток. СПб., 1917. Т. 5. Вып. 3. С. 173.

161 *Мамбетов Г. Х.* Указ. соч. С. 123.

162 *Меретуков М. А.* Указ. соч. С. 99.

163 *Каламбий.* На холме // Русский вестник. 1861. Т. 36. № 11. С. 325–326.

В некоторых случаях заказчик должен был кормить кузнеца весь период работы. Такое обязательство в договорах не предусматривалось, но традиционный этикет требовал, чтобы заказчик вместе с работой принес хлеба, курицу, яиц, словом, что-нибудь съестное, причем количество продуктов соизмерялось с продолжительностью работы. Обязанности подсобного рабочего исполнял сам заказчик: он раздувал меха, носил воду, помогал кузнецу в уборке горна в конце рабочего дня. Правом на труд общественного кузнеца члены общества пользовались строго по очереди. Те, кто принес работу раньше, вне зависимости от ее сложности всецело располагал временем кузнеца до завершения работы. Право очереди соблюдалось строго: если даже у кого-нибудь случалась неотложная нужда в кузнеце, например для починки какого-нибудь земледельческого орудия в разгар работ, он терпеливо ждал, пока кузнец закончит все поступившие к нему ранее заказы. Право очередности настолько уважалось всеми членами общества, что никто, как бы он ни нуждался, не смел просить об уступке очереди. Только сам заказчик, которому в данный момент принадлежала очередь, мог уступить право своей очереди более нуждающемуся, при этом сам он занимал место последнего.

Сбор вознаграждения с каждого двора кузнец производил сам; сельское общество не принимало на себя никакого посредничества между кузнецом и общинниками. Обыкновенно каждый хозяин все свои обязанности перед общественным кузнецом выполнял исправно.

Кузнецы занимались не только изготовлением разнообразных сельскохозяйственных орудий труда и их ремонтом, им были известны также приемы выплавки железа, чем они редко занимались. Но так как эта работа была связана с большими затратами времени, предпочитали получать готовый металлолом от самих заказчиков. Каких-либо письменных сведений о существовании у абазин специальных печей, в которых выплавлялось железо, нам получить не удалось. По устным рассказам старожилков, вся работа по выплавке железа сводилась к тому, что руду и топливо складывали в одну огромную кучу и поджигали. Иногда для этого рыли огромную яму. В результате образовавшейся высокой температуры руда расплавлялась и образовывалась так называемая крица, которая содержала еще большее количество шлака. В конце плавки из костра выбирали крицу, а затем уже в горне кузнеца старались очистить ее от шлака. Из полученных слитков металла местные кузнецы изготавливали необходимые предметы. Помимо этого, сырьем для кузнеца служили поломанные железные предметы, купленные на ежегодных осенних и весенних ярмарках.

Металлы сыграли важнейшую роль в хозяйстве, и неудивительно, что это обстоятельство породило былое почитание металла и признание за ним чудодейственной целебной силы. «Железо играет важную роль в поверьях и верованиях некоторых кавказских племен, — писал Е. Вейденбаум. — Заме-

чательно, что у западных горцев кузнец считается лицом, состоящим в сношениях с сверхъестественными существами»¹⁶⁴. Наши попытки восстановить имя сверхъестественного существа или покровителя кузницы, которого адыги называют Тлепш, а абхазы — Швашвы, не имели успеха. Обычно ответы стариков ограничиваются тем, что «все находится в божьих руках». Или же рассказывают нам довольно интересную историю, которая заключается в том, что при каждой кузнице всегда жили джинны — *джьын*. Народная память до сих пор хранит веру в добрых «белых джиннов» и злых «черных джиннов». Рассказывают, якобы, кроме самого кузнеца, джиннов никто не мог видеть. Добрые «белые джинны» всегда оказывали помощь кузнецу, как при работе, так и при лечении больных, которые обращались за помощью к кузнецу. Полагаем, что этими мифическими существами, которых народ называл джиннами, и за *фегамбаром*, то есть пророком, скрывается покровитель абазинской кузницы, бывшее имя которого не дошло до нас сквозь толщу веков.

Интересны обряды и верования, связанные с кузнечным ремеслом. Абазины почитали кузницу как священное место. «Особенным уважением у них (абазин. — *Л. К.*) пользуется наковальня, — писал А. Берже. — Ей приносят жертвы, и клятва при наковальне считается ненарушимой»¹⁶⁵. Наковальня считалась священной, никто, кроме самого кузнеца и его подручного, не имел права садиться на нее. Провинившегося подвергали штрафу — *айсара йыквырцун*, который выражался в том, что последний должен был устроить обильное угощение всем тем, кто находился в кузнице в момент нарушения обычая. Почитание наковальни было известно также и у абхазов¹⁶⁶, адыгов¹⁶⁷.

В представлении абазин железо, кузнечная вода обладали магической силой, «благоприятно» действовали на больных, рожениц, детей и т. д. К лечебной силе кузнечной воды абазины прибегали часто при лечении детей: больного ребенка купали в кузнечной воде или же в воде с добавлением кузнечной воды; кузнечной водой «лечили» также домашних животных и домашнюю птицу.

Веря в магическую силу железа, абазины, как и другие народы Северного Кавказа, «лечили» больного с его помощью, для чего у постели больного кла-

164 *Вейденбаум Е.* Указ. соч. С. 298.

165 *Берже А.* Горские племена Кавказа // Живописная Россия. СПб.; М., 1883. Т. 9. С. 74.

166 Нечто о Самурзаканы // Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. 1864. Кн. 4; *Введенский А. Н.* Религиозные верования абхазов // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. 10; Абхазская мифология и религиозные верования и обряды между жителями Абхазии // Кавказ. 1855. № 81–82; *Шиллинг Е.* Абхазы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 55–78; *Акаба Л. Х.* О некоторых религиозных пережитках у абхазов // Современное абхазское село. Тбилиси, 1967 и др.

167 *Люлье Л.* Верования, религиозные верования и предрассудки у черкесов // Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. 1863. Кн. 5; *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. С. 402 и др.

Часть II. Народные промыслы абазин

ли лемех и молот, кусок железа. В доме, где лежал больной, укушенный змеей, у порога обязательно клали какой-нибудь железный предмет. Среди абазин существовало поверье, что змея непременно вернется к своей жертве, чтобы облизнуть ее, после чего больного уже якобы невозможно спасти. И железный предмет, положенный у порога, якобы препятствует проникновению змеи в дом.

Желая доброго пути отсутствующим членам семьи, а также желая оградить пропавший скот от диких зверей, абазины прибегали к заговору, который назывался «закрыть пасть собаке/зверю» — *ашвагала ашла рклуан*, то есть не дать дикому зверю раскрыть пасть. Суть заговора состояла в том, что, произнося шепотом слова заговора, дули семь раз на какой-нибудь железный предмет (большей частью на ножницы, шомпол), затем этот предмет семь раз обвязывали бечевкой и закапывали в землю у порога дома или хлева. Это якобы способствовало благополучному исходу дела. К магической силе железа (к заговору) абазины прибегали часто. Так, например, хозяин, у которого украли какой-либо предмет или скот, «заговаривал» у знахаря обломок железа и закапывал его в землю. Существовало поверье, что с того дня, как железо, находящееся в сырой земле, начинало подвергаться ржавчине, на теле похитителя начинали проступать бурые пятна, покрывая все тело, и спасти его было невозможно. Для того чтобы спасти жизнь похитителя — больного, был только один способ: во-первых, вор в течение семи дней должен был успеть признаться в содеянном злодеянии; во-вторых, вернуть в течение этого времени незаметно украденное. Хозяин же, в свою очередь, должен был выкопать «заговоренный» предмет, семь раз окунуть в чистую воду и выбросить. Как рассказывают информанты, вера в сверхъестественную силу заговора была столь велика, что вор в страхе, что он действительно заболит и тем самым раскроется его злодеяние, всегда возвращал незаметно украденное.

В заключение необходимо отметить, что в рассматриваемый период кузнечное дело оставалось самым распространенным из ремесел, производивших металлические изделия; оно не только снабжало население сельскохозяйственными орудиями и предметами быта, но и обеспечивало необходимыми инструментами другие отрасли домашних промыслов.

Изделия кузнечного ремесла

2. Производство оружия

Значительное количество оружия в могильниках указывает на существование развитого оружейного производства на Северном Кавказе. Необходимо отметить, что выделка хорошего холодного и огнестрельного оружия, как и вообще железообработка, была одной из древнейших отраслей ремесленного производства абазин. «Из всех ремесел, занимающихся металлическими изделиями, — писали авторы XIX в., — только производство оружия всякого рода достигло у некоторых кавказских народов наибольшего совершенства»¹⁶⁸.

Производство оружия у абазин имеет глубокие традиции, уходящие в далекое прошлое. Мастера делали стрелы — *хрихыц*. «Каждый день можно видеть, как джики изготавливают сами себе стрелы... их стрелы представляют верх искусства; по легкости, закалке острия, изяществу и верности действия немногие стрелы могут выдержать сравнение с ними», — писал Дюбуа де Монпере¹⁶⁹.

Абазинские мастера делали кинжалы, сабли, ножи, позже стали изготавливать и огнестрельное оружие. Нередко они украшали свои изделия серебром и золотом. Изделия некоторых оружейников пользовались большой известностью. Так, например, в периодической печати сообщалось, что «абазинский князь велел принести, чтобы показать гостю, свое оружие, которое было прекрасно и большей частью древнее. Одно из них — оружейника-соплеменника, пользующееся самой огромной известностью на Кавказе»¹⁷⁰.

Среди абазинских мастеров оружейного дела были такие, как Курачинов Салех, Шебзухов Эриджеп (а. Кубина), которые изготавливали прекрасные ружья, сочетая эту работу с ювелирным делом. Но, по сообщениям информантов, сочетание этих видов работ могли позволить только самые искусные мастера. Количество инструментов оружейника было гораздо больше и изящных видов. М. Чистяков сообщал, что «с недостаточными инструментами они делают превосходное оружие с серебряными и золотыми украшениями, с чернью; для насечек с чернью надобно большое искусство, терпение и труд. Оружейников уважают, и плата им хорошая, само собой разумеется, не деньгами, а вещами и железными предметами»¹⁷¹.

Многочисленные письменные сведения дают возможность представить, насколько горец дорожил своим оружием и как он ухаживал за ним. «Вся их (мужчин. — Л. К.) работа заключается в чистке оружия», — писал А. Берже¹⁷². «Муж знает только винтовку, пашку и кинжал...» — сообщал другой

168 Вейденбаум Е. Указ. соч. С. 291; Пиралов А. С. Указ. соч. С. 84.

169 Монпере Д. де. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Ч. 1. С. 30.

170 Кавказ. 1859. № 10.

171 Чистяков М. Из поездок по России. СПб., 1867. С. 266.

172 Берже А. Указ. соч. С. 80.

автор¹⁷³. И далее он же продолжает, что «главное же щегольство горских народов состоит в полном вооружении и хотя преимущественно стараются они о доброте и простоте оною, однако же, не отвергают и роскоши украшения»¹⁷⁴. Оружие для горца, особенно из высших сословий, обязанных нести военную службу, было всем. «Он обходился без некоторых частей костюма, например без рубашки, но без оружия не мог жить. Князья и выдающиеся джигиты не щеголяли костюмами, были оборванны и грязны, но оружие блестело у них на солнце. Обычное оружие, каким владел горец, состояло из шашки, винтовки, кинжала и пистолета, одного или двух. Горец не жалел средств ни на оружие, ни на его украшение. Золото и серебро шло у них главным образом на украшение оружия»¹⁷⁵. Хороший кинжал, хорошее оружие ценились весьма высоко, иногда же их просто нельзя было купить ни за какие деньги. По поводу цены оружия у абазин В. Савинов рассказывал следующее: «Страсть к оружию так сильна в абазинах, что они часто меняют за винтовку, роскошно оправленную в серебро, дочерей и жен»¹⁷⁶.

Кроме оружия собственного изготовления, большое распространение у абазин, как и у всех северокавказских народов, имело также и покупное оружие, среди которого особенно высоко ценилось крымское. Но это отнюдь не значит, будто «близкое соседство Крыма и возможность покупать оружие у турецких, крымских и греческих купцов не дали главным образом случаю развиваться собственному производству у горских племен Кавказа», — писал Е. Вейденбаум¹⁷⁷. Здесь нужно сказать о другом, не менее важном. Импортная продукция нередко служила у местных оружейников образцом для подражания. Из стран Востока на Кавказ проникали готовые изделия, формы которых заимствовались местными мастерами. Заимствовав тот или иной тип изделия, местные мастера налаживали его серийное производство. Однако они не ограничивались голым подражанием культурным и техническим достижениям других стран, но сами создавали свои местные формы.

Несмотря на неоднократные запреты, в которых говорилось: «Запретить отпускать им (черкесам и абазинам. — *Л. К.*) всякого огнестрельного и холодного оружия, пороха и свинца, как в деле, так и в кусках и слитках»¹⁷⁸; «И не желая давать горскому населению материалов для изготовления оружия, Петр Великий несколькими указаниями запретил ввоз железа на Кавказ и поставил отпуск его некоторым владельцам в зависимости от их поведения относитель-

173 *Данилевский Н. Я.* Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 129.

174 Там же.

175 *Шукини Ф. А.* Из поездок по верхней Кубани // *Землеведение*. 1914. Кн. 3. С. 30.

176 *Савинов В.* Достоверные рассказы об Абазии // *Пантеон*. СПб., 1850. Кн. 2–12. С. 10.

177 *Вейденбаум Е.* Указ. соч. С. 243.

178 *Правила для торговых отношений с черкесами и абазинами // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 37. СПб., 1830. С. 878.*

но русского правительства»¹⁷⁹, производство оружия все же имело значительное место еще в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. Но в последующие годы наблюдается упадок производства оружия под влиянием ввоза тульских и бельгийских изделий на Кавказ.

Наряду с производством оружия абазинские оружейники занимались изготовлением пуль разного калибра. Способ приготовления пуль был довольно примитивным. Мастер делал в земле шомполом отверстия, в которые заливал расплавленный свинец. Свинец быстро застывал в длинные палочки. Мастер вынимал их из земли, нарезал на одинаковые кусочки необходимого калибра. Для окончательной отделки пуль пользовались специальным барабаном. Это был металлический цилиндр. Внутри цилиндра помещалась полая трубка со сквозным отверстием. Цилиндр закрывался крышкой с ручкой. Нарезанный свинец засыпали в цилиндр и плотно закрывали крышку. Пропустив через полую трубку палку, цилиндр устанавливали между двумя рогатками. С помощью ручки цилиндр приводили во вращательное движение. От длительного вращения кусочки свинца отшлифовывались, превращаясь в гладкие круглые шарики. Несмотря на столь примитивный способ, пули эти, по рассказам информантов, удовлетворяли полностью нужды горцев. В «Отчетах Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря» сообщалось, что «горцы отливали пули для своих гладкоствольных ружей... Найденные нами в этом ущелье пули были величиной с лесной орех. При маленькой отделке пули эти, по утверждению офицеров местных войск, могут годиться для гладкоствольных ружей»¹⁸⁰.

В начале XX в. потребность в изделиях оружейников уже была очень незначительной. Выделка какого-нибудь оружия производилась лишь в исключительных случаях по заказу, а в остальное время оружейники занимались изготовлением ножей, столярных и плотничных инструментов, удил, стремян и прочих металлических изделий, одним словом, занимались кузнечным ремеслом.

3. Ювелирное дело

Ювелирное дело принадлежало к одному из древнейших ремесел абазин. Многочисленные письменные источники дают нам возможность представить тот чрезвычайный интерес, вызванный к ювелирным изделиям местных мастеров, не утративших своей оригинальности, в которых ярко проявились тонкий художественный вкус и высокое мастерство и которые привлекали с

179 Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1720 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 2. С. 149.

180 Отчет Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между р. Туапсе и Бзыбью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. 1867. № 5–6. С. 133.

неизменным успехом внимание, как потребителей, так и исследователей. Под непосредственным впечатлением от ювелирных изделий горцев В. Савинов писал: «Никто в мире не дошел до такого совершенства в выделке серебряных украшений на оружии и поясах. Нежность резьбы, правильность и замысловатость рисунка и искусство наводить чернь на серебро — изумительны»¹⁸¹. Выражая свое восхищение мастерством народных умельцев, В. Карпов писал, что «вполне заслуженная слава, достигаемая прочностью работы, чистотой отделки, красотой, особенным характером рисунка и блеском черни, всецело принадлежат кустарям-горцам»¹⁸².

В XIX — начале XX в. ювелирное дело у народов Северного Кавказа представляло одну из развитых отраслей ремесла. «Но главная промышленность, доведенная до высшей степени совершенства, — это было ювелирное дело, — писала Н. А. Александрова, — в котором горцы славились чернью на серебре»¹⁸³. Говоря о ювелирном деле у горцев, Дюбуа де Монпере писал, что «единственное производство, которое они довели до значительного совершенства, — это ювелирное. Среди них имеются очень ловкие мастера, в особенности что касается искусства обработки серебра узорами черненого и зернистого серебра; они покрывают таким рисунком рукоятки пистолетов, сабель, ножны кинжалов; они умеют также украшать дула ружей, делая насечки и прокладывая тонкие серебряные нити. Они делают очаровательные маленькие ящички, красивые пуговицы для поясов, застежки, кольца, кубки, чаши и т. д.»¹⁸⁴

Вопрос о технике обработки драгоценных металлов, применявшейся абазинскими ювелирами в древности, остался малоисследованным, и мы можем сослаться только на сообщения информантов. Так, по их рассказам, ювелир обыкновенно устраивал у себя дома мастерскую с несложным инструментарием (маленькая наковальня, переносной горн, паяльная груба, щипцы разных размеров, ножницы, молоточки). В продолжение всего дня с большим терпением мастерил различного рода изделия: женские и мужские пояса, нагрудные украшения, перстни и кольца, серьги и височные подвески. Все украшения, предназначенные для ношения женщинами, были очень красивы по своей форме, богато орнаментированы. Цены на эти предметы зависели от материала, из которого сделаны, и сложности работы.

Ювелиры отделявали также конскую сбрую, седла, уздечки и т. д. Большей частью эти предметы отделявали серебром. Мастера-ювелиры украшали богато ружья, шашки, пояса. «Горец, как бы беден ни был, употребляет послед-

181 Савинов В. Указ. соч. С. 11.

182 Карпов В. Производство оружия и изделия из серебра на Кавказе // Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов в России. СПб., 1882. Вып. 7. С. 129.

183 Александрова Н. А. Степи и горы. Кавказ. Черкесы и кабардинцы. М., 1901. С. 56–57.

184 Монпере Д. де. Указ. соч. С. 59.

ние остатки свои на украшение оружия и редко довольствуется простой серебряной отделкой с чернью, — писал В. Карпов, — если у него нет возможности употребить вместо серебра золото, то он все-таки требует присутствия его в отделке, потом вещи покрываются, кроме черни, позолотой»¹⁸⁵.

В абазинской терминологии мы имеем слово *хьдзы* от слов *хь* — *хьшиц* — «золото»: *дзы* — «вода», то есть золотая вода, *сауыт* — чернь и т. д. Наличие данной терминологии технического приема ювелирного производства дает основание утверждать, что мастерам были известны эти и другие приемы ювелирного дела, но производство их прекратилось и вместе с этим из народной памяти стали исчезать и термины, связанные с тем или иным производством.

Местные ювелиры довели свое искусство до совершенства. Вся применявшаяся техника при обработке золота и серебра направлялась на совершенствование многообразных и сложных приемов изготовления предметов. Как рассказывают бывшие мастера-ювелиры, им были известны и такие наиболее трудоемкие виды ювелирной техники, как скань, филигрань, зернь. Это искусство стояло высоко еще во второй половине XIX — начале XX в., в чем мы имеем возможность убедиться по встречающимся и сейчас у части населения раритетам этих изделий. Однако следует отметить, что к филиграни мастера прибегали реже, чем к гравировке и насечке. Филигранные работы они выполняли только по специальным заказам.

Большинство ювелирных изделий мастера украшали вставками из драгоценных и полудрагоценных камней и разноцветного стекла. Из камней предпочтение отдавали бирюзе, жемчугу, кораллу. Из цветного стекла — поделкам под сапфир, изумруд и рубин. Осмотренные изделия с подобными вставками и отсутствие в них природных дефектов (трещин, сколов, пузырьков и т. д.) показывают, что, во-первых, искусство огранки у местных ювелиров стояло на высоком уровне, во-вторых, возможно, они их приобретали уже в обработанном виде.

Среди самых распространенных изделий ювелиров встречаются и литые изделия, судя по сообщениям информантов, получившие большое распространение в XX в. Эта черта резко отличает, например, перстни, характерной особенностью которых было изготовление кольца и венчика каждого в отдельности с последующим соединением в единое целое. Каждый мастер при изготовлении изделия всемерно учитывал пожелания заказчика, но в каждом отдельном случае вносил в них что-нибудь от себя.

Все свои изделия ювелиры украшали орнаментом геометрического и растительного характера. На одном предмете можно было увидеть целый калейдоскоп орнаментов, скомпонованных с большим вкусом и художественно стилизованных. Ни один орнамент, как по стилю, так и по рисунку не портит

185 Карпов В. Указ. соч. С. 138.

впечатления целостности. Ни на одном предмете нельзя было встретить нагромождения орнаментов.

Для создания на изделии орнамента мастера применяли, помимо гравировки, также матрицы с готовыми узорами. Таких матриц с вырезанными на них узорами у ювелиров было несколько. Ими они украшали изделия штампованным орнаментом невысокого рельефа. Как ни интересны изделия, изготовленные штампованным способом, они производят впечатление чего-то застывшего, можно заранее сказать, какой формы будет предмет, изготовленный мастером.

Местные ювелиры считали свой промысел (в большинстве случаев передававшийся от отца к сыну) единственным и главным источником своего существования. Поэтому технические тонкости мастерства, перенятые от своих предков, они считали профессиональной тайной. Местные ювелиры не боялись русской фабричной конкуренции, что объяснялось многими причинами, главной из которых являлось то, что русская промышленность фактически не производила таких ювелирных изделий, которые соответствовали бы национальным вкусам горцев. Но наряду с сохранением древнейших технических традиций ювелирное ремесло впитало в себя новые навыки и приемы, разрабатываемые на месте или заимствованные у других народов. Так, например, на изделия абазинских ювелиров большое влияние оказали приезжие мастера-кубачинцы, которых абазины называли кумыками — *къвмыкъв*, а также привозные изделия из стран Ближнего Востока.

Приобщаясь к технической культуре других народов, абазинские мастера-ювелиры обогащали свои культурные традиции, вместе с другими народами приняли участие в выработке общих черт, характерных для национальных культур народов Северного Кавказа.

ПРОЧИЕ ПРОМЫСЛЫ

1. Камнетесное дело

Камнеобработка существовала на Кавказе со времен глубочайшей древности. Свидетельством этого может служить богатый археологический материал, находимый до сих пор в большом количестве в могильниках. «Большую часть предметов, найденных в могильниках, составляют каменные земледельческие орудия, круглые жернова больших и малых размеров, топорики, зернотерки, каменные ступы с пестами различных размеров, каменные утюжки, мелкие бытовые предметы: пряслица и оселки, каменные литейные формовки для отливки мелких ювелирных предметов и многое другое»¹⁸⁶. Все эти предметы встречаются в таком большом количестве, что можно с уверенностью сказать, что они местного происхождения. Судя по археологическим данным, среди значительного разнообразия каменных предметов в могильниках чаще всего встречаются жернова разных размеров, имевшие большое хозяйственное значение в быту горцев. Без жерновов не могло обходиться ни одно хозяйство. Основная пища горцев, заменявшая им хлеб, — *баста*, приготавливалась из пшенной или кукурузной крупы, получаемой путем «перемалывания на ручной мельнице»¹⁸⁷.

Характеризуя местный, наиболее распространенный тип жерновов, следует заметить, что конструкция их весьма несложна. Каждый из них состоял из двух половинок: верхнего *лухъагIва*, приводимого во вращательное движение при помощи деревянной ручки, и нижнего *луцIгIва*, неподвижно укрепленного на крепкой оси.

Жернова вытесывали из разных пород камня — «кремня, кварца, гранита»¹⁸⁸, но чаще всего из твердого песчаника, он так и назывался в народе — «жерновым камнем», в отличие от мягкого песчаника, который шел на изготовление точильных кругов, строительные материалы и пр. К выбору жернового камня предъявлялись особые требования. Чтобы жернова исправно работали, они должны были быть твердыми, иначе они плохо держали бы наковальню, то есть затирались бы преждевременно, в муке могло быть много каменного песка. Кроме того, жернова не должны были крошиться при отделке и насечке рабочих гнезд. И, наконец, жернова должны были быть одинаковыми, то есть вся та сторона, которая несет рабочую функцию размола зерна, должна быть одинаковой твердости, в противном случае один край стирался бы быстрее

186 Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 88, 94, 192, 204; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 66.

187 Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С. 19.

188 Кузнецов В. А. Алалия. X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 138.

другого жернова. Кроме того, обращали внимание на то, чтобы верхний камень был более ноздреват или, как говорили, более пористым. Это позволяло в процессе вращения верхнего жернова «разрезать» зерно, а не давить.

Кроме того, жернова могли быть составными, то есть собранными из нескольких кусков, чаще всего из двух половинок. Считалось обязательным оклеивать жернова хотя бы парой прочных обручей, особенно это касалось составных жерновов. Обручи надевали на жернова в разогретом виде; при охлаждении они плотно стягивали жерновой камень и предохраняли от возможного повреждения в процессе работы. Главной рабочей частью жерновов являлась верхняя половина. Она имела в середине небольшое круглое отверстие, через которое поступало зерно; в ней же с внутренней рабочей стороны в специальное гнездо помещалась параплица — *звч/вы*, которая соединяла верхнюю и нижнюю половины жерновов. Параплица имела четырехугольную, или прямоугольную, или треугольную форму, или же форму трехконечной звезды. Изготавливалась параплица из той же породы камня или же из куска твердой породы дерева. Параплица насаживалась на вал, который проходил сквозь кругловину нижней половинки жерновов.

Рабочие поверхности жерновов тщательно обрабатывались, чтобы они могли прийтись друг к другу. Но ближе к середине они должны были иметь небольшой зазор. Этот зазор делали с таким расчетом, чтобы зерно, попадая в этот зазор, разбивалось в крупу, а потом уже, попав между размольными частями, перетиралось в муку. Для того чтобы крупа и мука могли свободно выходить из рабочих частей жерновов, на размольной поверхности проделывали бороздки. При этом на нижней половине жерновов бороздки делались с уклоном в ту сторону, в которую крутится верхний жернов, а у верхнего жернова в обратном направлении. Во время работы жерновов бороздки перехлестывались друг с другом.

Орудиями у камнетесов служили молоты различных размеров и веса. Одни служили для первичного скола камня, другие, гораздо меньших размеров, для дальнейшей тщательной отделки. Мастера работали чаще всего на месте добычи камня. Это объясняли тем обстоятельством, что во время отделки жерновов камень иногда мог расколоться, а из такого уже невозможно приготовить прочные жернова. А когда под рукой было обилие строевого материала, эти потери были для мастеров не так ощутимы. На приготовление одних жерновов уходило два-три дня. Готовые жернова мастера-камнетесы развозили по селениям и продавали в обмен на продукты питания, шерсть, мелкий рогатый скот.

Камень применялся и в качестве основного материала, из которого делали надмогильные надгробия — *син*. Это ремесло находилось в руках специалистов-профессионалов. Надмогильные памятники изготавливались с помощью

тех же инструментов, что и жернова. Старательный мастер изготавливал надмогильный памятник в течение одного-двух дней. В отличие от других народов Кавказа (Дагестан, Осетия), где обильно украшали надмогильные памятники резьбой как геометрического, так и растительного характера, изображениями птиц и стилизованных животных, узор на надмогильных памятниках у абазин предельно прост и скуп. Вплоть до 30-х годов XX в. узор на надмогильных памятниках ограничивался лишь фамильным знаком-тавром — *дамыгъа* — того, кто здесь похоронен. На мужских памятниках высекали какое-нибудь оружие: стрелу, кинжал, нож. На женском памятнике — ножницы, иголку с ниткой, наперсток. На редких памятниках можно было увидеть арабскую вязь — это или фамилия и имя покойного, или же сура из Корана. И только с конца 30-х — начала 40-х годов XX в. на надгробных памятниках стали появляться наряду с фамильными знаками и другими отличительными атрибутами фамилии, имена и даты их жизни, что отличалось тщательностью исполнения.

Кроме описанных выше предметов, из камня в прошлом изготавливались также небольшие предметы бытового и хозяйственного назначения: ступки с пестом для чеснока, тарелки для растирания соли с пряными травами, перцем, пряслица для веретена, точильные камни, корыта и пр.

Ступки изготавливались из целого куска камня. Форма ступы настолько традиционна, что увиденные нами в разных аулах образцы ничем не отличаются одни от других. Следует отметить также однотипность их и у разных народов Северного Кавказа.

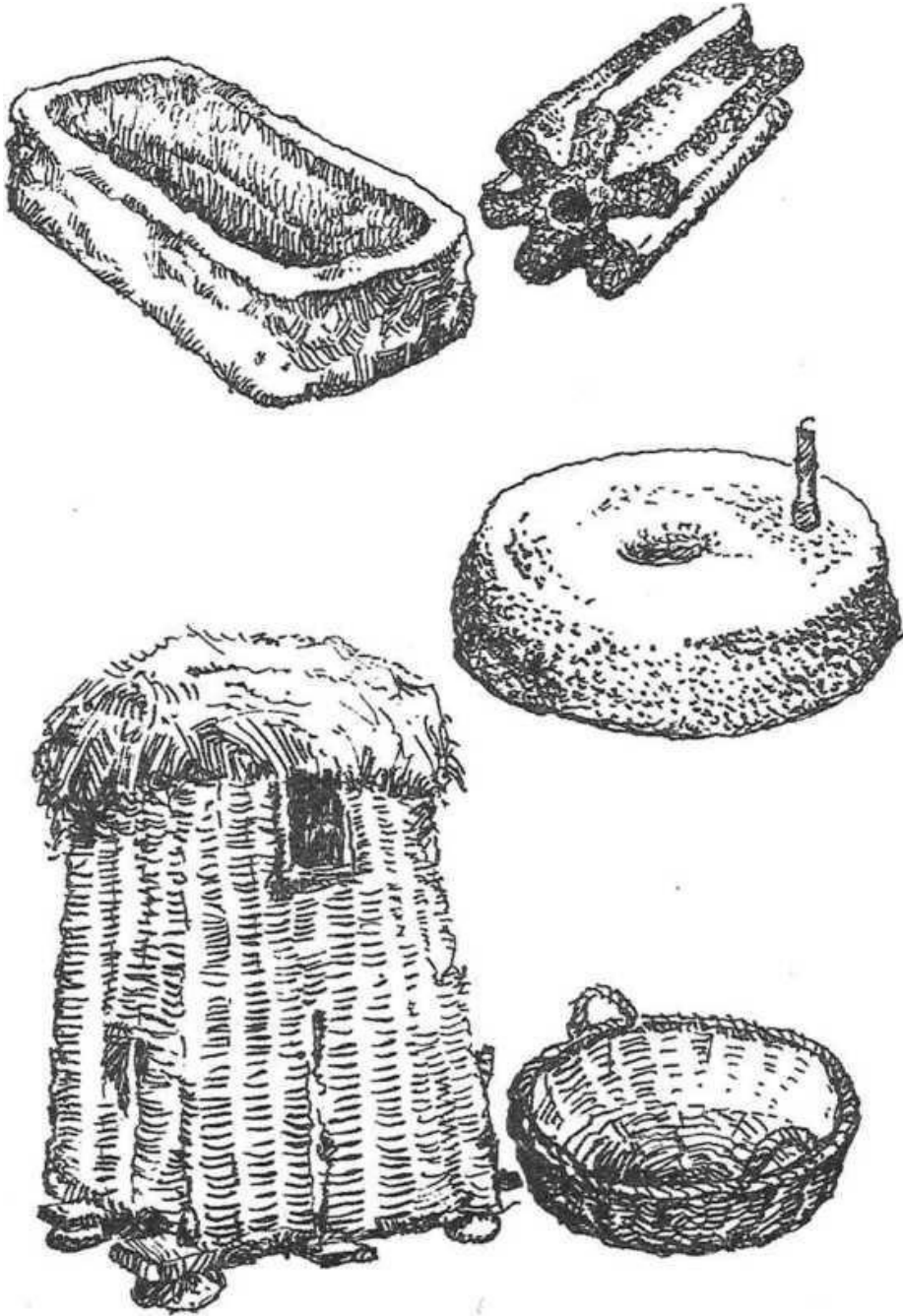
Орнаменты на ступках ограничиваются одной-двумя полосками по краю предмета, со следами инструмента и подрубкой у основания. Бросается также в глаза стилистическая близость узорной резьбы на камне и дереве, что находит объяснение, на наш взгляд, в том, что почти все мастера владели обеими профессиями.

До середины XIX в. жилой дом горца представлял «хижину, крытую соломой или камышом, плетеные стены которой плотно замазаны глиной, перемешанной с рубленой соломой, получающей свет через двери, отворенные настежь летом и зимой»¹⁸⁹. Но уже с середины XIX в. абазинцы (в основном знатная часть) стали строить деревянные или каменные дома. Строительным материалом служил дикий камень, в изобилии встречавшийся в горных и предгорных районах заселения абазин. По словам старожилов-информантов, строительному искусству абазинцы научились у русских мастеров-каменщиков из соседних станиц. Постепенно же среди абазин стали появляться свои мастера строители-камнеобработчики, которые стали строить удобные дома. В первое время таких мастеров было мало, и в основном они работали в отходничестве. Так, например, Кабалов Умар (а. Лоовско-Кубанский) работал

¹⁸⁹ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 79–80.

Научное наследие Л. З. Кунижевой

в соседних населенных пунктах. Мастер Насипов Умар (а. Клычевский) — в соседних черкесских селениях¹⁹⁰. Иногда в отходничество кооперировались два-три человека, которые при постройке дома распределяли работу между собой соответственно умению каждого.

Каменный жернов, каток, виды плетения из лозы

190 Кубанские губернские ведомости. 1914. № 71.

2. Обработка кости

Среди абазин было развито также производство изделий из кости и рога. Это всевозможные предметы домашнего обихода: ложки разного назначения и размеров, шкатулки для хранения ниток и прочих галантерейных предметов, наперстки, пуговицы, тонкие роговые пластинки с просверленными в них отверстиями для тканья золотых и серебряных галунов, «иглы и игольники, гребни, накладки на колчаны и пр.»¹⁹¹.

Изделия эти отличались особенной доброкачественностью и простотой; причем изделия, рассчитанные на спрос покупателя, наряду с добротностью отличались особенным изяществом и оригинальностью. Обработкой кости и рога занимались мастера по дереву, седельщики, ювелиры, сочетая ее со своей основной работой. Костью и рогом украшали рукоятки кинжалов, черенки ножей, ногаек, сошки ружей, пороховницы, футляры для дроби, луки седел, газыри. Мастера часто отделяли костью и рогом деревянные предметы, которые употребляли в быту, а также музыкальные инструменты. Ажурные костяные предметы набивали также на кожу, с тем чтобы ажурный орнамент лучше выделялся на фоне этого материала. При художественной обработке кости и рога мастера применяли рельефную резьбу. Косторезное искусство было настолько высоко, что орнамент предметов обнаруживает большое сходство с орнаментикой деревянных изделий, который состоит из геометрического и растительного узоров. Предметы из кости и рога свидетельствуют о большом мастерстве тех, кто их делал. Их художественная форма, шлифуясь в течение многих веков, получила удивительную четкость и выразительность. Народные мастера умели предельно рационально использовать практические свойства материала, выявлять его художественные особенности. Умение обработки материала, основанное на тонком чувстве скрытой в нем красоты, позволяло мастеру выявлять богатейшие эстетические возможности используемого материала. То эстетическое удовлетворение, которое мы испытываем от красоты изделий народных умельцев, есть, безусловно, отзвук того чувства, которое испытывал мастер в процессе работы над предметом, воплощая в нем свои желания.

Изготовление описанных предметов из камня, дерева, кости и рога, выделка деревянных предметов и украшение их резьбой стали уменьшаться уже в начале XX в. в связи с проникновением в быт горцев предметов фабричного или промышленного производства. И лишь в специальных артелях, в которых объединялись кустари-одиночки (а. Клычевский), возобновилось на совершенно новой основе изготовление многих предметов из дерева, камня, металла, кости, национальных по характеру и продолжавших пользоваться большим спросом среди местного населения¹⁹². Глядя на эти произведения

191 Алексеева Е. П. Указ. соч. С. 233.

192 Весь Кавказ. 1932. № 106.

народных умельцев, всегда думаешь, что «подобные образцы не могли бы появиться среди народа, для которого вообще художество и искусства резьбы в частности не являлось бы жизненно важной отраслью духовной культуры народа»¹⁹³.

3. Плетение циновок

В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи и ложившихся почти целиком на плечи женщин, необходимо упомянуть еще изготовление циновок — *джьаргьан* — из стеблей болотной травы осоки — *кьватлана*, переплетаемых шерстяными и хлопчатобумажными нитками.

Циновка являлась неизменной принадлежностью каждого хозяйства. Она служила подстилкой для постельных принадлежностей, молитвенником — *намазлыкь*, была настенным украшением, заменяя собой ковер.

Материалом (сырьем) запасались впрок, притом заготовкой занимались в разное время года. Для узора использовали ту же осоку, которой придавали различные цвета особым способом. Так, например, для того чтобы во время работы иметь стебли зеленого цвета, их в большом количестве срезали еще летом и сушили в прохладном, затемненном месте на сквозняке. Для получения черного цвета свежую зеленую осоку держали под гнетом на дне болотца в течение 15–18 дней. Затем ее доставали оттуда, промывали в проточной холодной воде и сушили. Чтобы иметь материал для более светлых золотистых тонов, осоку собирали осенью, после того как она высохнет. Вязанки заготовленного материала хранили на чердаках до тех пор, пока не понадобятся. Перед употреблением стебли вымачивали в больших емкостях с водой или же в запрудах в течение двух дней. После этого стебли осоки легко продевались через нити основы без поломок. При надобности мастера могли производить дополнительную окраску осоки в другие тона. Так, из золотистого стебля хозяйка могла получить коричневый, продержав пучки осоки в настое табака, или же из золотистых стеблей — стебли красного оттенка, подержав их в настое воды из-под вишневых веток.

Циновки изготовлялись на вертикальном станке, который имел вид большой деревянной рамы.

Длина и ширина рамы регулировались за счет специальных отверстий. Верхняя и нижняя планки были снабжены небольшими отверстиями, через которые пропускались нити основы. Между ними находилась деревянная планка, тоже с отверстиями. Через них также пропускались нити основы — эта планка служила регулятором четных и нечетных нитей основы. Ею же прибивали стебли, продетые через нити основы. Она, в сущности, выполняла ту же роль, что и гребень — бедро в ткацком станке.

193 *Весь Кавказ*. 1932. № 106.

Узор на циновках состоял из выразительных крупных геометрических фигур: квадратов, ромбов, треугольников, — расположенных в зеркальной симметрии, или же одной крупной фигуры в середине циновки с расположенными от нее по краям более мелкими фигурами. Растительный орнамент состоял в основном из сильно вытянутых угловатых стеблей с редкими листьями. Для большинства циновок было типично большое количество свободного светлого фона, на котором размещались крупные узоры центрального мотива циновки. Строгий рисунок контрастно выделялся на светло-золотистом фоне.

В циновках с более сложным орнаментом в центральной части помещали несколько ромбовидных или квадратных медальонов, от которых в разные стороны ответвлялись многочисленные отростки, очень похожие на длинные вытянутые шеи каких-то птиц с завершениями на месте головы в виде треугольников. У мастеров этот орнаментальный мотив носил название «многочейный». Среднюю часть циновки окаймляли широким фризом контрастного цвета. Контрастные сочетания цветов, четкий монументальный орнамент, обилие свободного фона служили отличительными чертами такого типа циновок. Рядом с темными и зелеными цветами светлый золотистый фон с темной обводкой создавал большой декоративный эффект. Выбор же только геометрического узора находил себе объяснение в технологии изготовления циновок, основанной на точном подсчете количества стеблей.

Дошедшие до наших дней образцы циновок могут служить примером подлинного понимания красоты. Несмотря на отсутствие животного орнамента, разнообразие национального декора поражает богатством зрелой творческой фантазии, наблюдательностью, чувством декоративности, смелостью и технической сноровкой.

Начиная с 20-х годов XX в. производство циновок начинает резко сокращаться, в настоящее время оно практически исчезло из быта абазин.

Мастерицы плели также легкие кошелки различных размеров с двумя ручками, с крышками и без них, которые в хозяйстве часто служили в качестве чемоданов для хранения белья, одежды и пр.

Массовым явлением в XVIII — начале XX в. было также плетение из обочечек кукурузных початков. Из них плели изящные сумочки для хранения предметов женского рукоделия, ложек и прочих мелких предметов.

У абазин было широко распространено также плетение из лозы, которым занимались только мужчины. Это различного размера корзины из прутьев орешника и ивы. Их употребляли для хранения разных продуктов питания, шерсти и т. д. Для корзин употребляли только однолетние побеги лозы. Рубку начинали с момента вызревания лозы. На время роста лозы ее рубка совершенно прекращалась. Материал заготавливали впрок. При работе обходились самым незначительным количеством инструментов: нож обыкновенный, ножицы, шило.

«Изделия были настолько легки и прочны, что быстро начинали вытеснять дорогие сундуки и чемоданы», — отмечал журнал «Северный Кавказ»¹⁹⁴. Из тонких ивовых прутьев плели кресла с высокими спинками, отличавшиеся аккуратностью исполнения.

Но уже с конца XIX — начала XX в., благодаря хищнической эксплуатации ивовых и других насаждений, промысел этот стал быстро падать.

---

194 Северный Кавказ. 1887. № 9. С. 13.

Прикладной характер традиционных видов народных промыслов абазин, рассмотренных нами в предыдущих главах, находился в прямой зависимости от условий быта отсталой окраины царской России, какой являлся Кавказ в начале XX в. Революционные преобразования, пришедшие с установлением новой власти, внесли принципиальные новшества в быт и духовную культуру народов Северного Кавказа, и в частности в быт абазин. Естественно, что изменения происходили постепенно и отражались в первую очередь на образе жизни социальной верхушки, но постепенно эти изменения все шире внедрялись в быт сельского населения. Следует заметить, что преобразования в жизни абазин создали в определенный период мнение об устарелости и безвозвратной утрате как прежних норм быта, так и связанных с ними изделий народных промыслов.

Традиционные народные промыслы абазин, возникнув в далеком прошлом, были распространены широко. Многие художественные промыслы дошли до наших дней и находят возможность для своего развития и ныне. В изделиях народных промыслов выразились художественные вкусы народа, его тяготение к красоте, желание украсить свое жилище, одежду, предметы быта, оружие.

Развиваясь, народные промыслы абазин получили выражение в форме домашней промышленности, когда создаваемые народными умельцами предметы предназначались непосредственно для себя, своей семьи, и в форме ремесленных промыслов, когда мастер обслуживал широкий круг потребителей, часто далеко выходя за пределы своего региона (кузнецы, оружейники, ювелиры). К концу XIX в. все большее развитие стали получать отдельные виды мелкотоварного производства: создание изделий из шерсти (бурки), дерева (традиционная мебель) для продажи на внутреннем рынке, а также на экспорт.

В XX в. после проведения социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства произошли коренные изменения в области культурной, материальной и бытовой жизни сельского населения. Каждый народ, прошедший длительный путь исторического развития, создал искусство, отражающее его взгляды и воззрения, эмоциональное восприятие окружающего мира. Предметы народного промысла, насыщенные памятью о прошлом, вместе с тем несут идеи, устремленные в будущее, несут в себе заряд жизнеутверждения.

В исторической ретроспекции отчетливо очерчиваются контуры многих традиционных видов абазинского искусства традиционных промыслов, например, связанного с оформлением жилища и одежды, инструментов, многочисленных современных украшений. На протяжении длительного времени

художественное творчество народных мастеров было сосредоточено на украшении предметов обихода и одежды. Возникновение в конце 60-х — начале 70-х годов XX в. крупнопромышленного жилищного строительства вызвало некоторую переакцентировку декоративного звучания народного быта, но вместе с тем еще более усилило его колористическую яркость.

Новый этап творческого осмысления окружающей действительности наступил в середине 70-х годов XX в. Особый толчок этому процессу дали постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах», опубликованное в феврале 1975 г., а также «О мерах по дальнейшему развитию художественных промыслов», предусматривавшие ряд мероприятий, нацеленных на кардинальное расширение народных промыслов. Принятый в начале 1990-х годов закон «О частной трудовой деятельности» во многом преобразил работу народных умельцев. Последовавший за этим законом период времени можно считать особо плодотворным в деятельности народных художественных промыслов во всех концах нашей страны. Большое внимание в Карачаево-Черкессии придается развитию широко известных народных промыслов по обработке шерсти, много делается и для возрождения угасших промыслов и ремесел.

Рассматривая творчество современных мастеров народного творчества в период становления рыночных отношений, следует выделить ряд моментов. Некоторые из видов народных промыслов сохраняют в жизни, главным образом сельского населения, свои традиционные функции, хотя они постепенно отпадают. Весьма актуальной функцией народных промыслов остается художественная — создание сувениров, отражающих богатые традиции искусства абазин, профессиональными художниками-декораторами. Одной из важнейших сторон развития народных промыслов следует считать художественно-эстетическую функцию воздействия на деятельность профессиональных мастеров, художников, ищущих в рамках традиционного искусства способы проявления самобытного национального стиля. Путь к решению этой задачи, на наш взгляд, лежит в первую очередь через глубокое изучение традиций народного декоративного искусства путем введения спецкурсов и факультативов по народным промыслам для студентов художественно-графических факультетов вузов.